

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8

ИСТОРИЯ

№6 • 2019 • НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Я сеновская А.А., Немировский А.А., Шелестин В.Ю. Змеборческий сюжет на оттиске староассирийской печати из коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина: мифологический контекст	3
Ш и ку ло М.И. Французские послы при иностранных дворах во второй половине XVII — начале XVIII в.: репрезентация коро- левской власти	25
Су сли на А.Г., Богомолов М.Л. Методика реконструкции родственных связей между крестьянами (по материалам ревизий второй половины XVIII в.)	43
А н д р е е в Д.А. Тверской губернатор П.Д. Ахлестышев и министр внутренних дел И.Л. Горемыкин: противостояние по вопросу о земстве в 1896–1897 гг.	60
З и н ч е н к о И.А. Институционализация внешней культурной по- литики V Французской Республики	76
Во л г и н Е.И. Проблема принятия Российского закона «О полити- ческих партиях» в середине 1990-х гг.	96
Ф р о л о в Д.И. Молокане Тамбовщины в 1990–2010-е гг. (по матери- алам полевых исследований)	120
Се ре ж н и ко ва Д.С. Топография и хронология западноевропей- ских находок из раскопок Великого Новгорода (конец XII — пер- вая половина XV в.)	141
У с а ч е в а С.В. Федор Алексеев и ученики: в мастерской и в классе	166
Са ли е н к о А.П. «Чуждое и непонятное» искусство. Книги отзывов посетителей художественных музеев и выставок как источник изучения «массового зрителя» 1920-х гг.	176
<hr/>	
К юбилею Лидии Васильевны Кошман	193
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2019 г. . .	197

CONTENTS

I a s e n o v s k a y a A.A., N e m i r o v s k y A.A., S h e l e s t i n V.Yu. Fighting with Serpent-like Monster on the Old Assyrian Seal Impres- sion from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts (Moscow): Mythological Context	3
S h i k u l o M.I. French Ambassadors at the Foreign Courts in the Second Half of the 17th — early 18th Centuries: the Representation of Royal Power	25
S u s l i n a A.G., B o g o m o l o v M.L. Methodology for Reconstruction of Kinships between Peasants Based on the Census Lists of the Second Half of the 18th Century	43
A n d r e e v D.A. Tver' Governor P.D. Akhlestyshv and Minister of the Interior I.L. Goremykin: Confrontation over the Zemstvo in 1896–1897. . .	60
Z i n c h e n k o I.A. Institutionalization of The French V Republic Foreign Cultural Policy.	76
V o l g i n E.I. The Problem of the Adoption of Russian Law “On Political Parties” in the Mid-1990s.	96
F r o l o v D.I. Molokans of the Tambov Region in the 1990s–2010s (Based on Field Research)	120
S e r e z h n i k o v a D.S. Topography and Chronology of Western European Objects from the Excavations in Veliky Novgorod (Late 12th — First Half of the 15th Century)	141
U s a c h e v a S.V. Fyodor Alekseyev and His Disciples: in the Workshop and Classroom	166
S a l i e n k o A.P. “Alien and Incomprehensible” Art. Guest Books of Art Museums and Exhibitions as Source of Study of the 1920s “Mass Audience”	176
<hr/>	
To the Jubilee of Lidiya Vasil'yevna Koshman	193
<i>Index of articles and materials published in the journal in 2019</i>	197

А.А. Ясеновская, А.А. Немировский, В.Ю. Шелестин*

**ЗМЕЕБОРЧЕСКИЙ СЮЖЕТ
НА ОТТИСКЕ СТАРОАССИРИЙСКОЙ ПЕЧАТИ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГМИИ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА:
МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

A.A. Iasenovskaya, A.A. Nemirovsky, V.Yu. Shelestin

**FIGHTING WITH A SERPENT-LIKE MONSTER ON THE OLD
ASSYRIAN SEAL IMPRESSION FROM THE COLLECTION OF
THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS (MOSCOW):
MYTHOLOGICAL CONTEXT**

Аннотация. Оттиск староассирийской печати из Кюль-тепе (начало II тыс. до н.э., коллекция ГМИИ имени А.С. Пушкина) несет изображение, не распознававшееся ранее и представляющее большой интерес: это сцена битвы героя со змееподобным демоническим персонажем. Редкость змееборческих сцен в дошедшем ближневосточном материале определяет важность изучения данного памятника, тем более что он является одной из

* *Ясеновская Анастасия Александровна*, научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина

Iasenovskaya Anastasia Aleksandrovna, Research Fellow, The Pushkin State Museum of Fine Arts

+7-963-667-17-19; anastasia.iasenovskaia@arts-museum.ru

Немировский Александр Аркадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, Международного центра антропологии НИУ «Высшая школа экономики»

Nemirovsky Aleksandr Arkad'evich, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Department of Comparative Studies of Ancient Civilizations, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, International Center for Anthropology, National Research University "Higher School of Economics"

+7-903-140-77-72; sidelts@inbox.ru

Шелестин Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Древнего Востока Института востоковедения РАН

Shelestin Vladimir Yur'evich, PhD Candidate in History, Research Fellow, Department of the Ancient East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

+7-903-184-72-17; vladimir-shelestin@yandex.ru

Соавторы — члены научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 МГУ имени М.В. Ломоносова. Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)».

немногочисленных печатей Кюль-Тепе с оригинальным, не повторяющимся на других печатях региона изображением. В статье рассмотрены композиция и сюжет печати вместе с параллелями, выявляемыми для их элементов в переднеазиатском материале, исследована изображенная сцена в контексте релевантных змеборческих мифов и мотивов, с целью установить связи ее сюжета (анатолийские, сирийские, месопотамские), учитывая, что Кюль-тепе был центром взаимодействия и синтеза традиций Анатолии, Нижней Месопотамии и сирийско-верхнемесопотамского региона. Выясняется, что иконографически ближайшие параллели к змею на печати обнаруживает змей на восточноанатолийском позднехеттском рельефе из Малатии (чей облик также уточняется авторами), а предполагаемая интерпретация некоторых деталей сцены на печати находит переключки с сиро-анатолийскими мотивами. Для определения связей исследуемого сюжета привлечен широкий круг змеборческих мотивов в релевантных традициях Передней Азии. Неполнота дошедшего материала и плохая сохранность рассматриваемого оттиска (особенно третьей, крайней правой фигуры, композиционно уравнивающей фигуру героя) не позволяют прямо указать конкретную культурологему, отраженную в исследуемой сцене. Однако ряд иконографических и содержательных ее черт позволяет полагать, что она отражает не месопотамские культурологемы (будь то миф о борьбе Нинурты со змеем или постулировавшаяся И.М. Дьяконовым, но с точки зрения авторов, скорее всего, вообще не существовавшая сцена борьбы Гильгамеша со змеем в «Эпосе о Гильгамеше» и т.д.) или не столько их, сколько восточноанатолийский круг сюжетов, формировавшийся на основе хаттско-хетто-хурритского культурного симбиоза.

Ключевые слова: двуглавый змей, гидра, Кюль-тепе, Малатия, Иллуанка, Хедамму.

Abstract. The early second-millennium BCE old Assyrian seals impress from Kultepe in the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts carries an image of great interest that has not been previously recognized. This is a battle of a hero with a serpent-like demonic character. The rarity of snake-fighting images in the extant Middle Eastern material determines the importance of studying this object, especially since it is one of the few Kultepe seals with an image which does not recur on the other seals from the region. The article analyzes the composition and subject of the seal along with the parallels to their elements found in the Near East material, explores the depicted scene in the context of relevant snake-fighting myths and motifs in order to establish the relations (Anatolian, Syrian, Mesopotamian) of its subject, taking into consideration that Kultepe was a centre of interaction and synthesis of the traditions of Anatolia, Lower Mesopotamia and the Syrian-Upper Mesopotamian region. The closest iconographic parallels to the serpent on the seal are revealed in the serpent on the East Anatolian Late Hittite relief from Malatia whose appearance is further interpreted by the authors, and the alleged interpretation of some details of the seal scene finds correspondences with Syro-Anatolian motifs. A wide range of snake-fighting motifs in the relevant Near East traditions is used to determine the relations of the subject in question.

The incompleteness of the extant material and the poor condition of the seal's impress, especially of the third, rightmost figure, compositionally balancing the figure of the hero, do not allow identifying any specific culturologeme represented in this scene. However, a number of its elements suggest that it does not reflect Mesopotamian culturologemes, be it the myth of Ninurta's fight with a snake or Gilgamesh's struggle with a snake in *The Epic of Gilgamesh*, which was hypothesized by I.M. Diakonov, although it seems very improbable to the authors. The scene reflects not so much these Mesopotamian culturologemes as the Eastern Anatolian circle of subjects, which was developed on the basis of the Hattic-Hitto-Hurrian cultural symbiosis.

Keywords: double-headed snake, hydra, Kultepe, Malatia, Illuyanka, Hedammu.

* * *

На одном из не вводившихся ранее в научный оборот оттисков печатей староассирийского времени из Кюль-тепе (Каниш) начала II тыс. до н.э., хранящихся в ГМИИ имени А.С. Пушкина (инв. номер I 2 б 1591, оттиск на глиняном конверте), присутствует интересная змееборческая сцена. Фрагмент конверта попал в собрание Пушкинского музея еще в 1911 г. в составе коллекции В.С. Голенищева, но из-за малых его размеров (1,77 × 2,62 × 0,62 см) и ряда повреждений, разобрать изображение на нем не было возможностей в течение многих десятилетий¹. Лишь ставшая доступной в последнее время техника цифровой фотографии с большим разрешением и увеличением², комбинированием съемок под разными углами и подсветками, применением различных способов компьютерной обработки полученных изображений и коллажией результатов с детальным изучением оригинала под сильным увеличением впервые позволили вполне надежно распознать основную часть контуров и получить ясное представление о большинстве элементов и общем сюжете композиции (хотя вопрос о ряде деталей остается открытым). На фотографиях и прорисовках

¹ Сам В.С. Голенищев никак не идентифицировал изображение. В инвентарной книге ученого этот предмет назван «фрагмент оболочки клинописной таблички». Безуспешной оказалась попытка опубликовать его прорисовку в рамках издания массива староассирийских табличек из ГМИИ им. А.С. Пушкина и Государственного Эрмитажа, предпринятого в 1968 г. Н.Б. Янковской (*Янковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н.э.)*. М., 1968. С. 306, № 119). По сути, это не может считаться его публикацией: замеченными и отображенными (притом с ошибками) оказались лишь несколько линий из числа реально имеющихся на оттиске, не дающие в совокупности никакого представления ни о том, что передают они сами, ни об изображении в целом.

² Фотографии получены в рамках совместного проекта ГМИИ им. А.С. Пушкина и ЗАО «Группа ЭПОС» по созданию цифрового архива клинописной коллекции Пушкинского музея (2014–2017 гг.).

Рис. 1. Оттиск печати на фрагменте конверта І 2 б 1591: 1 — основная часть; 2 — основная часть с контрастированием; 3 — общий вид сохранившегося фрагмента конверта с оттиском

оттиска печати³ (рис. 1 и 2) сплошными линиями переданы ясно распознаваемые контуры, штрих-пунктирными — различимые без уверенности, отштрихованными — линии сколов.

Левый, правый и нижний края изображения сколоты, но основная часть, по меньшей мере, той сцены, к которой принадлежат сохранившиеся элементы изображения, дошла почти полностью (это следует из того, что фигура героя, наносящего удар кинжалом, помещается на уцелевшей части композиции целиком или почти целиком, прочие элементы той же сцены должны были размещаться в том же регистре, не выходя намного ниже его, а пространство

³ Ср. подробности и дополнительные фотографические обоснования ряда фрагментов нашей прорисовки в детальной публикации: *Немировский А.А., Шелестин В.Ю., Ясеновская А.А.* Сцена борьбы со змееморфным демоническим персонажем... (в печати), где приведено 15 фотографий в варьирующихся ракурсах, демонстрирующих с достаточной ясностью (в зависимости от угла съемки, подсветки и контрастирования) различные соответствующие элементы оттиска (одни из которых четче видны при одних параметрах съемки и обработки изображения, другие — при других).

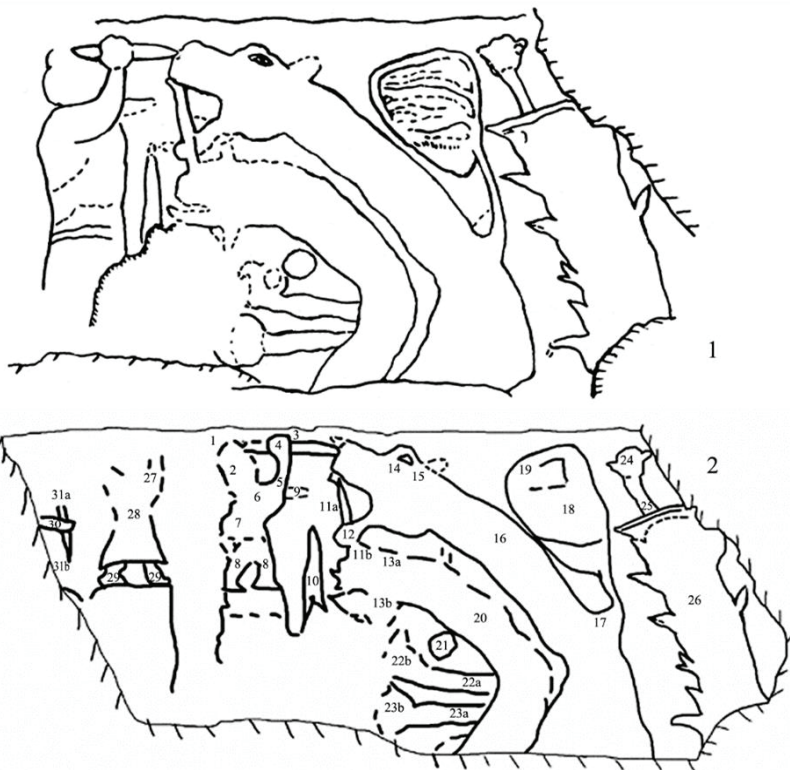

Рис. 2. Прорисовка оттиска на фрагменте конверта I 2 6 1591:
1 — основная часть, 2 — весь фрагмент конверта

этого регистра занимает как раз уцелевшую часть фрагмента, так что указанные элементы и должны были поместиться целиком или почти целиком на этой уцелевшей части).

То, что различимо на изображении вполне ясно, — это сцена битвы со змееподобным чудовищем: антропоморфный персонаж (слева) наносит ему удар. Змееборец (1 — голова или случайный скол, 2 — затылок, 4 — кулак, сжимающий кинжал, 5 — запястье? 6 — туловище и занесенная рука с кинжалом, 7 — линии на одежде? 8 — линии на одежде или ноги? 9 — ясно видимый элемент, возможно, фрагмент контура вытянутой вперед другой руки героя, который поражает кинжалом (3) в морду змееподобное чудовище (16), у последнего видны морда, шея / туловище (16), глаз? (14), выступ-гребень или ухо на задней части головы (15), возможно — край нижней челюсти (12). Конечностей при шее / туловище нет.

Из тыльной части шеи / туловища отходит некое «ответвление» (17), венчающееся большим элементом закругленной формы, похожим на крону дерева и обведенным ободком (19)⁴. Без уверенности различимы контуры (18), напоминающие ветви. Это, возможно, перекликается с тем, что сама форма змееподобного чудовища (16) напоминает ствол.

Справа от шеи / туловища чудовища располагается изображение некой фигуры, возможно, ствола (26) с вырастающим из него отростком (цветкообразный (?) элемент 24 и стеблеобразный элемент 25).

Ниже и левее шеи / туловища чудовища показана весьма напоминающая само это чудовище по форме и изогнутая параллельно ему фигура (20), из которой торчат вперед две сходные совокупности элементов (22a + 22b и 23a + 23b). К сожалению, левая оконечность фигуры (20) сильно повреждена, но, учитывая ее размещение, ее сходство по форме с венчающимся головой туловищем / шеей чудовища (16) и параллельность фигуры 20 этому туловищу / шее по изгибу, остается видеть в указанной фигуре (20), по всей вероятности, либо еще одного змея, либо вторую голову и шею двухголового змея (16+20); поврежденная левая оконечность элемента 20 окажется при этом головой. Если это двухголовый змей, то элементы 16 и 20 должны были соединяться как две его шеи ниже линии скола, подобно двум сросшимся снизу стволам. Элементы 22 и 23 являются, скорее всего, выдвинутыми вперед лапами змееподобного существа, представленного фигурой 20 (т.е. либо отдельного змееподобного чудовища, если фигура 16 принадлежит другому змею, либо двуглавному змею 16+20, если фигуры 16 и 20 принадлежат одному существу и являются его шеями). Отметим, что выдвинутые вперед лапы не имеющего задних лап змея / дракона — обычная черта одного из типов переднеазиатской (и конкретно месопотамской) иконографии драконов (прежде всего месопотамского змея *баишму*), которому, кстати, свойственен также и выступ на затылке (ухо)⁵, аналогичный нашему элементу 15. Есть такие выдвинутые лапы, по-видимому, и у сражаемого героя

⁴ Ср. срастание с деревом безногого чудовищного змея с драконьей головой, отдаленно напоминающей голову нашего чудовища 16, на печати: *Ward W.H. The seal cylinders of western Asia. Washington, 1910. No 710.* Змей здесь словно вырастает из древа. Ср. также частый изобразительный мотив растений, растущих из плеч и спин месопотамских божеств плодородия: *Frankfort H. Cylinder Seals. A Documentary Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East. London, 1939. P. 106, 107, 114, 115, 124.*

⁵ См., например, изображения драконов (по всей видимости, *баишму*) на ново-ассирийских печатях BM 89589: *Ward W.H. Op.cit. N 579; Collon D. First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East: British Museum. London, 2005. Fig. 850.* Бор (вероятно, Нинурта) и АО 30255 (Лувр), где есть и выставленные вперед лапы, и выступающий элемент на затылке.

змея на позднехеттском рельефе из Малатии (также не имеющего задних лап), см. ниже (отметим, что Малатия лежит в том же регионе (Юго-Восточная Малая Азия), что и Каниш — Кюль-тепе).

С полной определенностью нельзя сделать выбор между двумя названными интерпретациями (два змееподобных чудовища или одно двуглавое), однако ряд соображений говорит в пользу второго варианта. Во-первых, если считать, что тут изображены два змея, то получится, что при их общем весьма высоком подобии и параллелизме по общей форме, позе и расположению, они выглядят, тем не менее, настолько различными, что у одного (20) показаны передние конечности (22 и 23), а у другого их нет, зато есть растущий из спины элемент 17 («деревце»), отсутствующий у первого. Более вероятным кажется, что это один двухголовый змей, которому принадлежат как части тела и элементы 22 и 23 (лапы), и элемент 17.

Во-вторых, двухголовость различных персонажей вообще была довольно распространенным мотивом в переднеазиатском и, в частности, сиро-анатолийском искусстве⁶, в том числе на печатях из Кюль-тепе; при этом на староаккадской печати VA 3303⁷ показана и двухголовая змея (а на месопотамской печати раннединастического времени BM 123279⁸ изображена и трехголовая змея, схваченная героем).

В-третьих, на позднехеттском рельефе Н из Малатии (АММ 12250), возможно, изображен не имеющий задних лап двухголовый (?) змей с выдвинутыми вперед параллельно двумя лапами (державшими оружие (?), см. рис. 3⁹), что составило бы хороший анатолий-

⁶ Collon D. *The Alalakh Cylinder Seals: A New Catalogue of the Actual Seals Excavated by Sir Leonard Woolley at Tell Atchana, and From Neighbouring Sites on the Syrian-Turkish Border*. Oxford, 1982. P. 41.

⁷ Buren E.D. van. *The Dragon in Ancient Mesopotamia* // *Orientalia*. 1946. Vol. 15. Fig.5.

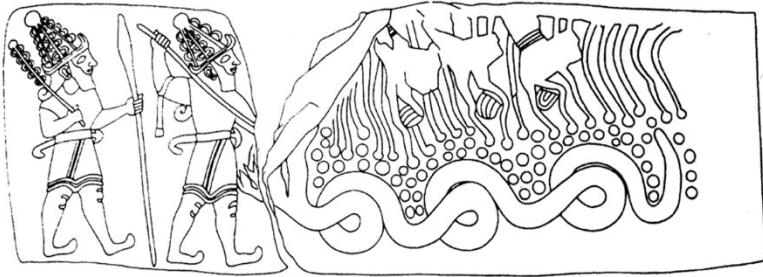
⁸ Amiet P. *La glyptique mésopotamienne archaïque*. Paris, 1961. Pl. 105, fig. 1389.

⁹ На рельефе два героя или один герой, изображенный в двух последовательных фазах действия, бьются со змеем (не имеющим задних лап). Ряд авторов полагает, что этот змей двухголовый (Loon M.N. van. *Mythology B II*. In *visual art of Asia Minor* // *Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie* / Hrsgb. von D.O. Edzard. Bd. VIII. Berlin; New York, 1997. P. 589; Boardman J. *Herakles' Monsters: Indigenous or Oriental?* // *Le bestiaire d'Heracles* / Ed. par C. Bonnet, C. Jourdain-Annequin. Liege, 1998. P. 32; Bellucci B. *I serpenti nel mito*. Alcune possibili traduzioni nell'arte // *Traduzione di tradizioni e tradizioni di traduzione*. Atti del quarto incontro "Orientalisti" (Pavia, 19–21 aprile 2007) / A cura di B. Bellucci et al. Milano, 2008. P. 149). Тем не менее, при детальном рассмотрении рельефа по лучшим фотографиям, прежде всего по изданию Л. Делaporte (Delaporte L. *Malatya: fouilles de la Mission archéologique française: Arslantepe*. Fasc. 1: *La porte des lions*. Paris, 1940. Pl. XXII, наш рис. 3. 1), кажется, что змей может быть двухголовым (обе шеи при этом показаны справа от трещины)

Рис. 3. 1 — Позднехеттский рельеф со змееборческой сценой из Малатии, фрагмент (*Delaporte L. Malatya. Pl. XXII, Relief H*). 2 — Прорисовка позднехеттского рельефа из Малатии

1

2

ский пример, в свете которого мы могли бы аналогично толковать и изображение из Пушкинского музея. Однако интересующее нас место на рельефе очень сильно повреждено выбоиной и трещиной, поэтому нельзя однозначно утверждать, что змей был двухголовым.

Ряд мест изображения остается не вполне понятен¹⁰. В первую очередь это относится к крайней правой фигуре (24+25+26), которую от героя-змееборца отделяет, т.е. будто бы закрывает его, антаго-

и выставлять при этом перед собой передние конечности с оружием (?) (показаны слева от трещины и касаются юбки божества), ср. нашу прорисовку этого места рельефа на рис. 3. 2. Отметим, что два предполагаемых «ответвления» змея справа от трещины и выставленный вперед элемент (или элементы) того же змея слева от трещины могут представлять собой аналогию двум змееподобным фигурам 16 и 20 и выставленным вперед от одной из них элементам 22–23 на нашем изображении. Однако именно та часть изображения на рельефе из Малатии, по которой можно было бы точно определить количество голов змея и наличие или отсутствие у него передних лап, повреждена выбоиной и трещиной.

¹⁰ Так, на нем есть несколько удлиненных элементов, не поддающихся ясной интерпретации: 10 (символ?), 11а + 11б (дротик, которым герой поразил пасть го-

нист; по структуре и некоторым элементам она при определенных обстоятельствах могла бы отдаленно напоминать священное дерево, имеющее весьма разнообразную иконографию в переднеазиатском искусстве (встречаются, в том числе, очень редкие экземпляры¹¹). Если так, то композиция позволяет предположить, что герой сражает чудовищ / чудовище именно для того, чтобы проложить себе путь к этой фигуре (условному «древу»). Однако интерпретации существенно мешает тот факт, что «ствол» «дерева» (26) при ней окажется намного шире его «цветкообразной кроны» (24), а изображений дерева с таким соотношением нижнего и верхнего элементов среди многих сотен примеров не выявлено. Не исключено, что обсуждаемая фигура — еще один герой с поднятой вверх рукой с кинжалом, замахнувшийся на монстра (зеркальная параллель герою б) либо сильно поврежденный остаток изображения чудовища на ранней стадии действия (при так называемой динамической интерпретации изображения, см. ниже).

На левом, обломанном краю изображения как будто видны остатки еще двух антропоморфных фигур (первая: 28 — туловище, 29 — ноги, 27 — поднятые руки; возможный остаток второй, крайней фигуры: 30 — рука, сжимающая кинжал или дротик 31?). При динамической интерпретации изображения это может быть тот же герой, что сражает змея ударом кинжала 3, но на более ранних фазах действия.

Понимание всей композиции несущественно меняется от того, принимать ли для нее обычную интерпретацию (всё изображенное происходит одновременно) или динамическую (на изображении

ловы на шее 16, или, пробив ее, также и голову на шее 20? Зубы головы на шее 16?), 13а — 13b; окружность с неизвестным значением (21).

¹¹ Ср.: общая структура типичных изображений дерева: цветкообразное (редко — листообразное) навершие и четко отделенный от него ствол: *York H. Heiliger Baum (Mesopotamian and Related Forms, from the Late Fourth Millennium B.C. through the Late Assyrian Period) // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie / Hrsgb. von D.O. Edzard. Bd. IV/4–5. Berlin; New York, 1975. P. 272. Fig.9; Collon D. The Alalakh Cylinder Seals. N 71, 108; Osten H.H. von der. Ancient Oriental Seals in the Collection of Mr. Edward T. Newell (Oriental Institute publications 22). Chicago, 1934. N 359; колоннообразный ствол с сучьями / ветвями (в том числе короткими и асимметрично расположенными сучьями): *Collon D. The Alalakh Cylinder Seals. N 108; Osten H.H. von der. Op. cit. No. 359; Eisen G. A. Ancient Oriental Cylinder and Other Seals with a Description of the Collection of Mrs. William H. Moore (Oriental Institute publications 47). Chicago, 1940. N 99; Black J., Green A. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia: An Illustrated Dictionary. London, 1992. P. 23, fig. 16; массивность ствола: *York H. Op.cit. Fig.9; Collon D. The Alalakh Cylinder Seals. N 71, 112; стеблеобразное соединение навершия и ствола: Collon D. The Alalakh Cylinder Seals. N 112; навершие дерева как единый многолепестковый венчик: Eisen G.A. Op.cit. N 98, приближаются к этому: Collon D. The Alalakh Cylinder Seals. N 108, N 112.***

показаны разные фазы действия, так что один и тот же персонаж изображен несколько раз). При второй интерпретации, например, фигуры 24+25+26, 16 и 20 (или 16+20), 22 и 23 (или 22+23) могут быть изображениями одного и того же чудовища, сначала воздвигшегося против героя из морской пучины (24+26+25), потом сражаемого им (16, 20 или 16+20) и затем начавшего обратное погружение (22, 23 или 22+23), а две или три антропоморфные фигуры слева (6, 28, 30) — один и тот же герой, движущийся навстречу врагу и в конце концов поражающий его (а не, скажем, герой и его спутник). Отсутствие сцены попирания поверженного врага в данном случае предполагает встречу на стыке стихий и морскую природу змееподобного чудовища, что хорошо согласуется с изображением героя на обрыве во всех сценах.

Подчеркнем, что отмеченные выше различия между змееподобными фигурами 16 и 20 (у первой есть растущий из тулова элемент 17, у второй — элементы 22 + 23, которые все же больше напоминают лапы, чем изображение змея в процессе погружения) по-прежнему мешают считать, что сами фигуры 16 и 20 представляют одно существо на разных фазах действия, и согласуются с той идеей, что 16 и 20 — две части (шеи) одного и того же существа.

Змееборческий сюжет, выявленный при любой из названных интерпретаций, придает исследуемой композиции особую ценность, так как сцены борьбы со змееморфными персонажами, особенно не имеющими задних лап, присутствовали в месопотамском и сиропотамском пространстве весьма устойчиво¹², но вот дошло их не очень много¹³.

¹² См., в частности, о переднеазиатских изображениях многоглавых змеев («гидр») и сценах борьбы с ними в III–I тыс. до н.э.: *Frankfort H. Gods and Myths on Sargonid Seals // Iraq. 1934. Vol. 1. P. 8–11, 22–24; Levy G.R. The Oriental Origin of Herakles // The Journal of Hellenic Studies. 1934. Vol. 54/1. P. 49–50; Frankfort H. Early Dynastic Sculptured Mace-Heads // Analecta Orientalia. 1935. Vol. 12. P. 105–108; Frankfort H. Cylinder Seals. P. 71–72, 121–122; Buren E.D. van. The Dragon ... P. 18–20; Bisi A.M. L'idra. Antecedenti figurativi orientali di un mito greco // Cahiers de Byrsa. 1964–1965. Vol. 10. P. 21–42; Orthmann W. Hydra // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie / Hrsgb. von D.O. Edzard. Bd. IV/6. Berlin; New York: de Gruyter, 1975. P. 537; Parayre D. The Ninevite 5 Sequence of Glyptic at Tell Leilan // The Origins of North Mesopotamian Civilization: Ninevite 5 Chronology, Economy, Society / Ed. by E. Rova, H. Weiss (Subartu IX). Turnhout, 2003. P. 276, 294–2; Amiet P. L'hydre et la déesse aux léopards // Les espaces Syro-Mésopotamiens: Dimensions de l'expérience humaine au proche-Orient ancien: Volume d'hommage offert à Jean-Claude Margueron (Subartu 17) / Ed. par P. Butterlin et al. Turnhout, 2006. P. 461–465.*

¹³ Укажем, не претендуя, конечно, на исчерпывающий перечень, яркие, но немногочисленные примеры разного времени (приведены в порядке убывания хронологической и региональной близости к нашей печати): на сиропотамской печати II тыс. герой — Бог Грозы — поражает дротиком в пасть змеем рядом с деревом (*Eisen G. A. Op.cit. N 158*) — аналогия нашему изображению по нескольким

Сказанное побуждает задаться вопросом, какой из месопотамских или сиро-анатолийских змеборческих сюжетов мог отразиться в рассмотренной композиции. Конечно, возможность ответить на этот вопрос существенно ограничивается тем обстоятельством, что немалую долю релевантных змеборческих мифологем — месопотамских и особенно сиро-анатолийских (аморейских, хеттских, хурритских, хаттских) — мы заведомо не знаем.

Тем не менее, представляется небесполезным сделать обзор змеборческих сюжетов, известных в переднеазиатской мифологической традиции¹⁴.

моментам сразу; на другой подобной печати герой с копьем идет на змею (*Eisen G.A.* Op.cit. N 159); еще на одной печати герой, предстающий перед божеством, влечет в руке двух побежденных змей (*Ward W.H.* Op. cit. N 823); новоассирийские печати со сценой стрельбы из лука в змея *бауму* (рогатого безногого змея) (например, *Frankfort H.* Cylinder Seals. Pl. XXXIV, g); на нескольких шумеро-аккадских изображениях второй половины III тыс. (плакетка, *Green A.* Myths in Mesopotamian Art // Sumerian Gods and Their Representations / Ed. I.L. Finkel, M.J. Geller. Groningen, 1997. P. 155, fig. 13; печать, *Frankfort H.* Cylinder Seals. P. 72, Ill. 27; *Buren E.D. van.* The Dragon ... Fig. 16; *Frankfort H.* Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region (Oriental Institute publications 72). Chicago, 1955. N 497; печать, *Frankfort H.* Cylinder Seals. Pl. XXIII j; *Buren E.D. van.* The Dragon ... Fig. 17; *Frankfort H.* Stratified Cylinder Seals ... N 478) герой борется с семиглавой гидрой, возможно, интерпретация сюжета борьбы с семиглавым змеем *мушмахху* — иконография ее облика достаточно устойчива, хотя она может быть и четырехлапой, и безногой (причем форма и параллелизм изгибов шей этих гидр напоминает форму и параллельность изгиба шей / туловищ 16 и 20 с печати из ГМИИ им. А.С. Пушкина). Из них на печати *Frankfort H.* Stratified Cylinder Seals ... N 497 герой поражает безногую гидру в морду одной из голов, аналогично нашему изображению. На еще одной шумеро-аккадской печати III тыс. до н.э. герой держит в руке побежденную трехглавую змею (BM 123279 = *Amiet P.* La glyptique mésopotamienne archaïque. Pl. 105, fig. 1389, Pl. 105, fig. 1389). О рельефе из Малатии см. выше, прим. 9.

¹⁴ Роль змееморфных персонажей в мифологиях и изображениях указанных регионов освещалась в частности в: *Афанасьева В.К.* Орел и Змея в изобразительности и литературе Двуречья. М., 2007; *Bellucci B.* Op. cit.; *Buchholz H.-G.* Furcht vor Schlangen und Umgang mit Schlangen in Altsyrien, Altkypros und dem Umfeld // Ugarit-Forschungen. 2000. Bd. 32. S. 37–168; *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 142–144; *Lambert W.G.* Trees, Snakes and Gods in Ancient Syria and Anatolia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1985. Vol. 48. P. 435–451; *Stevens K.G.* Eine ikonographische Untersuchung der Schlange im vorgeschichtlichen Mesopotamien // Archaeologia iranica et orientalis in honorem Louis Vanden Berghe / Ed. by L. De Meyer, E. Haerincx. Gent; Leuven, 1989. P. 1–32; *Святополк-Четвертынский И.А.* Концепт змеборчества и его текстообразующая роль в сравнительно-историческом и типологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005; *Buren E.D. van.* The Dragon ...; *Williams-Forte B.* The Snake and the Tree in the Iconography and Texts of Syria during the Bronze Age // Ancient Seals and the Bible / Ed. by L. Gorelick, E. Williams-Forte (Occasional Publications on the Near East 2/1). Malibu, 1983. P. 18–43.

Наиболее важным змееборческим персонажем в Месопотамии был, безусловно, бог Нинурта. История его борьбы со змееподобными чудовищами отражена еще в шумерских мифологических текстах, в частности, о битве Нинурты с Асагом («Владыка в сиянье великом!») и о возвращении в родной город Ниппур («Подобно Ану созданный»). Концепции этих битв продолжали существовать в Месопотамии на протяжении тысячелетий и получили яркое отражение в новоассирийской и нововавилонской глиптике. К примеру, в I тыс. до н.э. был распространен сюжет борьбы Нинурты с Асагом, а также противостояние, по всей видимости, Нинурты и змея *башму* (в глиптике змей изображался с рожками и передними лапами).

История идентификации змея *башму* (*muš-ša-tur*) с шумерскими терминами и изобразительным материалом довольно туманна. Считается, что данным именем обозначалась рогатая гадюка, что и отображалось в иконографии этого существа. Аккадским словом *baštu* обозначался и шумерский *ušum*, к этому существу также должен быть близок змей-дракон *ušumgal* (*ušumgallu*).

В мифе о возвращении Нинурты в Ниппур упоминаются 11 монстров, которых победил Нинурта и которых он повесил на свою колесницу в качестве трофеев. Среди них — змей-герой (*ušum ur-saĝ*), вероятно, соответствующий змею *башму* из *Энума элиш*¹⁵. В вавилонской поэме о сотворении мира Тиамат также создала 11 монстров, одним из которых и был *башму*. Однако образ чудовища к этому времени претерпевает значительные изменения, будто бы сочетая в себе особенности *ušum ur-saĝ* и *muš-saĝ-7* из мифа о Нинурте — у него появляется шесть ртов, семь языков и семь [...] на животе¹⁶.

Muš-saĝ-7 — семиглавый змей. Это чудовище, жившее в горах, также входит в список трофеев Нинурты, согласно мифам о его деяниях и о возвращении в Ниппур. Нинурта поразил его и повесил на лазуритовую перекладину (*tum*) своей колесницы. К этому сюжету, по всей видимости, близки рассмотренные выше изображения на шумерской плакетке Раннединастического времени¹⁷, на печати Ран-

¹⁵ Этот же змей, по всей видимости, упоминается и в «Деяниях Нинурты» (строка 129).

¹⁶ Хотя в шумерском тексте о возвращении Нинурты в Ниппур не дается подробного описания внешности существа, можно предполагать, что оно, в отличие от семиглавого змея, упомянутого в том же тексте, имело лишь одну голову. В гимне приводятся следующие строки о змее *ušum*: [*ušum ur*]-*saĝ* *bàd gal kur-ra-ta nam-ta'-an-è* — «Змея-героя из большой горной крепости он вывел» (строка 33); *ušum ur-saĝ saĝ dūr-ra-ka bí-in-lá* — «Змея-героя на сиденье (колесницы) повесил» (строка 56).

¹⁷ Green A. Myths in Mesopotamian Art // Sumerian Gods and Their Representations / Ed. I.L. Finkel, M.J. Geller. Groningen, 1997. P. 155, fig. 13.

нединастического времени из Телль-Асмара (Эшнунна)¹⁸, на печати из Телль-Асмара (Эшнунна) раннего староаккадского времени¹⁹. На изображении из Телль-Асмара Староаккадского периода изображены два героя, борющихся с монстром, что могло бы являться параллелью к оттиску из ГМИИ им. А.С. Пушкина при интерпретации фигуры 26 как второго персонажа с кинжалом. В то же время в Эшнунне были популярны представления о борьбе с морским змеем (см. ниже).

В тексте о возвращении Нинурты упоминается также семиротый змей *мушмахху* (*muš-maḥ*), который, по всей видимости, должен быть тождествен семиглавому змею *muš-saġ*-7. С семиротым змеем сравнивается оружие Нинурты (побежденное существо становится атрибутом своего победителя). Позднее, согласно *Энума элиш*, Тиамат порождает змей *мушмахху*, у которых были острые зубы, а вместо крови тек яд. Эти семиглавые твари также участвовали в битве богов. Другое оружие Нинурты, топор *агасилиг*, сравнивается со змеем (драконом) *ушумгалем* (*ušumgal*)²⁰. Сам Нинурта в «Деяниях Нинурты» также назван змеем (*ušum*).

Главным подвигом Нинурты является победа над драконоподобным чудовищем Асагом. По всей видимости, сцена борьбы Нинурты с Асагом была изображена на рельефах периода Ашшурнацирапала II (IX в. до н.э.), расположенных у входа в храм Нинурты в Кальху (эта сцена, как мы уже отметили, была очень популярна в глиптике I тыс. до н.э.). На этих изображениях Асаг представлен в образе крылатого львогрифона, что совершенно не соответствует внешнему виду монстра с оттиска из ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Еще один знаменитый дракон в Месопотамии — *мушхуишшу*, наиболее известный по изображениям на вавилонских воротах Иштар Нововавилонского периода. Во II–I тыс. до н.э. *мушхуишшу* стал атрибутом вавилонских божеств Мардука и Набу, однако в III–II тыс. до н.э. на территориях северной Месопотамии (в частности, в Эшнунне) *мушхуишшу* считался животным бога-покровителя Эшнунны Ниназу и, впоследствии, Тишпака, а также почитавшегося в Лагаше сына Ниназу Нингишзиды²¹.

¹⁸ Frankfort H. Cylinder Seals. P. 72, Ill. 27; Buren E.D. van. The Dragon ... Fig. 16; Frankfort H. Stratified Cylinder Seals ... No 497, cf. Pl. 45, preface.

¹⁹ Frankfort H. Cylinder Seals. Pl. XXIII j; Buren E.D. van. The Dragon ... Fig. 17; Frankfort H. Stratified Cylinder Seals 478.

²⁰ ^gis⁵tukul¹ ušumgal-gin₇ ad₆ gu₇-[a] aga¹-silig¹-ġu₁₀ mu-da-an-ġal-la-^ḥam⁷ — «Оружие, подобное змеем (дракону), пожирающее трупы, мой топор-агасилиг, нес я» (строка 133).

²¹ Тишпак сменил Ниназу в качестве городского божества Эшнунны в Староаккадский период или в начале Старовавилонского периода (Black J., Green A. Op. cit. P. 166). Подробнее о связи Тишпака и *мушхуишшу* см.: Lewis Th.J. CT 13.33-34 and

Сохранился миф Староаккадского периода, повествующий о борьбе бога Тишпака с морским змеем и установлении мирового порядка [СТ 13, 33-34]. Согласно тексту, Тишпак борется со змеем, именуемым *башму* (^{MUS}*bašmu*) и *лаббу* (*labbu* — лев / свирепый (the raging one²²)), для того чтобы навести порядок в стране и царствовать в ней. Т. Льюис отмечает, что это существо должно было иметь черты и змея, и льва²³. Драконы с древности сочетали в себе природу этих двух животных, что отразилось во многих памятниках изобразительного искусства ранних периодов (к примеру, изображения львов со змеиными шеями²⁴). Кстати, Тиамат и ее войско также описывались с помощью термина *labbu* в *Энума элиш* (что еще раз указывает на близость образов Тишпака и Мардука и их противников в месопотамской мифологии). Тем не менее, не следует забывать, что змей Тишпака назван рожденным морем, что ставит под сомнение его интерпретацию как полуживотного-полузмея.

Тишпак являлся богом грозы, и некоторые ученые считают, что он был отождествлен с хурритским Тешубом²⁵. Интересно, что бог Тешуб и в хеттской, и в хурритской традициях также являлся змееборческим божеством. Речь идет об анатолийском мифе об Иллуанке (змееподобном чудовище, победившем в битве Бога Грозы, который впоследствии отомстил своему обидчику) и хурритском мифе о Хедамму (ненасытном морском змее, умиротворенном красотой Иштар (СТН 348); вариантом этого мифа может являться «песнь моря» КВо 26.105).

Считается, что праздник *пуруллия*, в ходе которого декламировался миф об Иллуанке, хетты заимствовали у хаттов — предшествовавшего им этноса Центральной Анатолии²⁶. Таким образом, в Староассирийское время (когда была создана рассматриваемая табличка с оттиском) этот мифологический концепт вполне мог быть известен в регионе в своем хаттском варианте.

Ezekiel 32: lion-dragon myths // Journal of the American Oriental society. 1996. Vol. 116, N 1. P. 29–30.

²² По Ф. Виггерманну: ср. с *labābu*. Wiggermann F.A.M. Tišpak, his seal and the dragon *mušhuššu* // To the Euphrates and beyond: archaeological studies in honour of Maurits N. van Loon / Ed. by O. Haex, et al. Rotterdam, 1989. P. 117–133.

²³ Lewis Th.J. Op. cit. P. 34–35.

²⁴ Frankfort H. Cylinder Seals. Pl. IVd, h.

²⁵ Jacobsen Th. The chief god of Eshnunna // Tel Asmar and Khafaje / Ed. by H. Frankfort, et al. (Oriental Institute communications 13). Chicago, 1932. P. 52; Black J., Green A. Op. cit. P. 178.

²⁶ Hoffner H.A., Jr. Hittite myths. Atlanta, 1998. P. 9. Вопрос о генезисе и сущности данного праздника сложнее, чем обычно считается, и подробно рассмотрен в работе: Шелестин В.Ю. Этимология названия хеттского праздника *purulliya* и его календарное положение (в печати).

Обсуждавшееся выше изображение битвы бога грозы со змеем (именно так в настоящее время чаще всего характеризуют данную сцену²⁷) на рельефе с ворот из Малатии часто определяли как битву Тешуба с Иллуанкой²⁸ или сходным с ним мифологическим созданием²⁹.

Конечно, интерпретация змея как Иллуанки представляется наиболее приемлемой, поскольку Малатия (подобная другим позднехеттскими государствам, но явно выделявшаяся среди них) являлась преемницей хеттских традиций периода империи, и именно этот миф играл важнейшую роль в ритуальной жизни хеттских правителей (празднование *пурулли*), в то время как миф о Хедамму имел хурритское происхождение, а его ритуальная основа неизвестна. Кроме того, в мифе о Хедамму решающее значение в победе над змеем играла сестра Тешуба Иштар, которую, в случае интерпретации сюжета на рельефе из Малатии (равно как и оттиска печати из ГМИИ им. А.С. Пушкина) как мифа о Хедамму, обошли стороной. В то же

²⁷ *Amiet P. Texte et image: vaines attentes et transferts inattendus // Archaeology & History in Lebanon. 2001. Vol. 13. P. 7; Bunnens G., Hawkins J. D., Leirens I. Tell Ahmar II. A New Luwian Stele and the Cult of the Storm-God at Til Barsib-Masuwari. Louvain; Paris; Dudley, 2006. P. 129; Poli P. Quelques notes sur la Porte des Lions de Malatya // Akh Purattim 2 / Ed. par J.-C. Margueron, O. Rouault, P. Lombard. Lyon, 2007. P. 306.* Главным аргументом против отождествления этого змея с Иллуанкой является североанатолийская привязка мифа об Иллуанке в хеттской традиции (*Bachvarova M.R. From Hittite to Homer. The Anatolian Background of Ancient Homeric Epic. Cambridge, 2016. P. 257, n. 171*), образующая большой пространственный разрыв с восточноанатолийской Малатией. Временной разрыв между временем фиксации мифа об Иллуанке (XIV в. до н.э.) и временем постройки «Львиных ворот» Малатии, однако, не столь велик, как это считалось ранее, что заставляло исследователей предполагать вторичное использование для части украшающих их рельефов — стилистически рельефы продолжают традиции Новохеттского царства и датируются в настоящее время преимущественно XI в. до н.э. (*Gilbert A. Religion and Propaganda under the Great Kings of Karkemiš // Sacred Landscapes of Hittites and Luwians: proceedings of the International Conference in Honour of Franca Pecchioli Daddi: Florence, February 6th–8th 2014 / Ed. by A. D'Agostino, V. Orsi, G. Torri. Florence, 2015. P. 144*). Это позволяет привлекать для интерпретации рельефа другие сюжеты хеттской мифологии, прежде всего, относящуюся к хурритскому циклу «песнь Хедамму» и имеющую угаритско-египетские параллели «песнь Моря» (*Loon M.N. van. Op. cit. P. 589*), хотя в дошедших до нас фрагментах этих текстов многоглавность чудовищ не упоминается.

²⁸ *Garstang J. The Hittite Empire, being a Survey of the History, Geography and Monuments of the Hittite Asia Minor and Syria. London, 1929. P. 207; Güterbock H.G. Narration in Anatolian, Syrian and Assyrian Art // American Journal of Archaeology. 1957. Vol. 61. P. 64 (с сомнением ввиду скудости наших знаний о других подобных сюжетах); Akurgal E. Die Kunst der Hethiter. München, 1961. S. 116.*

²⁹ *Delaporte L. Malatya. P. 35; Özyar A. Architectural relief sculpture at Karkamish, Malatya, and Tell Halaf: A technical and iconographic study. PhD Diss. Bryn Mawr, 1991. P. 156; Brown B.A. Monumentalizing identities: North Syrian urbanism, 1200–800 BCE. PhD Diss. University of California, Berkeley, 2008. P. 159.*

время нельзя исключать, что на рельефе представлен другой, независимый или производный от вышеуказанных, сюжет.

Борьба бога грозы с морским змеем нашла отражение и в угаритской мифологии — мифе о сражении Хадада-Баала с Лотаном (Темтумом), служителем бога моря Яма³⁰.

Таким образом, мы можем выделить два направления змееборческих концептов, вероятно, известных в восточной Малой Азии в первой половине II тыс. до н.э.: шумерская традиция борьбы бога-героя Нинурты со змеем-драконом и с семиглавой гидрой и северомесопотамско-анатолийская традиция борьбы бога грозы со змеем (почти всегда морским), впоследствии получившая особое распространение в Восточном Средиземноморье и анатолийском регионе. Нужно отметить, что ни в одном из мифов не фигурирует именно двухголовый змей или дракон (по крайней мере, об этом не говорится эксплицитно).

Следует сказать также об одном гипотетическом змееборческом сюжете из «Эпоса о Гильгамеше» (по пер. И.М. Дьяконова, вслед за В. фон Зоденом, полагавшего, что речь в тексте идет о пресмыкающемся³¹).

На данный момент перевод этого места у И.М. Дьяконова следует считать устаревшим, однако мы хотели бы упомянуть и этот эпизод для формирования исчерпывающей картины. В современной западной литературе он исключен в силу предпочтения наиболее удачного перевода слова *urru* как «кедр» в X таблице «Эпоса»³². Речь идет о строках X, 88 и X, 157-158:

– *u šu⁷-ut NA₄.MEŠ it-ti-šú ina ŠÀ^{gis}TIR i-qa-tap ur-na* — «и Каменные вместе с ним, когда он срывает / обдирает ветви кедра посреди леса».

– *tuh-tap-pi šu-ut NA₄.MEŠ ta⁷at⁷-ta-ba[k ana ÍD] šu-ut NA₄.MEŠ hu-up-pu-ma ur²⁷-nu ul [qa-tip?]* — «Ты разбил Каменных, ты броси[л их в реку], Каменные разбиты, а кедр не [ободран]».

И.М. Дьяконов предлагает следующий перевод для этих строк: «У него есть амулеты, в лесу он ловит змея» и «Разбил амулеты, пой-

³⁰ Возможно, схожий миф был известен в западно-семитской (аморейской) среде еще в Старовавилонский период (указания на это имеются в переписке из Мари). См.: *Durand J.-M. Le mythe du combat entre le Dieu de l'orage et la Mer en Mésopotamie // MARI. Annales de Recherches Interdisciplinaires. 1993. Vol. 7. P. 41--61.*

³¹ Дьяконов И.М. Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем»). СПб, 2006 (репринт 1961). С. 193, комм. к II, 29.

³² *George A. R. The Babylonian Gilgamesh epic. Introduction, critical edition and cuneiform texts. Vol. I. Oxford, 2003. P. 683; Maul S. Das Gilgamesch-Epos. Neu übersetzt und kommentiert. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2008. S. 180.*

мал ты змея — амулеты разбиты, змея не стало», не обращая внимания на тот факт (вероятно, не имея доступа к некоторым параллельным текстам), что строка 157 образует явную параллель к строке 106: *uḫ-tar-p[u]-'ú' šu-ut ab-ni it-ta-bak ana ÍD* — «Он разбил Каменных, он бросил их в реку».

Данный эпизод описывает, как Гильгамеш, оказавшись на краю мира, посреди леса у вод опоясывающего мир Мирового Океана, должен, чтобы добраться через Океан до цветка бессмертия, добиться помощи от находящегося в лесу корабельщика Уршанаби, способного перевезти Гильгамеша через Океан и владеющего некими «Каменными» (идолами / амулетами³³, досл. «Те, что [из] Камня»; они необходимы Уршанаби, чтобы переправляться через Океан), а также связанного с *'urnu'*, которого Уршанаби *'iqattap'* (презенс 3 л. ед. ч. от *qatāpu* — собирать, срывать) посреди леса (младовавилонска версия, X, 88). Гильгамеш с топором и кинжалом бросается в атаку в глубь леса (младовавилонска версия, X, 92 слл.), одолевает некоего противника (Уршанаби? — текст здесь, к сожалению, поврежден), причем упоминаются «Каменные», на которые Гильгамеш обрушился и разбил их (старовавилонский фрагмент OB VA+VM, iv, 1, 22–25; младовавилонска версия, X, 106, 157–158), что стало ему же помехой в дальнейшей переправе с Уршанаби через Океан. Коль скоро несколькими строками ранее в одном предложении с «Каменными» фигурировал *'urnu'*, он мог быть задействован и далее. И в самом деле, он упоминается в младовавилонской версии в строках X, 157–158 (см. выше). Таким образом, *'urnu'* оказывается вовлечен неким образом наравне с Каменными в разрушительно-буйные действия Гильгамеша, ставшие помехой его собственным замыслам.

Понимание всего сюжета зависит от того, что такое *'urnu'* (CAD U 234). Для данного слова в CAD³³ приведены два значения: *'urnu'* — (разновидность) кедр и *'urnu'* — змея³⁴. Как мы уже сказали, в современной литературе принят перевод «кедр». Данная интерпретация подтверждается многочисленными примерами употребления слова в данном значении еще со Староаккадского периода, а также в Мари, Угарите; слова *urnu* и *erēnu* («кедр») имеют общий корень (CAD U, *urnu* A). Более того, слово *qatāpu* почти всегда встречается в контексте обдирания / обрывания ветвей и стеблей (CAD Q 164), а также собирания плодов.

В таком случае этот эпизод может трактоваться следующим образом: для того, чтобы переправиться через Океан, Уршанаби были

³³ The Assyrian Dictionary of the University of Chicago. Chicago, 1956 ff. (далее — CAD).

³⁴ Также в аккадском есть слово *urnū* — «мята». Ibid. U 234.

необходимы ветви молодого кедра (для строительства / починки и конопачения судна?), за которыми он и ходил в лес. Каменные же сопровождали его в этих походах, а во время отплытия выступали в качестве конопатчиков или даже «экипажа корабля», о чем и говорит текст (*peḥū* — «конопатить судно», X, 102).

И.М. Дьяконов принимал перевод «змей», и считал, что Уршанаби в лесу «ловил змея», а Гильгамеш уничтожил змея вместе с Камнями (см. выше). Однако согласно CAD, *urnu* в значении «змей» зафиксировано лишь в трех лексических списках (поздних версиях, младовавилонский диалект) — *ur*₅(*ḪAR*)-*ra* = *hubullu*, *mur*(*ḪAR*)-*gud* = *im-ru-ú* = *bal-lu* и *Alu comm.* (AfO 21 pl. 9). *Muš-sig*₇-*sig*₇ = *ur-nu* = *še-ru ar-qu* («желтая / зеленая змея»). Соответственно, судить о том, насколько древним является ассоциативное сопоставление «кедра» и «желтой / зеленой змеи» не представляется возможным. Показательно, что в параллельном пассаже старовавилонской версии из Сиппара вообще отсутствует упоминание '*urnu*', что могло бы говорить о более поздней вставке. Если это так, то это означало бы, что независимо от

Старовавилонский фрагмент из Сиппара, iv 21–27	Младовавилонская версия, X, 155–160
<p>[S]u-ur-su-na-bu a-na ṣa'-a-šum iz-za-qar-am a-na dGIŠ šu-ut ab-nim-ma dGIŠ mu-še-bi-ru-ú-ia aš-šum la a-'la'-ap-pa-tu me-e mu-tim i-na uz-zi-ka tu-úḥ-te-ep-pí-šu-nu-ti [š]u-ut ab-nim [aš]-šum šu-bu-ri-im šu-nu it-ti-ia [li-q]é-e-ma dG[IŠ] ḥa-ši-na-am i-na qá-ti-ka [pa-r]i-si ša šu-up-pa-a 5 šu-ši ik-sa-am</p>	<p>^mUr-šánabi ana šá-šu-ma MU^{ra} ana ^rd[GIŠ-gím-maš] qa-ta-a-ka dGIŠ-gím-maš ik-la-a [e-ber-ka?] tuḥ-tap-pi šu-ut NA₄.MEŠ ta-'at'-ta-ba [k ana ID] šu-ut NA₄.MEŠ ḥu-up-pu-ma ^rur²-nu ul [qa-tip?] i-ši dGIŠ-gím-maš ḥa-ši-in-na ana i-[di-ka] e-rid ana ^{giš}TIR-ma pa-ri-si šá 5 NINDAN^{ta.ám} [5.GIŠ ik-sa]</p>
<p>Сурсунабу сказал ему, Гильгамешу: «Каменные, Гильгамеш, — те, кто по- зволял мне пересекать (Океан), поскольку я не должен дотрагиваться до Вод Смерти, в гневе твоём ты их разбил. Каменные были со мной для того, чтобы пересечь (Океан). [Во]зьми, Гильгамеш, топор в свои руки, Отрежь мне 300 (лодочных) шестов по 60 локтей.</p>	<p>Уршанаби сказал ему, Гильгамешу: «Твои руки, Гильгамеш, удержали [тебя от пересечения (Океана)?]. Ты разбил Каменных, ты броси[л их в реку], Каменные разбиты, а кедр не [обо- дран]. Возьми, Гильгамеш, топор в [твои] руки, спустись в лес, [отрежь мне 300] (ло- дочных) шестов по 5 ниндану (полей).</p>

интерпретации (кедр или змея) данный пассаж не мог бы отразиться в изображении, датирующемся первой половиной II тыс. до н.э.

В свете всего вышесказанного можно сделать вывод, что на данный момент идентификация мифологического сюжета на оттиске из ГМИИ им. А.С. Пушкина представляется затруднительной, тем более, что она осложняется плохой сохранностью и неясностью изображенной сцены. На самой печати сложно найти какие-то детали, прямо указывающие на тот или иной мифологический сюжет. С полной уверенностью нельзя сказать, сколько голов было у изображенного на оттиске из ГМИИ змея. Однако, по всей видимости, следует исключить трактовку змея как семиглавой гидры, а, следовательно, и толкование изображения как интерпретации месопотамского концепта о борьбе Нинурты с семиглавым змеем. Сиро-анатолийское происхождение сюжета композиции представляется более вероятным. Вполне возможно, что она передает изображение борьбы двух существ — героя и морского (?) змея, одно- или двухголового. В таком случае этот сюжет, безусловно, должен относиться к кругу второго концепта о борьбе бога грозы с морским чудовищем³⁵.

В случае динамической интерпретации нашего изображения *динамичность сюжета* еще больше сблизит его с восточноанатолийскими рельефами из Малатии. Рельефы из Малатии Н (с изображением битвы со змеем, рис. 3, 1) и К (с изображением Бога Грозы прибывающим и получающим подношения (*Delaporte L. Malatya. Pl. XXIV, Relief K*), вероятно, передают дважды в разных позах фигуру одного и того же главного героя (об этом говорят одинаковые одеяния и детали оружия у двух изображенных на каждом рельефе фигур)³⁶. В нашем случае нельзя однозначно говорить, одинаковы ли элементы одеяния у представленных антропоморфных фигур, ввиду их плохой сохранности, однако предметы оружия 31 и 3 выглядят в руке героя одинаково.

Следует надеяться, что будущие публикации когда-нибудь представят новые параллели для трактовки сюжета, изображенного на обсуждаемом оттиске печати.

³⁵ Нельзя исключать двуголовость некоторых морских змеев (ср. пример рельефа из Малатии?), несмотря на то, что это не выражено эксплицитно в мифологических текстах.

³⁶ *Güterbock H.G. Op.cit. P. 64; Orthmann W. Untersuchungen zur Späthethitischen Kunst (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 8). Bonn, 1971. S. 431; Poli P. Op. cit. P. 306; Brown B.A. Op. cit. P. 148.* Тем не менее, существует точка зрения, что божество за Тешубом — это его сын Шаррума, см.: *Akurgal E. Op.cit. S. 94.*

References

Afanaševa V.K. *Orel i Zmeya v izobrazitel'nosti i literature Dvurech'ya* [The Eagle and Snake in the Visual Arts and Literature of Mesopotamia]. Moscow: Vodoley, 2007. 462 p.

Akurgal E. *Die Kunst der Hethiter*. München: Hirmer Verlag, 1961. 123 S.

Amiet P. *La glyptique mésopotamienne archaïque*. Paris: CNRS, 1961. 454 p.

Amiet P. *L'hydre et la déesse aux léopards // Les espaces Syro-Mésopotamiens: Dimensions de l'expérience humaine au proche-Orient ancien: Volume d'hommage offert à Jean-Claude Margueron (Subartu 17) / Ed. par Butterlin et al. Turnhout: Brepols, 2006, p. 461–465.*

Amiet P. *Texte et image: vaines attentes et transferts inattendus // Archaeology & History in Lebanon*. 2001. Vol. 13, p. 2–8.

Bachvarova M.R. *From Hittite to Homer. The Anatolian Background of Ancient Homeric Epic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 649 p.

Bellucci B. *I serpenti nel mito. Alcune possibili traduzioni nell'arte // Traduzione di tradizioni e tradizioni di traduzione. Atti del quarto incontro "Orientalisti" (Pavia, 19–21 aprile 2007) / A cura di B. Bellucci et al. Milano: Qu. A.S.A.R, 2008, p. 131–176.*

Bisi A.M. *L'idra. Antecedenti figurativi orientali di un mito greco // Cahiers de Byrsa*. 1964–1965. Vol. 10, p. 21–42.

Black J., Green A. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia: An Illustrated Dictionary*. London: British Museum Press, 1992. 192 p.

Boardman J. *Herakles' Monsters: Indigenous or Oriental? // Le bestiaire d'Héraclès / Éd. par C. Bonnet, C. Jourdain-Annequin. Liège: Centre international d'étude de la religion grecque antique, 1998, p. 27–35.*

Brown B.A. *Monumentalizing Identities: North Syrian Urbanism, 1200–800 BCE*. PhD Diss. University of California, Berkeley, 2008. 622 p.

Buchholz H.-G. *Furcht vor Schlangen und Umgang mit Schlangen in Altsyrien, Altkypros und dem Umfeld // Ugarit-Forschungen*. 2000. Bd. 32, S. 37–168.

Bunnens G., Hawkins J. D., Leirens I. *Tell Ahmar II. A New Luwian Stele and the Cult of the Storm-God at Til Barsib-Masuwari*. Louvain; Paris; Dudley: Peeters, 2006. 174 p.

Buren E.D. van. *The Dragon in Ancient Mesopotamia // Orientalia*. 1946. Vol. 15, p. 1–45.

Buren E.D. van. *A Further Note on the Dragon in Ancient Mesopotamia // Orientalia*. 1947. Vol. 16, p. 251–253.

Collon D. *The Alalakh Cylinder Seals: A New Catalogue of the Actual Seals Excavated by Sir Leonard Woolley at Tell Atchana, and from Neighbouring Sites on the Syrian-Turkish Border*. Oxford: British Archaeological Reports, 1982. 136 p.

Collon D. *First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East*. London: British Museum, 2005. 208 p.

Delaporte L. *Malatyra: fouilles de la Mission archéologique française dirigées par M. Louis Delaporte: Arslantepe. Fasc. 1: La porte des lions*. Paris: E. de Boccard, 1940. 74 p.

Diakonov I.M. *Epos o Gilgameshe ("O vse vidavshem")* [The Epic of Gilgamesh ("About Him Who Saw Everything")]. Saint Petersburg: Nauka, 2006. 214 p.

- Durand J.-M. *Le mythologème du combat entre le Dieu de l'orage et la Mer en Mésopotamie // MARI: Annales de Recherches Interdisciplinaires*. 1993. Vol. 7. P. 41–61.
- Eisen G.A. *Ancient Oriental Cylinder and Other Seals with a Description of the Collection of Mrs. William H. Moore* (Oriental Institute publications 47). Chicago: University of Chicago press, 1940. 94 p.
- Frankfort H. *Cylinder Seals. A Documentary Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East*. London: Gregg, 1939. 328 p.
- Frankfort H. *Early Dynastic Sculptured Mace-Heads // Analecta Orientalia*. 1935. Vol. 12, p. 105–121.
- Frankfort H. *Gods and Myths on Sargonid Seals // Iraq*. 1934. Vol. 1, p. 2–29.
- Frankfort H. *Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region* (Oriental Institute publications 72). Chicago: University of Chicago press, 1955. 78 p.
- Garstang J. *The Hittite Empire, Being a Survey of the History, Geography and Monuments of the Hittite Asia Minor and Syria*. London: Constable, 1929. 364 p.
- George A.R. *The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts*. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 2003. XXXV, 741 p.
- Gilbert A. *Religion and Propaganda under the Great Kings of Karkemish // Sacred Landscapes of Hittites and Luwians: Proceedings of the International Conference in Honour of Franca Pecchioli Daddi: Florence, February 6th–8th 2014 / Ed. by A. D'Agostino, V. Orsi, G. Torri*. Florence: Firenze University Press, 2015, p. 137–155.
- Green A. *Myths in Mesopotamian Art // Sumerian Gods and Their Representations / Ed. I.L. Finkel and M.J. Geller*. Groningen: Styx Publications, 1997, p. 135–158.
- Güterbock H.G. *Narration in Anatolian, Syrian and Assyrian Art // American Journal of Archaeology*. 1957. Vol. 61, p. 62–71.
- Hoffner H.A., Jr. *Hittite Myths*. Atlanta: Scholars press, 1998. 121 p.
- Ivanov V.V., Toporov V.N. *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey* [Studies in the Area of Slavic Antiquities]. Moscow: Nauka, 1974. 342 p.
- Jacobsen Th. *The Chief God of Eshnunna // Tel Asmar and Khafaje / Ed. by H. Frankfort, et al.* (Oriental Institute Communications 13). Chicago: University of Chicago Press, 1932, p. 55–59.
- Lambert W.G. *Trees, Snakes and Gods in Ancient Syria and Anatolia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1985. Vol. 48, p. 435–451.
- Levy G.R. *The Oriental Origin of Herakles // The Journal of Hellenic Studies*. 1934. Vol. 54/1, p. 40–53.
- Lewis Th.J. *CT 13.33-34 and Ezekiel 32: Lion-Dragon Myths // Journal of the American Oriental Society*. 1996. Vol. 116. № 1, p. 28–47.
- Loon M.N. van. *Mythology B II. In Visual Art of Asia Minor // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie / Hrsgb. von D.O. Edzard*. Bd. VIII. Berlin; New York: de Gruyter, 1997, p. 586–589.
- Maul S. *Das Gilgamesch-Epos. Neu übersetzt und kommentiert*. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2008. 191 S.
- Nemirovsky A.A., Shelestin V.Yu., Yasenovskaya A.A. *Stsena bor'by so zmeyemorfnyim demonicheskim personazhem na ottiske pečati staroassiriyskogo perioda iz sobraniya GMII imeni A.S. Pushkina (I 2 b 1591)* [The Scene of the Combat with a Serpent-Like Demonic Character on the Seal's Impress of the Old Assyrian Period from the Collection of the Pushkin Museum of Fine Arts (I 2 b 1591)] // *Scripta Antiqua VIII* (forthcoming).

Orthmann W. *Hydra // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie* / Hrsgb. von D.O. Edzard. Bd. IV/6. Berlin; New York: de Gruyter, 1975, p. 537.

Orthmann W. *Untersuchungen zur Späthethitischen Kunst* (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 8). Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1971. 566 S.

Osten H.H., von der. *Ancient Oriental Seals in the Collection of Mr. Edward T. Newell* (Oriental Institute Publications 22). Chicago: University of Chicago Press, 1934. 204 p.

Özyar A. *Architectural Relief Sculpture at Karkamish, Malatya, and Tell Halaf: A Technical and Iconographic Study*. PhD Diss. Bryn Mawr College, 1991. 231 p.

Parayre D. *The Ninevite 5 Sequence of Glyptic at Tell Leilan // The Origins of North Mesopotamian Civilization: Ninevite 5 Chronology, Economy, Society* / Ed. by E. Rova, H. Weiss (Subartu IX). Turnhout: Brepols, 2003, p. 271–310.

Poli P. *Quelques notes sur la Porte des Lions de Malatya // Akh Purattim 2* / Éd. par J.-C. Margueron, O. Rouault, P. Lombard. Lyon: Maison de l'orient méditerranéen. Ministère des affaires étrangères, 2007, p. 299–319.

Shelestin V.Yu. *Etimologiya nazvaniya khettskogo prazdnika purulliya i yego kalendarnoye polozheniye* [The Etymology of the Name of the Hittite Festival Purulliya and Its Calendar Position] (forthcoming).

Stevens K.G. *Eine ikonographische Untersuchung der Schlange im vorgeschichtlichen Mesopotamien // Archaeologia iranica et orientalis in honorem Louis Vanden Berghe* / Ed. by L. De Meyer, E. Haerinck. Gent; Leuven: Peeters, 1989, p. 1–32.

Svyatopolk-Chetvertynskiy I.A. *Kontsept zmeyeborchestva i yego tekstoobrazuyushchaya rol' v sravnitel'no-istoricheskom i tipologicheskom osveshchenii* [The Concept of Serpent-Fighting and Its Text-Forming Function in Comparative and Historical and Typological Light]. PhD Candidate in Philology Diss. Moscow: Institut Yazykoznaniya RAN, 2005. 293 p.

Ward W.H. *The Seal Cylinders of Western Asia*. Washington: The Carnegie Institution, 1910. 428 p.

Wiggermann F.A.M. *Tišpak, His Seal and the Dragon mušhuššu // To the Euphrates and Beyond: Archaeological Studies in Honour of Maurits N. van Loon* / Ed. by O. Haex, et al. Rotterdam: Balkema, 1989, p. 117–133.

Williams-Forte B. *The Snake and the Tree in the Iconography and Texts of Syria during the Bronze Age // Ancient Seals and the Bible* / Ed. by L. Gorelick, E. Williams-Forte (Occasional Publications on the Near East 2/1). Malibu: Undena Publications, 1983, p. 18–43.

Yankovskaya N.B. *Klinopisnyye teksty iz Kyul'-tepe v sobraniyakh SSSR (Pis'ma i dokumenty trgovogo ob'yedineniya v Maloy Azii XIX v. do n.e.)* [Cuneiform Texts from Kültepe in the USSR Collections (Letters and Documents of the Trading Union in Asia Minor in the Nineteenth Century BCE)]. Moscow: Nauka, 1968. 306 p.

York H. *Heiliger Baum (Mesopotamian and Related Forms, from the Late Fourth Millennium B.C. through the Late Assyrian Period) // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie* / Hrsgb. von D.O. Edzard. Bd. IV/4-5. Berlin; New York: de Gruyter, 1975, p. 269–282.

Поступила в редакцию
25 ноября 2019 г.

М.И. Шиколо

**ФРАНЦУЗСКИЕ ПОСЛЫ ПРИ ИНОСТРАННЫХ ДВОРАХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ**

M.I. Shikulo

**FRENCH AMBASSADORS AT THE FOREIGN COURTS
IN THE SECOND HALF OF THE 17th — EARLY 18th
CENTURIES: THE REPRESENTATION OF ROYAL POWER**

Аннотация. Рассматривая некоторые аспекты жизни и деятельности французских послов за границей, связанных с выполнением задач репрезентации королевской власти во второй половине XVII — начале XVIII в., автор сосредоточивает внимание на двух основных вопросах: каковы были критерии отбора кандидатов на пост дипломатического представителя; каким образом послы использовали пространство своей резиденции с целью обеспечения достойной репрезентации короля Франции. Историки уделяют внимание в основном придворному («внутреннему») дипломатическому церемониалу, в то время как «внешняя» его составляющая до сих пор не рассматривалась в историографии как целостная система. Это можно объяснить тем, что изучение «внешнего» дипломатического церемониала сопряжено с рядом методологических трудностей, таких, например, как его отделение от церемониальной практики иностранных дворов. Под «внешним» дипломатическим церемониалом автор подразумевает совокупность норм, методов и принципов поведения, которыми руководствовалась французская сторона, участвуя в церемониях, проводимых при иностранных дворах, но также и церемонии, организованные французскими дипломатами за рубежом. Именно эти церемонии — приемы, обеды, торжества, устраиваемые послами, и стали одним из объектов исследования в статье. Вторая половина XVII в. — эпоха наибольшего могущества Франции, ее политического превосходства на мировой арене и культурного подъема. Французская дипломатическая мысль стала в это время господствующей в Европе, а нормы придворного этикета, переживавшего свою лучшую пору, были образцом для многих европейских дворов. Можно утверждать, что изучение дипломатического церемониала периода расцвета придворного общества не только позволяет ближе подойти

* *Шиколо Максим Игоревич*, кандидат исторических наук, продюсер, телеканал «Москва 24»

Shikulo Maxim Igorevich, PhD Candidate in History, Producer, TV Chanel “Moskva 24”
shikulo.max.ru@mail.ru

к пониманию феномена королевского двора как особого организма в социально-политической системе Франции, но и выводит нас на новый уровень задач — определения места французского двора в политической системе европейских дворов, дальнейшего анализа дипломатических церемоний других европейских стран и определения роли церемониала в дипломатии второй половины XVII — начала XVIII в.

Ключевые слова: репрезентация, посол, Франция XVII в., королевская власть, Людовик XIV, дипломатический церемониал.

Abstract. The author considers some aspects of the life and work of French ambassadors abroad in relation to performing the tasks of representing the royal authority in the second half of the 17th — early 18th centuries, and focuses on two main issues: what were the criteria for selecting the candidates for the post of a diplomatic representative and how the ambassadors used the space of their residence in order to ensure a worthy representation of the king of France. Historians mainly concentrate on the courtly (“internal”) diplomatic ceremonial, while in the historiography its “external” component has not yet been considered in its entirety. This can be explained by the fact that the study of the “external” diplomatic ceremonial is fraught with a number of methodological difficulties, such as, for example, distinguishing it from the ceremonial practice of foreign courts. By the “external” diplomatic ceremonial, the author means a set of norms, methods and principles of conduct that guided the French side when it participated in ceremonies held at foreign courts and also in ceremonies organized by French diplomats abroad. It was these ceremonies — receptions, dinners, celebrations organized by ambassadors — that became one of the objects of research in the article. The second half of the 17th century was a period when France reached its heyday in terms of political superiority on the world stage and unprecedented cultural flourishing. French diplomatic thought came to domineer in Europe at that time, and the norms of court etiquette, in its halcyon days, were a model for many European courts. It can be argued that the study of the diplomatic ceremonial of courtly society at its zenith allows us to come closer to understanding the phenomenon of the royal court as a special entity in the socio-political system of France. Moreover, it takes to a new level of tasks — the definition of the place of the French court in the political system of European courts, further analysis of diplomatic ceremonies of other European countries and interpretation of the role of the ceremonial in diplomacy of the second half of the 17th — early 18th centuries.

Keywords: representation, ambassador, 17th-century France, royal authority, Louis XIV, diplomatic ceremonial.

* * *

В последнее время, с обращением историков к культурно-психологическим аспектам политической истории, все большее значение приобретает разработка проблемы репрезентации королевской власти. Применительно к дипломатии термин «репрезентация» (от лат. *repraesentatio* — представление) может быть истолкован по-разному.

В правовом отношении — это деятельность дипломатических представителей государя за границей от его имени, по его поручению и в его интересах. В более узком смысле современные исследователи употребляют понятие «репрезентация» для обозначения действий королевской власти, направленных на формирование образа монархии при помощи разнообразных символических средств: от публичных церемоний, торжеств, театральных представлений до оформления интерьеров дворцов и произведений искусства. Власть заинтересована в том, чтобы в общественном сознании сложился такой образ, который подчеркивал бы ее верховный характер, и поэтому принимает активное участие в создании и продвижении этого образа¹. Во второй половине XVII в. в руках французского короля репрезентация становится одним из инструментов утверждения превосходства королевской власти над другими видами властей (парламентской, сеньориальной и проч.). Особенность дипломатической репрезентации состоит в том, что она нацелена на создание и укрепление образа королевской власти не только внутри страны, но в первую очередь за рубежом. Это значительно расширяет границы «зон распространения» репрезентации.

В настоящей статье внимание сосредоточено на исследовании отдельных аспектов жизни и деятельности французских послов за границей, имевших символично-политический подтекст и связанных с выполнением задач репрезентации королевской власти, во второй половине XVII — начале XVIII в.

Как ни странно, но при обилии трудов, посвященных истории правления Людовика XIV (1643–1715) и его дипломатии, репрезентация королевской власти, осуществлявшаяся через посредство дипломатических представителей Короля-Солнца, до сих пор изучена довольно слабо. Единственная церемония, получившая весьма полное научное освещение, — торжественный въезд французских послов в столицы зарубежных государств². Остальные стороны ди-

¹ Тема образов власти во Франции раннего Нового времени исследуется в таких работах, как например: *Marin L.* Le portrait du roi. Paris, 1981; *Apostolidès J.-M.* Le Roi-machine, spectacle et politique au temps de Louis XIV. Paris, 1981; *Néraudau J.-P.* L'Olympe du Roi-Soleil: mythologie et idéologie royale au Grand Siècle. Paris, 1986; *Burke P.* The Fabrication of Louis XIV. Yale, 1992 (фр. перевод: *Louis XIV. Les stratégies de la gloire.* Paris, 1995); *Sabatier G.* Versailles ou la figure du roi. Paris, 1999; *Sabatier G.* Le prince et les art: stratégies figuratives de la monarchie française de la Renaissance aux Lumières. Lonrai, 2010.

² Въезды французских послов в различные европейские столицы подробно исследованы Э. Рабен: *Rabin E.* Les entrées publiques des ambassadeurs de France à l'étranger sous les règnes de Louis XIV et Louis XV: éléments symboliques de la représentation diplomatique, mémoire de Master 2 / Dir. L. Bély. Paris; Sorbonne, 2010–2011. О церемонии

пломатической репрезентации (участие французских дипломатов в придворных церемониях иностранных дворов, организация жизни послов за границей и т.п.) еще не были подвергнуты специальному анализу³. А между тем репрезентация, наряду с ведением переговоров и информированием послами своих правительств, является одной из основных задач дипломатического корпуса⁴.

Во второй половине XVII — начале XVIII в., в период расцвета во Франции абсолютной монархии, когда король (как в глазах своих подданных, так и в представлении иностранцев) являлся олицетворением всего государства, поддержание публичного имиджа монарха — это не только цель, но также средство утверждения символического престижного статуса.

Обеспечение достойной репрезентации требовало тщательного отбора кандидатов на пост дипломатического представителя. Поэтому кажется логичным сначала определить критерии этого отбора — выяснить, из какой социальной среды происходили дипломаты, в каком ранге они отправлялись к иностранным дворам. Еще одним важным элементом репрезентации является посольская резиденция. Как дипломаты Людовика XIV использовали пространство своей резиденции и примыкающих к ней территорий города — улиц и площадей? Насколько интенсивно и эффективно? Какие цели они преследовали? Ответы на эти вопросы позволят глубже понять смысл дипломатической репрезентации.

В статье были использованы некоторые неопубликованные материалы дипломатического архива Франции, в том числе записи придворного церемониймейстера Людовика XIV Николя де Сенкто⁵, а также переписка государственного секретаря Франции в 1662–1671 гг. Юга де Лионна и французских послов в Риме и Лондоне⁶.

въезда французских послов в Рим см. также: *Gérin Ch.* L'ambassade de Lavardin et la séquestration du nonce Ranuzzi (1687–1689) // *Revue des questions historiques*. Т. 16. Paris, 1874. P. 382–432; *Lesourd P.* Les entrées des ambassadeurs de France près de Saint Siège // *Revue d'Histoire diplomatique*. 38. 1924. P. 75–97.

³ Проблема дипломатической репрезентации власти Людовика XIV через послов в Риме частично затрагивается в: *Boiteux M.* Les fêtes publiques dans l'environnement du palais // *Le palais Farnèse*. Rome, 1981. Vol. I. P. 613–646; *Boiteux M.* Le palais Farnèse: la représentation et l'identité // *Mélanges de l'École française de Rome — Italie et Méditerranée modernes et contemporaines*. 122-2. 2010. P. 311–338 [en ligne] mis en ligne le 18 septembre 2013. — URL: <http://mefrim.revues.org/575>

⁴ *Duroselle J.-B.* Tout empire périt: théorie des relations internationales. Paris, 1992. P. 204.

⁵ Archives diplomatiques du ministère des Affaires étrangères (далее — ААÉ). Mémoires et documents, fonds France, Cérémonial — Sainctot. Vol. 1837, 1848.

⁶ ААÉ. Correspondance politique (origines — 1896), Angleterr. Vol. 93; Rome. Vol. 181, 192.

Кроме этого к исследованию привлекались теоретические работы по дипломатии (в частности, Абрахама Викфора, Франсуа Кальера⁷). Важным источником сведений о французских дипломатических миссиях являются королевские инструкции послам⁸.

В большинстве королевских инструкций послы и посланники подразделяются на ранги: чрезвычайные и ординарные послы, чрезвычайные и ординарные посланники. Ранг, который присваивался дипломату, зависел от того, к какому двору его направляли. Между европейскими дворами к XVII в. сложилась определенная иерархия, не позволявшая Людовику XIV, главе одного из наиболее крупных, древних и суверенных королевств Европы, отправлять послов, например, в мелкие немецкие княжества, которые все же формально находились в вассальной зависимости от императора Священной Римской империи. Он отправлял туда только посланников или же специальные миссии, которые выполняли те или иные дипломатические поручения. Послов же король отправлял только к государям, которых он мог считать равными себе, т.е. к тем, кого называли коронованными особами (*têtes couronnées*) — главам старых суверенных монархий.

Особенность исследуемого периода заключается в том, что относительно новая для этого времени идея о равенстве суверенных правителей сосуществовала с традиционным, еще средневековым представлением об их иерархичности. Выбор определялся тем, какой из подходов был более выгодным монарху в конкретный момент. Те государи, которые уже имели высокий статус в системе европейской иерархии, стремились защитить или подтвердить его, чтобы и впредь иметь возможность оставаться «старшими братьями» в большой семье европейских правителей; другие, как правило, государи менее «статусных» монархий, таких как, например, Швеция, наоборот выступали за приоритет идеи равенства⁹.

Иерархия правителей проецировалась на их дипломатических представителей, т.е. послы располагались на иерархической лестнице относительно друг друга так же, как и их государи. Поскольку

⁷ *Wicquefort A. de. Mémoires touchant les ambassadeurs et les ministres publics. La Haye, 1677; Callières F. de. De la manière de négocier avec les souverains. Amsterdam, 1716.* В работе использовано издание: *Callières F. L'art de négocier sous Louis XIV. Paris, 2006.*

⁸ *Le Recueil des insructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française (1648–1789) (далее — Recueil). Paris, 1884–1983, 31 vol.*

⁹ Подробнее о вопросах иерархии государей и их послов см.: *Шиколо М.И. Французские дипломаты в системе дипломатической иерархии европейских дворов во второй половине XVI–XVII вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 139–146.*

именно через послов происходило утверждение престижного статуса правителей, выбор кандидата на посольский пост был делом крайне ответственным. (Безусловно, не только поэтому к подбору кандидатов относились с большим трепетом: от правильно подобранного посла зависел успех конкретной дипломатической миссии — и это было главным).

Видный французский дипломат Ф. Кальер обращает внимание на то, что посол, отправляемый за рубеж, не должен занимать слишком низкое социальное положение, поскольку это может вызвать презрение к нему принимающей стороны и, как следствие, помешать успеху переговоров¹⁰. Социальный статус посла должен быть достаточно высок, чтобы дать дипломату право выступать от имени короля. В качестве наиболее подходящей категории послов Кальер называет родовитых дворян, т.к. уже одно имя знатного дворянина может внушить почтение и уважение к нему, а также продемонстрировать значение, какое придает король отношениям с тем государем, ко двору которого он отправляет одного из своих наиболее родовитых подданных. Однако, по мнению Кальера, знатные дворяне подходят прежде всего для чрезвычайных посольств, имеющих предметом чествование по случаю того или иного громкого события (*cérémonie d'éclat*)¹¹ — рождения наследника престола или свадьбы кого-либо из членов правящего дома. В 1679 г. принц д'Аркур, член одного из наиболее знатных родов — Гизов, был отправлен сопровождать в Испанию французскую принцессу Марию Луизу Орлеанскую, нареченную супругой испанского короля Карла II. Принц д'Аркур принял ранг чрезвычайного посла.

Если же речь шла о более долгом (пускай и чрезвычайном) посольстве, которое направлялось для ведения серьезных переговоров, то, как пишет Кальер, предпочтение должно было отдаваться не столько родовитому кандидату, сколько тому, кто наделен незаурядными способностями, умом и сноровкой¹². И это не обязательно были дворяне шпаги. Стоит отметить, что представители старой знати не особо стремились к дипломатической службе, а большинство высших дипломатических постов занимали выходцы из дворянства мантии. Это говорит, по-видимому, об относительно невысоком престиже дипломатической и в целом гражданской службы в сравнении с достойными родовитого дворянина военными или придворными должностями.

¹⁰ Callières F. Op. cit. P. 140.

¹¹ Ibid. P. 139.

¹² Ibidem.

И все же анализ конкретных персоналий, отбравшихся Людовиком XIV в качестве дипломатов, показывает, что король старался посылать представителей старой знати в наиболее старые монархии, такие как Испания, Англия, а также в Рим¹³. При папском дворе борьба за статус между иностранными послами велась наиболее активно. Родовитость придавала послу большой вес в этой борьбе. Поэтому король с особым трепетом относился к подбору кандидатур для отправки в папскую столицу.

В качестве своих дипломатических представителей в Рим и к другим дворам католических государей Людовик XIV мог отправить и лиц духовного звания. В период с 1661 по 1715 г. из 10 французских дипломатов в Риме половина принадлежала к духовенству, в Мадриде — четверо из 19, в Лиссабоне же — только двое из 11. При этом ни один из священников, отправленных королем к папскому двору, не имел ранга посла, но лишь поверенного в делах (*chargé d'affaires*) или посланника. Так, с 1690 по 1699 г. и с 1701 г. до конца правления Людовика XIV в Риме не было французского посла за исключением кардиналов — поверенных в делах, которые по сути выполняли посольскую функцию. По мнению Ю.В. Борисова, Людовик XIV не присваивал лицам духовного звания ранга посла, поскольку, будучи на всю жизнь напуганным всевластием кардиналов Ришельё и Мазарини, он относился к ним крайне настороженно¹⁴. Заметим, однако, что французские епископы и аббаты, отправляемые в Испанию и Португалию, имели ранг послов — он не присваивался только священникам, направлявшимся в Рим. В 1670 г. государственный секретарь иностранных дел Юг де Лионн получил резкий отказ Людовика XIV на просьбу присвоить ранг посла отправляемому в Рим Цезарю д'Эстре, епископу Лана. В письме от 3 августа 1670 г. де Лионн объяснил решение своего государя следующим образом: в папской капелле послы духовного сана никогда не заходили на солиум (возвышение с тронном. — *М.Ш.*) и занимали отдельное от остальных прелатов место, но всегда внизу, и французский король не получил бы преимущества для своего посла занимать то место, куда никогда не заходил посол Испании¹⁵. Из-за возможных разногласий по поводу иерархии послов-священников Людовик XIV за все свое правление не присвоил этого высшего дипломатического ранга ни одному духовному лицу, отправляемому к папе римскому.

¹³ См.: Recueil. Vol. 6, 11, 12, 17, 24, 25.

¹⁴ Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 89.

¹⁵ ААЕ. Mémoires et documents, fonds Rome. Vol. 91, f° 88. Sur les relations qui doivent exclure de l'ambassade de Rome les ecclésiastiques.

Церемониал, таким образом, выступает в качестве способа реализации права. Оправлять представителей старой знати в статусе чрезвычайных и ординарных послов к старейшим дворам Европы, где активнее всего велись баталии за право старшинства между дипломатами, было для Людовика XIV делом престижа, т.е. определялось необходимостью постоянно защищать статус первого короля христианского мира. В обобщенном виде критерии отбора сводятся к следующему. Наиболее знатных дворян шпаги король мог отправить лишь к таким дворам, как римский или мадридский. В остальных случаях дипломатов, как правило, выбирали из среды дворянства мантии, а иногда и из числа неаноблированных членов судейского сословия.

После того как кандидатура нового посла была утверждена королем, начиналась подготовка к его переезду на место службы: составлялись инструкции, подыскивалось жилье и т.д. В том, что касалось королевского достоинства, не было мелочей. В расчет брались даже погодные условия. В королевской инструкции от 17 апреля 1662 г. герцогу де Креки сказано: «Его Величество желает, чтобы вышеназванный г-н герцог, воспользовавшись этими прекрасными днями и мягкостью времени года, незамедлительно отправился в Рим, чтобы прибыть туда до наступления жары, а чтобы его путь был более удобным, безопасным и исполненным достоинства, Его Величество некоторое время назад приказал приготовить для его переправы 4 галеры»¹⁶.

Послы предпочитали добираться до места службы морем: с одной стороны, по соображениям безопасности, с другой — во избежание дипломатических осложнений в «транзитных» государствах. И все же в большинстве случаев путь посла пролегал по суше. Если послу приходилось в пути пересекать территории третьих стран, он старался избегать встреч с их государями. В инструкции маркизу де Лавардену, назначенному чрезвычайным послом в Рим в 1687 г., дается указание, чтобы он по возможности не встречался с иностранными государями, владения которых будет пересекать (имеются в виду итальянские княжества), во избежание трудностей, связанных с церемониями и почестями¹⁷.

Персонал посольства набирался и оплачивался самим послом. Из соображений престижа послам приходилось брать с собой множество

¹⁶ «Sa Majesté désire que ledit sieur duc profitant des beaux jours et de la douceur de la saison s'achemine incessamment à Rome pour y arriver avant les chaleurs et, afin qu'il fasse son voyage plus commodément, plus sûrement et avec plus de dignité, Sa Majesté a commandé, il y a déjà quelque temps, qu'on tint prêtes quatre de ses galères pour le transporter» (Recueil. Vol. 6. Rome. Paris, 1888. P. 101).

¹⁷ Ibid. P. 288.

слуг, поваров, конюхов, лакеев, иногда даже музыкантов. Как пишет Н. Элиас, детальная продуманность внешних форм как инструмент социальной репрезентации была характерной чертой всего придворного жизнеустройства¹⁸. Послы должны были везти с собой всю мебель, картины, посуду, ковры и были обязаны по прибытии на место за собственный счет снять дом для посольства. Многочисленная челядь, предметы роскоши, которыми окружали себя послы, были призваны подчеркивать особый статус королевских посланников, то, что они представляли самого великого из всех королей. Вот что пишет по этому поводу секретарь французского посла в Риме г-н де Ла Бюиссьер: «Если посол, куда бы он ни был отправлен, должен поражать умом и великолепием, то здесь (при папском дворе. — М.Ш.) его великолепие должно доходить до предела <...>, и, так как этот двор привычен к ярким спектаклям и коль скоро Ваш посол, Сир, должен представлять здесь персону величайшего из всех королей, ему удастся выполнить этот долг не иначе как с помощью роскошной свиты и щедрот, соразмерных славе, которой Ваше Величество окружено со всех сторон»¹⁹. Это замечание еще раз свидетельствует о том, что, в условиях исключительной иерархизированности европейских дворов и государей и их жесткой конкуренции за право старшинства, одна из главных задач посылаемых за границу посольств состояла в поддержании статуса своего монарха. И чем значительнее, с точки зрения представлений о старшинстве, был «принимающий» двор, чем более искусственным он был в вопросах церемониала (именно таковым был двор папы римского), тем более впечатляющим должно было быть посольство.

Репрезентативной функции посольств отвечала церемония публичного въезда, являвшаяся символическим актом вступления посла в столицу иностранного государства и предварявшая его официальное вступление в должность. В церемонии въезда было задействовано огромное количество людей. Она требовала длительной и тщательной подготовки и колоссальных материальных средств. Людовик XIV, тем не менее, упорно настаивал на необходимости ее исполнения. Многие послы стремились избежать непомерных трат и пытались всячески отсрочить или вовсе избежать церемонии въезда. Граф де Комменж, прибывший в Лондон в январе 1663 г. в качестве французского ординарного посла, просил разрешения короля на отмену этой церемонии. Ответ монарха был резко отрицательным, а свой отказ Людовик XIV аргументировал тем, что другие послы

¹⁸ Элиас Н. Придворное общество. М., 2002. С. 154.

¹⁹ Цит. по: *Lesourd P. Les entrées des ambassadeurs de France près de Saint Sièg* // *Revue d'Histoire diplomatique*. 1924. P. 77.

смогут рассматривать этот случай как прецедент и последуют его примеру. В результате Франция лишится прекрасной возможности продемонстрировать свое старшинство по отношению к другим странам²⁰.

В различных европейских столицах церемония публичного въезда имела свои особенности. Однако везде ее основное содержание состояло в прохождении посольского кортежа по главным частям города. Посмотреть на это мероприятие собирались толпы горожан. Впечатление, которое производили посол, представитель французского монарха, и его свита, играло не последнюю роль в создании и продвижении образа короля Франции и его двора за рубежом. В этом смысле на после лежала огромная ответственность. Он должен был вести себя так, как если бы король собственной персоной присутствовал на церемонии. В весьма кратком описании въезда французского посла графа де Ла Вогийона в Мадрид, оставленном одним из участников этого посольства, акцент сделан именно на том, как граф держал себя во время церемонии: «Граф де Ла Вогийон совершил свой публичный въезд 14 февраля 1682 г. с достоинством и блеском, какие соответствуют занимаемой им должности»²¹. В описаниях публичных въездов с определенной регулярностью встречается слово «великолепие» (*magnificence*). Практически во всех указаниях, которые получал посол относительно церемониала, имелось упоминание о том, что, только когда в распоряжении посла имеются все средства для проведения церемонии публичного въезда с наибольшим великолепием, какое только возможно (*avec le plus de magnificence qui luy est possible*), он может выбрать день, чтобы его совершить²².

Поддерживать «имидж» французского монарха и в целом монархии послы должны были на протяжении всей своей службы. Так, французский посол Шарль Кольбер де Круасси²³ после официального въезда в Лондон обосновался в роскошном особняке Лестер-хаус²⁴, в самом центре английской столицы. Роскошь отнюдь не была личной

²⁰ ААЕ. Mémoires et documents, fonds France. Vol. 1837, № 177. Cérémonial — 1621 — 1690 — Mémoires pour les ambassadeurs et ministres de France en diverses cours. — Saintot.

²¹ ААЕ. Mémoires et documents, fonds France. Vol. 1837, № 152; vol. 1848, № 204; vol. 1849, № 147.

²² ААЕ. Mémoires et documents, fonds France. Vol. 1837, № 14; vol. 1848, № 140.

²³ Шарль Кольбер, маркиз де Круасси (1625–1696) — ординарный посол в Англии в 1668–1674 гг., младший брат генерального контролера финансов Жана-Батиста Кольбера.

²⁴ Ibidem. Лестер-хаус — ныне не существующий лондонский особняк, находившийся в Вест-Энде на месте современной площади Лестер-сквер.

прихотью посла, но составляла часть его образа как представителя французского короля. Неотъемлемой частью работы и жизни посла было соблюдение дипломатического протокола. После аудиенций у короля и членов королевского дома он принимал ответные визиты лордов и прочих знатных особ. Кроме того, посол был обязан уведомить о своем прибытии остальных послов и посланников, находившихся в это время в Лондоне, чтобы они также могли прийти к нему с визитами²⁵. В услужении у посла находилась многочисленная челядь (пажи, ливрейные лакеи, конюхи и проч.). Все они были прекрасно одеты на деньги посла. В посольской конюшне содержалось 20 каретных и 6 верховых лошадей. В каретном сарае было 3 кареты в 6 лошадей и 4 кареты в 2 лошади. В своей домово́й церкви посол содержал 8–10 священников, которых обеспечил богатым облачением (по воскресеньям он всегда слушал мессу)²⁶.

Для успешного выполнения своей миссии посол должен был заручиться расположением монарха, при дворе которого он находился, его министров и прочих лиц, которые могли быть ему полезны. Поиск союзников осуществлялся при помощи различных средств. Например, в королевских инструкциях встречаются прямые указания на возможность и даже необходимость привлечения женщин для достижения желаемого результата, в том числе посольских жен. Юг де Лионн в письме Кольберу де Круасси прямо советовал, чтобы его супруга проявила любезность в отношении леди Каслмейн, какую только может проявить женщина к женщине²⁷. Через посредство жены посла французский двор надеялся получить расположение леди Каслмейн, влиятельной фаворитки Карла II, а через нее — и самого короля. Специально для этого посол устроил обед в честь леди Каслмейн.

Церемонии обедов (*cérémonies de table*) имели большое значение. Сразу после совершения торжественного въезда посол должен был устроить обед для всех участников церемонии. В случае чрезвычайных посольств обеды давались в течение трех дней в доме, который предоставлялся послу английским королем. Всего давалось шесть обедов: первый — вечером после въезда, затем дважды в течение двух следующих дней (в полдень и вечером) и, наконец, утром на четвертый день. Накрывалось два стола: один для посла и первых лиц из его свиты, второй — для остальных служащих. В описаниях этих

²⁵ Dumont J. Supplément au corps universel diplomatique du droit des gens. T. 5. Amsterdam; La Haye, 1739. P. 496–497.

²⁶ Recueil. Vol. 25. Angleterre. Paris, 1929. P. 95.

²⁷ ААЕ. Correspondance politique (origines — 1896), Angleterre. Vol. 93, № 250. Lettre de Lionne à Croissy, 16.02.1669.

обедов упоминается десерт в виде пирамиды, который раздавался всем присутствующим после того, как посол вставал из-за стола²⁸. Что касается ординарных послов, то они после совершения въезда устраивали один обед в собственной резиденции.

Кроме «церемониальных» обедов, являвшихся протокольным, сугубо официальным мероприятием, за время своей службы послы устраивали много частных обедов, которые проходили в гораздо менее формальной обстановке и были прекрасным способом получить информацию²⁹. Будучи искусно организованными, они могли принести большую пользу (во время обеда было легче разговорить собеседника, выведать у него секреты, склонить к сотрудничеству) и тем самым сполна оправдать расходы на их проведение.

Посольства раннего Нового времени отличались от современных тем, что, будучи официальными дипломатическими учреждениями, они одновременно являлись личным домом посла, где он жил вместе со своей семьей и слугами. Публичная жизнь посла и его домочадцев практически не была отделена от частной жизни. *Профессиональное* (находившееся еще в зачаточном состоянии) здесь неразрывно связывалось с *личным*³⁰.

Послы, хотя им это и дорого стоило, должны были показать иностранцам блеск Версаля, в некотором смысле даже воссоздать атмосферу Версаля вокруг себя. Этим объясняется пышность церемоний, которые устраивали послы в своих резиденциях.

Организация пространства посольской резиденции играла огромную роль и являлась важнейшим элементом символической коммуникации. Приемы и празднества, устраивавшиеся послами, соблюдение протокола, исполнение всех требований, связанных с оказанием и получением почестей, — всё было направлено на поддержание престижного статуса французской монархии. Использование пространства резиденции, а также примыкающих к ней территорий города, формирующих французский анклав как место для проведения приемов или праздничных мероприятий, было весьма эффективным средством репрезентации.

Для послов в Риме, где церемониям придавалось особое значение³¹, использование посольской резиденции в этом качестве было характерно вдвойне. С 1662 по 1689 г. французское посольство в

²⁸ Dumont J. Op. cit. P. 496.

²⁹ Bély L. Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris, 1990. P. 393.

³⁰ Netzloff M. The Ambassador's Household // Diplomacy and Early Modern Culture / Ed. R. Adams, R. Cox. New York, 2011. P. 162.

³¹ «Самое главное в Риме — это церемонии <...>. Нет другого двора, где были бы более пунктуальными на этот счет» (Wicquefort A. de. Op. cit. P. 229).

Риме располагалось в палаццо Фарнезе³². За время пребывания послов на посту их резиденция часто становилась местом проведения различных празднеств, которые были удобным случаем показать себя.

Герцог де Шон³³ уже через полтора месяца после прибытия в Вечный город, 25 августа 1666 г., в день памяти Людовика Святого, устроил пышные празднества. На средства посла церковь Сан-Луиджи-деи-Франчези, где состоялась торжественная месса, была богато украшена: на фасаде висели гобелены с изображениями герцогского герба, главный неф и приделы храма до самых сводов были обтянуты красным дамастом с золотыми нашивками. Утром в сопровождении огромной свиты герцог де Шон приехал в церковь, где принял римских кардиналов. Прослушав мессу, они все вместе отправились в резиденцию посла, где был организован пышный прием. После прогулки по городу в посольской карете гости вернулись во дворец, чтобы отужинать. Вечером кардинал Антонио Барберини в качестве праздничного подарка послу устроил на площади перед палаццо концерт, во время которого присутствовавшим раздавали щедрые угощения³⁴.

Зимой де Шон принимал активное участие в карнавальных празднествах. Герцог писал ко двору, что у него на примете есть одна римская труппа актеров, которые согласны играть только в его дворце (до этого они играли перед шведской королевой Кристиной), и что он надеется на благосклонность публики и на то, что это поспособствует его службе королю³⁵. Герцог приказал обустроить верхнюю галерею палаццо Фарнезе для театральных представлений. Показ первой комедии состоялся в конце января 1667 г. Доступ был открыт всем желающим, которых набралось пять или шесть сотен³⁶. Впоследствии комедии, чередуясь с музыкальными представлениями, давались почти каждый день. Между актами гостям предлагали закуски и напитки. Одно из представлений в конце января — начале февраля было дано в честь рождения дочери Людовика XIV. Оно собрало 1200 человек.

³² Владелец палаццо пармский герцог Рануччо Фарнезе любезно предоставил его в распоряжение герцога де Креки, посла своего союзника Людовика XIV.

³³ Шарль-Альбер д'Айи, герцог де Шон (1625–1698) — чрезвычайный посол Людовика XIV в Риме в 1666–1668 гг.

³⁴ Gazette, correspondance de Rome du 5 septembre 1666 // Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. Paris, 1667. P. 1013–1014; ААЕ. Correspondance politique (origines — 1896), Rome. Vol. 177, f° 404.

³⁵ ААЕ. Correspondance politique (origines — 1896), Rome. Vol. 181, f° 91.

³⁶ ААЕ. Correspondance politique (origines — 1896), Rome. Vol. 181, f° 130. Lettre de Chaulnes à Lionne, 25.01.1667.

Другим видом увеселений, в которых французское посольство также приняло участие, были карнавальные шествия. 21 февраля штат посольства прошел по Виа дель Корсо в маскарадных костюмах. Сюжет шествия был тщательно продуман. 12 сивилл предсказывают Афине Палладе разрушение Османской империи. Предшествуемая Молвой, Афина в сопровождении 40 оруженосцев, переодетых маврами, восседает на троне в триумфальной колеснице, олицетворяя Францию. Впереди на конях едут четверо трубачей, а за ними — четыре кареты в форме колесниц, заполненных масками. Сивиллы во время движения бросают в разные стороны конфетти. Это символическое шествие, как писал де Шон королю, имело большой успех в Риме³⁷. Таким образом посол выражал свою поддержку действиям папы против турок, пусть даже только в символической форме³⁸.

Еще одно яркое празднество было устроено в палаццо Фарнезе в 1668 г. по случаю заключения 2 мая Ахенского мира между Францией и Испанией. Весть о мире достигла Рима в начале июня, и тогда же началась подготовка к проведению торжества, которое состоялось 27 июня. Утром в церкви Людовика Святого в присутствии французских и испанских кардиналов герцог де Шон прослушал мессу, на которой исполнялся *Te Deum*. Затем в резиденции посла гостям был оказан прием³⁹, а на площади возле палаццо Фарнезе устроены публичные увеселения, фейерверк и иллюминация. Фасад дворца освещали восковые факелы. Остальные дома на площади также подсвечивались. Из одних фонтанов били снопы воды, из других, выстроенных специально для празднества, лилось вино. В центре площади необычная светящаяся конструкция работы Бернини поражала взоры зрителей. Она представляла собой земной шар, словно парящий в воздухе над горящим огнем. На шаре была установлена величественная тронная статуя, у ног которой располагались меньшие по размерам коленопреклоненные фигуры. Центральная статуя, увенчанная папской тиарой и держащая в левой руке апостольские ключи, а в правой оливковую ветвь, по замыслу создателей, символизировала Церковь, принесшую мир⁴⁰. Две другие фигуры означали Войну, вкладывающую меч в ножны, и Победу, возлагающую

³⁷ ААЕ. Correspondance politique (origines — 1896), Rome. Vol. 181, f° 258. Lettre de Chaulnes, 22.02.1667; описание шествия: f°s 284–287.

³⁸ Boiteux M. Le palais Farnèse: la représentation et l'identité.

³⁹ ААЕ. Correspondance politique (origines — 1896), Rome. Vol. 192, f° 13. Bourlemont à Lionne, 3.07.1668.

⁴⁰ Папа римский Климент IX был посредником во время заключения Ахенского мира.

пальмовую ветвь к ногам Церкви⁴¹. Этим жестом подчеркивалось восстановление добрых отношений Франции с папским престолом, нарушенных инцидентом с корсиканской гвардией⁴².

Во время посольства герцога д'Эстре (1672–1687) отношения между Францией и Римом вновь стали напряженными. Похолодание в отношениях было вызвано в том числе спором о праве вольности посольского квартала⁴³. Согласно этому праву резиденции послов в Вечном городе, а также квартал вокруг них обладали иммунитетом, т.е. никто из представителей местной администрации или судебной власти не мог распоряжаться на этой территории без разрешения посла. Обладавшие автономным статусом иностранные посольства зачастую становились опасным пристанищем для бродяг, должников и различных преступников, которых послы, преследуя собственные цели, могли укрывать от римского правосудия. Папы уже давно собирались лишить послов привилегии вольности квартала, но лишь Иннокентий XI перешел к активным действиям, решив в 1676 г. лишить этого права всех вновь прибывших послов. Те же послы, которые уже находились в Риме, продолжали пользоваться этим правом до окончания срока их службы.

Тем не менее, трудности в использовании палаццо Фарнезе и в особенности пространства вокруг него в качестве места репрезентации возникли уже у герцога д'Эстре. Когда 23 августа 1682 г. Рима достигла весть о рождении у дофина первенца, герцог сразу же устроил иллюминацию на площади перед своей резиденцией, пригласил музыкантов и организовал прием на террасе дворца. Это было лишь предварительное торжество, после которого началась подготовка к проведению более масштабного празднества в честь рождения внука Людовика XIV. Однако Иннокентий XI долго тянул и в течение года не давал разрешения на организацию праздничного мероприятия на площади Фарнезе, а потом, сославшись на то, что христианский мир находится перед лицом турецкой угрозы и поэтому сейчас не время для увеселений, вовсе отказал послу. Герцог д'Эстре смирился с этим решением понтифика, но в свою очередь принял минимальное уча-

⁴¹ ААЕ. Correspondance politique (origines — 1896), Rome. Vol. 192, Relation du divertissement donné par le duc de Chaulnes pour la paix, 5.07.1668.

⁴² Имеется в виду вооруженное нападение солдат корсиканской гвардии его святейшества на французское посольство в Риме в августе 1662 г., приведшее к серьезным осложнениям в дипломатических отношениях между Францией и папским престолом.

⁴³ Спор о вольности посольского квартала в Риме был одним из эпизодов более масштабного конфликта Людовика XIV и папского престола по поводу регалии — права короля Франции назначать своих кандидатов на церковные должности. Этот конфликт, возникший еще в 1660-е гг., достиг пика в понтификат Иннокентия XI (1676–1689).

стие в торжествах, посвященных победе христиан в Венской битве в 1683 г. Все чаще французскому послу приходится искать другие места в Риме для празднеств по торжественным поводам. После отмены Нантского эдикта в 1685 г. папа опять заставил герцога почти полгода ждать своего согласия на проведение торжества. И хотя в апреле 1686 г. на площади Фарнезе и были устроены увеселения (вновь играли музыканты, из фонтанов лилось вино, а дворец был иллюминирован), основные мероприятия все же проходили в другом месте — на площади возле церкви Тринита-деи-Монти, где по проекту архитектора Антонио Герарди была сооружена конструкция, символизовавшая искоренение ереси, дан концерт и устроен фейерверк.

Церковь Тринита-деи-Монти, построенная в XVI в. на средства французских королей, долгое время была одним из основных центров французской общины в Риме. Благодаря своему выгодному расположению на высоком холме она хорошо отвечала задачам французской пропаганды. По иронии судьбы, в начале XVII в. на площади перед церковью⁴⁴ расположилось испанское посольство. Не случайно в 1660 г. после заключения Пиренейского мира кардинал Мазарини задумал перестроить храм в честь победы короля над Испанией. Архитектором Франсуа д'Орбэ был разработан грандиозный проект: новая церковь должна была стать памятником славы Людовика XIV. Но проект так и не был реализован, а площадь перед храмом еще долгое время оставалась местом франко-испанской конкуренции. На этой же площади уже после смерти герцога д'Эстре⁴⁵ его брат кардинал д'Эстре, отвечавший за ведение французских дел в Риме до прибытия нового посла, 20 апреля 1687 г. устроил празднества по случаю выздоровления Людовика XIV.

После смерти герцога д'Эстре Иннокентий XI отказался признавать за новым французским послом маркизом де Лаварденом право вольности квартала, несмотря на протест Людовика XIV, грозившего применить военную силу. В королевском альманахе 1688 г. на официальной гравюре, посвященной торжествам в зарубежных странах, изображена именно площадь перед дворцом Фарнезе. В контексте обострившейся борьбы за право вольности посольского квартала этим символическим жестом подчеркивалось, что дворец по-прежнему принадлежит Франции. Однако после безрезультатного посольства маркиза де Лавардена, 30 апреля 1689 г. покинувшего Рим с такой же помпой, с какой он в него въезжал, послы Франции на долгое время будут вынуждены покинуть палаццо Фарнезе.

⁴⁴ Современная площадь Испании.

⁴⁵ Герцог д'Эстре скончался на посту посла в Риме 30 января 1687 г.

Демонстрация себя (как представителя короля), своей щедрости, достоинства, выставление напоказ богатства — всё это отвечало репрезентативной функции посла. Если выражаться современным языком, создание шоу, направленного на то, чтобы произвести впечатление, поразить, составляло часть политической стратегии. Дворец Фарнезе, построенный папой Павлом III в середине XVI в. и располагавшийся в оживленном квартале Рима между площадью Кампо деи Фиори и виа Джулия, на границе народного и аристократического районов города, изначально задумывался, скорее, как место репрезентации, нежели проживания⁴⁶. Французские послы, обосновавшиеся там во второй половине XVII столетия, прекрасно понимали выгодное положение своей резиденции и в течение по меньшей мере 20 лет успешно использовали ее не только по прямому назначению, но и в качестве пространства для произведения максимального эффекта, отвечавшего целям их службы.

Репрезентация власти, осуществлявшаяся через дипломатических представителей короля, служила одним из важных средств пропаганды образа французского монарха за границей. Во второй половине XVII — начале XVIII в. в условиях непростой для Франции внешнеполитической обстановки формирование и поддержание достойного имиджа короля и в целом монархии приобрело особое значение. Смысл уже самой первой церемонии, которую совершал только что прибывший в зарубежную столицу посол, — торжественного въезда — состоял в демонстрации богатства и процветания Франции и ее короля. Этой же цели отвечало создание «атмосферы Версаля» в посольской резиденции, которая, будучи «домом» (местом проживания) семьи посла и одновременно официальным учреждением, являлась центром распространения французского влияния за границей.

Все это требовало от послов больших расходов. Жизнь на широкую ногу для многих из них была не по карману. Кольбер де Круасси за время своей службы в Лондоне неоднократно просил Людовика XIV об отставке. Однако репрезентация, являвшаяся важнейшим элементом символического языка дипломатии, требовала избыточных трат, совершаемых для поддержания престижного статуса.

В то же время посредством ярких символично-демонстративных актов дипломаты имели возможность не только «показать себя», но и выразить отношение французской стороны к той или иной ситуации, затрагивающей интересы короля. Безусловно, не стоит преувеличивать потенциал репрезентации как политического инструмента. Вряд

⁴⁶ *Boiteux M.* Les fêtes publiques dans l'environnement du palais.

ли с помощью одной лишь демонстрации могущества можно было восполнить недостаток реальной политической силы. Многообразие форм дипломатической репрезентации позволяло применять ее при различных обстоятельствах с целью заявить о своих претензиях, выразить несогласия, потребовать соблюдения законных прав. При этом эффективность подобного рода демаршей по большей части зависела от того, насколько политические амбиции короля соотносились с его действительным положением на международной арене.

References

Bély L. *Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV*. Paris: Fayard, 1990, 907 p.

Boiteux M. *Le palais Farnèse: la représentation et l'identité // Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines*. 122-2. 2010. P. 311–338 [en ligne] mis en ligne le 18 septembre 2013. — URL: <http://mefrim.revues.org/575>

Boiteux M. *Les fêtes publiques dans l'environnement du palais // Le palais Farnèse*. Rome. 1981. Vol. I, p. 613–646.

Borisov Yu.V. *Diplomatiya Lyudovika XIV* [Diplomacy of Louis XIV]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1991, 384 p.

Diplomacy and Early Modern Culture / Ed. R. Adams, R. Cox. Palgrave Macmillan, United Kingdom, 2011, 213 p.

Duroselle J.-B. *Tout empire périra: théorie des relations internationales*. Paris: Armand Colin, 1992, 346 p.

Elias N. *Pridvornoye obshchestvo* [The Court Society]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002, 369 p.

Lesourd P. *Les entrées des ambassadeurs de France près de Saint Siège // Revue d'Histoire diplomatique*. 38. 1924, p. 75–97.

Поступила в редакцию
15 февраля 2018 г.

А.Г. Суслина, М.Л. Богомолов*

**МЕТОДИКА РЕКОНСТРУКЦИИ
РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КРЕСТЬЯНАМИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕВИЗИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.)**

A.G Suslina, M.L. Bogomolov

**METHODOLOGY FOR RECONSTRUCTION
OF KINSHIPS BETWEEN PEASANTS BASED ON THE CENSUS
LISTS OF THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY**

Аннотация. О родственных связях внутри деревень и крестьянских общин в настоящее время известно немного. Между тем изучение этих связей, несомненно, помогло бы лучше понять жизнь крестьян, которая почти вся проходила в рамках деревни и сельской общины. Наиболее информативным источником для изучения родственных связей в Российской империи являются ревизские сказки — материалы переписей, проводившихся с первой половины XVIII в. В них указано население отдельных дворов, показаны родственные связи внутри двора. Начиная с III ревизии (1760-е гг.), эти материалы содержат информацию не только о мужской, но и о женской части населения, что позволяет, сравнив несколько ревизских сказок на одну и ту же территорию за разные годы, с высокой степенью точности восстановить сеть родственных связей. В статье эта работа проделана для одной из вотчин Московской губернии на основе материалов третьей (1762 г.) и пятой (1795 г.) ревизий. Для этого был разработан макрос на языке программирования Visual Basic for Applications, интегрированный в Microsoft Office Excel. С его помощью была построена цепочка родственных связей, а результатом стала база данных с более чем 2 млн пар родственников. Для каждой из них указывался тип родства (кровное родство или свойство) и дальность родства. База данных позволяет выявить количество родственников у любого человека, узнать о наличии родственных связей между дворами, выявить «плотность» и равномерность распределения родственных связей. На изученной территории, согласно материалам ревизий, более 95 процентов населения

* Суслина Анастасия Геннадьевна, учитель истории, средняя общеобразовательная школа № 29, г.о. Мытищи, дер. Беляниново

Suslina Anastasia Gennad'evna, History Teacher, Secondary School 29, Mytishchi, Bel'yaninovo

+7-963-961-98-34; anastasia_sus@mail.ru

Богомолов Максим Леонидович, учитель, школа имени Артема Боровика, г. Москва

Bogomolov Maxim Leonidovich, Teacher, Artem Borovik School, Moscow

+7-985-229-36-74; frimux@yandex.ru

были объединены родственными связями. Доля кровных родственников для разных жителей варьировалась от 0 до 11 процентов. Большая часть этих родственников жила в соседних поселениях. Применение данной методики в сочетании с использованием местных вотчинных архивов дает совершенно новые и чрезвычайного широкие возможности для изучения жизни крестьян и крестьянского мира.

Ключевые слова: крестьянская семья, сельская община, Московская губерния, Иосифо-Волоцкий монастырь, историческая демография, ревизские сказки.

Abstract. Little is known about kinship ties within villages and peasant communities in Russia in the second half of the 18th century. Yet the research on these links would undoubtedly help to better understand the peasant life, almost entirely enclosed within the limits of the village and rural community. The most informative source for studying kinships in the Russian Empire is census lists compiled since the first half of the 18th century. They indicate the inhabitants of every homestead and family ties inside it. Starting from the third census list of the 1760s, these documents contain information not only about the male, but also about the female part of the population, and allow establishing the network of family ties with a high degree of accuracy by comparing several census list for the same territory over different years. The article deals with one of the estates in Moscow guberniya on the basis of the third (1762) and fifth (1795) census lists. For the analysis, macros were developed in Visual Basic for Applications, integrated into Microsoft Office Excel. Thus, the authors created a chain of kinship ties and a database with more than 2 million pairs of relatives with the indication of the type of relationship (consanguinity or affinal relationship) and the range of relationship for each of them. The database helps identify the number of relatives for any person, establish the existence of family ties between households and determine the “density” and equitability of kinships. According to the census lists, more than 95 percent of the population in the area in question was linked by kinship ties. The proportion of blood relatives for different inhabitants ranges from 0 to 11 percent. Most of them lived in neighboring settlements. Application of this methodology in combination with the use of local patrimonial archives provides entirely new and extremely wide opportunities for studying the peasant life and world.

Keywords: peasant family, rural community, Moscow guberniya, Joseph Volotsky monastery, historical demography, census lists.

* * *

Для понимания крестьянской жизни необходимо проникнуть в тот мир, в ту систему социальных связей, в рамках которой жил крестьянин. Сосредоточением жизни крестьянина являлись двор и семья, деревня и община¹. Внутри этих структур существовали

¹ См., например: *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909; *Миненко Н.А.* Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII — первая половина XIX века. Новосибирск, 1991; *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVII — начала XVIII века. М., 2012.

семейные, родственные, соседские и другие взаимоотношения, влиявшие на поведение и мировоззрение крестьян. Поэтому изучение этих взаимоотношений как внутри двора, так и внутри деревни и общины является ключом к пониманию среды, в которой жили крестьяне, общества, в котором протекала их повседневная жизнь².

На сегодняшний день довольно хорошо изучен ряд вопросов семейных взаимоотношений у крестьян. Множество работ посвящено составу и структуре крестьянского двора, типологии крестьянских семей³. Достаточно подробно разобраны различные правовые нормы, в том числе нормы обычного права, регулирующие отношения между членами семьи, а также влияние общины на семейные отношения⁴.

В то же время родственные связи за пределами крестьянских дворов, количество и характер таких родственных связей, а тем более степень и характер их влияния на жизнь крестьянина и общинную жизнь нам до сих пор малоизвестны⁵.

Отсутствие подобных исследований во многом связано с состоянием источниковой базы, со сложностью выявления родственных связей вне пределов двора из имеющихся источников. Поэтому разработка методов выявления подобных связей является важнейшим и необходимым шагом в изучении вышеперечисленных вопросов. Именно методу воссоздания сети родственных связей внутри крестьянской общины и посвящена данная статья. Под родственными связями мы будем понимать как отношения родства, так и свойства (некровное родство через брачный союз).

Для реконструкции всего комплекса родственных связей внутри общины необходимы источники, где, во-первых, учтено всё наличное население, включая не только мужчин, но и женщин, а во-вторых, для каждого из жителей указаны ближайшие родственники (родители или дети) и супруг. Исходя из этих параметров, источниками для изучения родственных связей внутри крестьянских общин в Российской

² Швейковская Е.Н. Указ. соч. С. 8–10.

³ См., например: Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984; Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII вв. М., 1978; Боярышниковая З.Я. Крестьянский двор в Сибири как производственная единица // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983; Прохоров М.Ф. Мохначева М.П. Крестьянская семья в крепостной деревне Брянского края в середине XVIII века // Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени. Брянск, 1995: и др.

⁴ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX века). Новосибирск, 1979; Александров В.А. Сельская община в России (XVII — начало XIX века). М., 1976; Он же. Обычное право крепостной деревни России. М., 1984.

⁵ Швейковская Е.Н. Указ. соч. С. 9–10.

империи могут служить либо метрические книги, либо материалы ревизских сказок. Рассмотрим возможности каждого источника.

Метрическая книга — это совокупность записей культовой регистрации в хронологическом порядке, которые в книжной форме удостоверяют события крещения (рождения), венчания (брака), погребения (смерти) конкретных лиц⁶. Метрические книги позволяют проследить не только связи родства и свойства, но и кумовства, так как в них записывается информация о восприемниках (крёстном отце или матери). Они успешно используются в изучении демографических процессов, в том числе с помощью метода восстановления истории семей (ВИС)⁷.

Однако существует ряд проблем, осложняющих работу с российскими метрическими книгами XVIII в.: расчеты показывают, что церковный учет в этот период был крайне неточен⁸, а в массиве метрических книг, по крайней мере, в ряде регионов, существует значительное количество лакун⁹. При этом для выявления сети родственных связей необходимы метрические книги по одной территории за довольно продолжительный отрезок времени (например, по методу ВИС — за 100 лет).

По этим причинам наиболее пригодными для восстановления сети родственных связей в общине в России являются материалы ревизских сказок — первичных материалов ревизий. В них, начиная с третьей ревизии (проводилась в 1760-х гг.) и далее во всех, за исключением шестой, записано как мужское, так и женское население. В материалах ревизий отображено не наличное или постоянно проживающее, а приписное население, т. е. формально числящиеся на этой территории крестьяне. Поэтому ревизии не фиксируют длительные отлучки, не сразу фиксируют переезды, переселения крестьян¹⁰.

В материалах ревизий указана информация о родственных связях внутри двора, а также о переходе крестьян из одного двора в другой, если в момент предыдущей ревизии они были записаны в составе одного двора, а потом по каким-либо причинам выбыли из него¹¹.

⁶ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII — начала XX века. М., 2006. С. 24.

⁷ Винник М.В. Метрические книги как источник по истории населения России // Демоскоп Weekly / Институт демографии НИУ ВШЭ. 2012. № 535–536. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit012.php> (дата обращения: 11.02.2018)

⁸ Так, численность населения согласно материалам второй ревизии существенно превышает те цифры, которые показывает церковный учет: Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М., 1963.

⁹ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Указ. соч.. С. 198.

¹⁰ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. С. 77.

¹¹ Там же. С. 97–98.

Таким образом, даже материалы одной ревизии позволяют воссоздать ближайший круг родственников жителей исследуемой территории.

При этом материалы ревизий отличаются достаточно высокой точностью. Наиболее подробно этот вопрос был изучен В.М. Кабузаном. Он определял точность учета, сравнивая общее число прописных (т. е. пропущенных по ревизии) и беглых душ, обнаруженных после окончания ревизии, с общим количеством учтенного населения, а также сравнивая данные ревизского учета с церковными материалами и административно-полицейским учетом¹². Исходя из этих данных, исследователь сделал вывод, что общая численность не учтенного ревизиями населения России (не считая Польши, Финляндии, Закавказья и категорий, не подлежавших ревизиям) не превышала 1–2%¹³.

Таким образом, материалы ревизских сказок являются наиболее достоверным и полным источником для изучения родственных связей между крестьянами, по крайней мере, для второй половины XVIII в.

Однако, как уже говорилось, для воссоздания полноценной картины родственных связей внутри деревни нужна информация обо всех ближайших родственниках жителей этой деревни. Для получения этих данных нужны материалы не только той ревизии, которая проводилась в интересующий нас период, но и материалы предыдущих ревизий. Например, чтобы выявить родственные связи в деревне на момент проведения пятой ревизии (1790-е гг.), нужно знать ближайших родственников людей, живших в то время в деревне. Для получения этой информации потребуется изучить не только материалы пятой, но и материалы четвертой и третьей ревизий, в которых есть информация о родственниках, умерших к моменту проведения пятой ревизии.

Таким образом, для выявления всех родственных связей необходимо использовать либо значительный комплекс метрических книг, либо материалы нескольких ревизских сказок по одной территории. Поскольку материалы метрических книг, особенно в ранние периоды, в подавляющем большинстве территорий сохранились недостаточно хорошо, в данном исследовании используются материалы ревизских сказок.

Для изучения была выбрана вторая половина XVIII в., как самый ранний период, по которому возможно выявить сеть родственных связей между крестьянами.

Выбор территории

Первой задачей данного исследования был поиск подходящей территории — такой, где концентрация родственных связей была бы

¹² Там же. С. 122–151.

¹³ Там же. С. 158.

наибольшей, т. е. территории с хотя бы относительной эндогамностью. Поэтому подбиралась компактно расположенная, с достаточно большой численностью населения вотчина, принадлежавшая одному владельцу. Последнее было важным условием, поскольку известно, что вотчинники стремились ограничивать переход крестьян в другие владения¹⁴. Кроме того, наличие единого владельца позволяет предположить и большую общность интересов крестьян, а значит, в дальнейшем будет легче проследить влияние родственных связей в их жизни.

Разумеется, по выбранной территории должны были сохраниться необходимые источники, а именно материалы ревизий и вотчинный архив по исследуемому периоду (последний позволит в дальнейшем изучить влияние родственных связей в деревне).

Для исследования мы подбирали варианты в Центральном районе страны, поскольку именно здесь проживало основное население, территория имела давнюю историю освоения, а, следовательно, устоявшуюся систему социальных связей¹⁵.

Исходя из вышеперечисленных параметров, была выбрана вотчина Иосифо-Волоцкого монастыря в Рузском уезде, а именно с. Спасское и восемь соседних деревень. По данной территории сохранились ревизские сказки по третьей и пятой ревизиям. Что касается численности жителей, то с момента проведения третьей ревизии (1762 г.) до проведения пятой ревизии (1795 г.) она выросла от 1500 до 1700 крестьян.

Родственные связи между жителями выбранной территории исследовались по состоянию на 1795 г. — момент проведения пятой ревизии.

Создание баз данных

Поскольку количество родственных связей может быть чрезвычайно велико и вручную их выявить практически невозможно, необходимо было составить единую базу данных. Такая база должна содержать всю имеющуюся в источниках информацию и в то же время быть удобной для компьютерной обработки. Для составления единой базы данных сначала все сведения из каждой ревизской

¹⁴ Авдеев А.А., Блюм А., Троицкая И.А. Некоторые аспекты изучения брачности помещичьих крестьян в России в первой половине XIX века по материалам ревизских сказок и метрических книг (на примере Выхинский вотчины графов Шереметевых) // *Номо historicus*. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. В 2 кн. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1. М., 2003. С. 656–676; Александров В.А. Сельская община в России. С. 91–94, 115, 305.

¹⁵ Александров В.А. Сельская община в России. С. 43.; Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990.

сказки были перенесены в отдельные базы данных, графы которых определялись структурой самого источника.

Данные о каждом человеке в обеих базах данных указывалась в отдельной строке. В этой строке отдельно записывались имя человека, его отчество, возраст в год данной и/или предыдущей ревизии, прозвище, если оно есть, а для замужних женщин — имя мужа. Указывался населенный пункт, в котором на момент ревизии записан крестьянин. Также в базе данных указывался номер двора каждого жителя. Если человек выбыл, в соответствующем поле пояснялась причина (смерть, переселение и т.п.). При переселении человека указывались место (уезд, населенный пункт и владелец), откуда он пришел или куда переселился. Выписывались все характеристики, содержащиеся в ревизии («вдова», «холост», «второбрачная» и т.д.). При этом каждому человеку присваивался индивидуальный номер. Номера людей по третьей и пятой ревизиям не повторялись. Для определения в дальнейшем родственных отношений с другими жителями записывалось, кем человек приходится главе двора.

Таким образом, в базы данных были перенесены фактически все данные о жителях, имеющиеся в ревизских сказках (см. отрывок из базы данных в табл. 1)

Таблица 1

Первичная база данных (по материалам третьей ревизии)

Название поселения	Спасское	Спасское	Спасское	Спасское
Номер человека	112	113	114	116
Номер двора	16	16	16	16
Отношение к главе двора	глава	сын	сын	невестка
Имя	Терентей	Иван	Исай	Анисья
Фамилия	Тархов	Терентьев	Терентьев	Тарасова
По мужу				Иванова
Примечание	вдов			
По 2 ревизии лет	75	25	15	
Выбыл	1744		отдан в рекруты в 1757	
По 3 ревизии лет		43		32
Откуда родом (уезд)	Рузский	Рузский	Рузский	Волоколамский
Откуда родом (поселение)				Аксенова

Следующим шагом стало объединение двух баз данных. Вся информация вносились в эту базу данных по состоянию на 1795 г., т. е. на год проведения пятой ревизии. Сеть родственных связей именно на это время и будет восстанавливаться.

В базу данных вносились люди, жившие на исследуемой территории на момент проведения пятой ревизии. Также в нее вносились некоторые из умерших к 1795 г. людей, если это давало дополнительную информацию о родственных связях между жителями. Например, в базу данных вносились данные о родителях крестьян, если это позволяло узнать об их дедах и бабках. Кроме того, если было известно о двух людях, что они братьями или сестрами, а родители их неизвестны, то в графе родители у них ставились одинаковые условные номера, не принадлежащие ни одному из людей, указанных в ревизиях. Это позволило извлечь из ревизских сказок максимум информации о родственных связях.

Объединенная база включала столбцы со следующей информацией: «порядковый номер жителя», «населенный пункт», «двор», «пол», отдельно отмечалось, жив ли человек на момент проведения пятой ревизии. Указывалась информация о его родственниках: столбцы «отец», «мать», «муж», «жена». Помимо этого, в отдельных столбцах указывались бывшие мужья и жены.

Во всех столбцах, кроме населенного пункта, информация представлена в виде чисел. В столбце «населенный пункт» дано название поселения, в котором проживает человек на момент проведения пятой ревизии (1795 г.). Как выглядела единая база данных, видно в таблице 2.

Перечисленной информации о родственниках было достаточно для восстановления всех остальных родственников человека. Они выявлялись автоматически при последующей компьютерной обработке.

Поскольку многие люди указывались как в третьей, так и в пятой ревизиях, причем под разными номерами, чтобы избежать указания человека в базе данных под разными номерами, вначале вся информация о родственниках человека искалась по материалам пятой ревизии. Если в пятой ревизии они не упоминались (поскольку были уже давно), то только тогда они искались в материалах третьей ревизии.

Реконструкция родственных связей

Не всегда родство между родителями и детьми прямо указано в источнике. Это происходит в случае, если родители и дети на момент ревизии живут в разных дворах. Тогда приходится восстанавливать эти родственные связи. Стоит оговориться, что поскольку напрямую

данное родство не указано, а лишь предполагается по косвенным признакам, то данная идентификация не является абсолютно точной. Разберем подробнее подобные случаи.

Наиболее простой вариант: указание на родственные связи между людьми отсутствовали в материалах пятой, но содержались в материалах третьей ревизии. Например, у Авдотьи Карповой неизвестны родители, поскольку она живет со своим мужем Авраамом в д. Милованье. В 1795 г. ей было 44 года, значит в момент проведения третьей ревизии (1762 г.) ей было 11 лет. В то время, весьма вероятно, она жила еще в доме родителей в д. Чертова (деревня, откуда она родом, нам известна по пятой ревизии). В этом случае достаточно было открыть базу данных по третьей ревизии и найти в д. Чертовой Авдотью Карпову примерно 11 лет. При этом учитывалось, что возраст в ревизии часто приблизительный и может отличаться на 2–3 года, встречается и ряд других неточностей. Например, Авдей записан Андреем, Мавра — Марфой и т.п.

Более сложной была ситуация, когда на момент третьей ревизии девушка еще не родилась или уже успела перейти в дом к мужу, поэтому определить ее родительский дом можно было только по косвенным признакам — имя и примерный возраст отца, а также деревня, из которой она родом.

Так было, например, в случае с Василисой Панфиловой, ей на момент проведения третьей ревизии (1762 г.) было 22 года, и она уже была замужем. Предыдущая ревизия была проведена в 1744 г., через четыре года после рождения Василисы. Скорее всего, ее отец был к тому времени жив, а значит, отражен в третьей ревизии. Известно, что взята она была из деревни Коняшина. Ищем в этой деревне Панфила, которому на момент третьей ревизии около 40 или более лет. В этой деревне есть только один человек, подходящий под это описание, — Панфил Семионов 55 лет. На тот случай, если настоящий отец Василисы все же умер вскоре после ее рождения, проверяем, нет ли еще в деревне Коняшиной братьев Василисы с отчеством «Панфилов». Выясняется, что в этой деревне только сыновья Панфила Семионова имеют такое отчество.

Поскольку в деревне Коняшиной есть единственный человек, который, исходя из его имени и возраста, может быть отцом Василисы, такая реконструкция принимается. Но в более неопределенных случаях, к примеру, если в деревне есть два человека, которые, судя по имени и возрасту, могли быть отцами невесты, или если женщина родилась бы задолго до проведения второй ревизии (хотя бы за шесть и более лет), а значит к моменту проведения ревизии ее отец мог уже умереть, ее родители считались неизвестными.

Всё вышесказанное относится, в первую очередь, к выданным в замужество девушкам. Иногда же необходимо было реконструировать связи между братьями или сыновьями и родителями, живущими в отдельных дворах.

Как правило, сыновья жили в отдельных дворах в результате раздела общего отцовского двора. Обособившиеся дворы в ревизиях указывались друг за другом. Поэтому дворы, которые записывались друг за другом, от старшего к младшему, в которых главы семей имели одно и то же отчество, считались родственными. К таким относятся три двора села Спасского — Афанасия, Михаила и Семииона Миняевых, 40, 35 и 33 лет, а также два двора в деревне Овинищи — Егора и Бориса Савостьяновых 35 лет и 33 лет. Главы семей таких дворов записывались как братья.

Аналогичным способом вычислялись дворы отца и сына. При этом двор отца должен был идти первым. Такими были дворы Григория Осипова 65 лет и Бориса Григорьева 42 лет.

Обработка данных

Следующим этапом после реконструкции ближайших родственных связей и создания единой базы данных стала машинная обработка собранной информации. Специально для выявления родственных связей был написан макрос на языке программирования Visual Basic for Applications, интегрированный в Microsoft Office Excel. Перед программой была поставлена задача: найти все пары людей, между которыми есть родственные связи, и определить дальность и характер этих связей.

Всех найденных родственников программа должна была разделить на родственников по крови и свойственников, а также определить дальность их родства. Под свойственниками в данной работе понимаются люди, связанные не кровным родством, а через брачный союз. Свойственниками являются родственники одного супруга другому (например, свойственники мужа — это вся родня жены), свойственниками приходятся друг другу и родня супругов. Также свойственниками считаются и свойственники свойственников: люди, которые являются родней благодаря не одному, а нескольким брачным союзам (к примеру, сношеницы, жёны братьев).

Что касается дальности родства и свойства, то в работе оно обозначается степенью. Степень родства определяется количеством человек в кратчайшей цепи родственных связей, соединяющих двух людей и включающих только кровные отношения. При этом при подсчете не учитывается человек, чьих родственников мы ищем. Первая степень

родства — это прямая, непосредственная родственная связь: связь родителей и детей. Братья связаны через родителей, между ними вторая степень родства, между дядей и племянником — третья и т.д.

Степени свойства определяются аналогично, но при этом в цепочке родственных отношений присутствуют не только кровные родственники, но и супруги. Муж и жена не являются ни родственниками, ни свойственниками и составляют отдельную категорию. Степени родства и свойства между ними принимаются равными нулю. Поэтому все родственники супруга будут для другого супруга свойственниками той же степени. Чтобы выяснить степень свойства между родней жены и мужа, нужно суммировать степень родства мужа и его родственника со степенью родства жены и ее родственника.

Приведем примеры расчета степеней родства и свойства.

В селе Спасском в одном доме живут братья — Павел и Тарас Михайловы. У обоих есть дети, у Павла также есть внучка Пелагея. Один из сыновей Тараса, Евдоким, женат на Авдотье Терентьевой (см. рис.). Рассчитаем, какая степень свойства связывает отца Авдотьи и внучку Павла Михайлова.

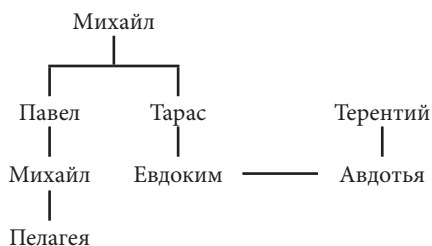

Рис. 1. Семейное древо

Как уже говорилось, чтобы определить степень свойства между родней супругов, нужно посчитать степень родства между каждым супругом и его родственником. В данном случае надо посчитать степень родства между Авдотьей и ее родителями, а также степень родства между Тарасом и внучкой его брата Павла (то есть между двоюродным дедом и внучатой племянницей). Со стороны жены всё просто: родители и дети состоят в первой степени родства. Тарас же и Павел как братья приходятся друг другу родственниками второй степени. Павел и его внучка между собой также родственники второй степени (связь дед–отец–дочка). Получается, что между Тарасом и внучкой Павла Пелагеей четвертая степень родства. А между ней и родителями Авдотьи — пятая степень, но уже свойства.

Программа искала родственников и определяла степень их родства схожим образом. Двигаясь по нисходящей (например, от отца к дочери, от дочери к внуку) и, наоборот, восходящей линиям родства, а также через супругов, программа выстраивала цепочки родственных связей. В работе программы все родственные связи представляют собой цепочку из родственников, связывающих двух людей. Так, цепочка связей между прадедом и правнучкой может выглядеть как «сын–сын–дочь» или «дочь–сын–дочь» и т.п.

При этом был задан ряд ограничений¹⁶. Если люди связаны между собой дважды и более, например, они супруги и дальние родственники одновременно, указывалась наиболее близкая связь. Поясним на примере одной семьи, как происходил весь процесс реконструкции родственных связей от этапа создания единой базы данных до получения данных с помощью макроса. В деревне Дубосеково есть небольшой двор из четырех человек: семейная пара — Мирон Архипов и Устинья Степанова, и два их сына — Степан и Тимофей. В таблицу внесем их под порядковыми номерами 1, 2, 3 и 4 соответственно.

Таблица 2

Единая база данных

Номер человека	Отец	Мать	Жена	Муж	Пол	Двор	Населённый пункт	Жив (1-да)	Бывшая жена	Бывший муж
1	100	200	2	0	М	199	Дубосеково	1	24	0
2	0	0	0	1	Ж	199	Дубосеково	1	0	0
3	1	2	0	0	М	199	Дубосеково	1	0	0
4	1	2	0	0	М	199	Дубосеково	1	0	0

Родители Устиньи нам неизвестны. Отец и мать Мирона отсутствуют в пятой, но записаны в третьей ревизии, условно запишем их под номерами 100 и 200 соответственно. Устинья — вторая жена

¹⁶ Приводим список всех заданных ограничений и причин, по которым эти ограничения были введены: 1) первый и второй человек в паре не должны совпадать (нельзя быть родственником самому себе); 2) в цепочке из «промежуточных» родственников, связывающих двух людей, не должно быть повторений; 3) игнорируются цепочки, где подряд встречаются два супруга (например, «муж–жена»); 4) исключаются варианты: «дочь–отец», «сын–отец», «дочь–мать», «сын–мать» (иначе супруги с детьми будут указаны как родственники, соединенные родством через своих детей); 5) также исключаются «отец–бывшая жена» или «мать–бывший муж», поскольку такие связи делают для детей мачехой или отчимом человека, который умер еще до их рождения.

Мирона, первая, Ирина, записана в пятой ревизии под номером 24. Порядковый номер двора — 199. База данных по данному двору выглядит следующим образом.

После обработки этих данных макросом были составлены пары родственников. Родственные связи строились не только между жителями указанного двора, но и остальными родственниками, указанными в таблице: между отцом и сыном Мирона, матерью Мирона и его женой и т. п. При этом каждая пара родственников записана дважды (например, 1–2 и 2–1, 1–4, 4–1). В таблице 3 приведена небольшая часть получившейся базы данных с реконструированными родственными связями.

Таблица 3

Данные, получаемые после обработки базы данных макросом

Человек (1)	1	2	3	4	3
Человек (2)	2	1	1	1	4
Родство	0	0	1	1	2
Свойство	0	0	0	0	0
Связь по номерам	1 2	2 1	3 1	4 1	3 1 4
Связь по характеру родства	Жена	Муж	Отец	Отец	Отец Сын
Двор 1	199	199	199	199	199
Двор 2	199	199	199	199	199
Пол 1	М	Ж	М	М	М
Пол 2	Ж	М	М	М	М
Жив 1	1	1	1	1	1
Жив 2	1	1	1	1	1
Нас. пункт	Дубо-секово	Дубо-секово	Дубо-секово	Дубо-секово	Дубо-секово
Нас. пункт	Дубо-секово	Дубо-секово	Дубо-секово	Дубо-секово	Дубо-секово

Помимо информации о каждом человеке в базе данных записывается степень родства или свойства между людьми. Напротив каждой пары указывается степень родства или свойства между ними. Приводится цепочка людей (точнее, их индивидуальных номеров), через которых связана каждая пара. Делается также запись, показывающая характер родственных связей между всеми людьми в цепочке родственников.

Так, в последней строчке показана родственная связь между отцом Мирона (100) и женой Мирона (2). Они свойственники, между ними первая степень свойства. Цепочка из номеров «100–1–2» и слова «сын–жена» в следующих столбцах означают, что человек под номером «1» — сын человека под номером «100», а человек под номером «2» является женой человеку под номером «1».

В последних столбцах указаны данные для каждого человека из пары родственников, в том числе информация, жив ли человек на момент проведения пятой ревизии (1795 г.). После обработки всех данных учитывались только родственные связи между людьми, жившими на момент проведения пятой ревизии.

Таких пар родственников программа нашла более двух миллионов. Благодаря различным данным как по каждому из жителей, так и по каждой родственной связи можно, используя различные инструменты программы Excel, изучать родственные связи на данной территории с разных сторон. Например, узнать родственников каждого конкретного человека, понять, сколько в среднем было родственников у жителей каждого из сёл или волости в целом, сколько было родственников каждой степени родства или свойства и т.д. Поскольку для каждого человека указывается двор, в котором он жил, родственные связи можно проследить и на уровне дворов.

Оценка полноты полученных данных

Перед тем как анализировать полученные родственные связи, попробуем оценить, какая их часть нам известна. В качестве примера проанализируем родственные связи жителей с. Спасского.

Вначале выясним, какова известная доля родственников по восходящей прямой линии (родители — бабки и деды и т.д.). Именно от этого зависит, какая часть кровных родственников жителей была выявлена. Так, если известны родители у всех жителей, то будут известны и все их братья, сестры, племянницы и племянники, живущие на данной территории, а если также известны деды и бабки всех жителей, известны и все внуки, а также двоюродные родственники.

Понять, какая доля родственников по восходящей прямой линии выявлена, легче всего, поскольку в этом случае нам известно максимальное количество таких родственников: родителей у человека всегда двое, а детей или племянников может быть сколько угодно.

По селу Спасскому из 267 жителей у 43 крестьян неизвестны оба родителя. При этом о 29 из них известно, что их родители живут за пределами исследуемой территории. В основном это женщины, перешедшие после замужества в дом мужа. Остальные 14 — также

женщины, родительский дом которых находится в пределах исследуемой территории, но которые не удалось установить.

Из остальных 224 человек у 9 человек известен только 1 родитель (в восьми случаях это отец, в одном мать). Таким образом, известно большинство родителей (более 90%), живших в изучаемой волости.

Если смотреть более дальние родственные связи по восходящей мужской линии, то получается следующая картина: из 223 жителей Спасского, у которых известен отец, у 180 известны деды и у 176 известны прадеды (81 и 79% соответственно). А вот следующие поколения предков по мужской линии известны у гораздо меньшего количества людей: последовательно у 40, 15 и 9 человек.

Связи по женской линии прослеживаются гораздо хуже. Из 216 человек, у которых известны матери, только у 73 известны бабки и всего лишь у двух прабабки. Более дальние родственники по женской линии не известны ни у одного жителя. В первую очередь это связано с тем, что гораздо чаще женщины переходят после свадьбы в дом к супругу, и их родительский дом не всегда получается установить. Важную роль играет и то, что информация о мужчинах доступна за более длительный период, поскольку в третьей ревизией есть также сведения о людях, записанных во время проведения второй ревизии (1744 г.), а во вторую ревизию учитывалось только мужское население.

Выше были разобраны примеры только родственных связей. Что касается известных нам по ревизиям свойственников, то их количество пропорционально количеству известных родственников, но меньше, поскольку также зависит и от количества известных супружеских пар.

Информация о супругах может быть неизвестна, если один из супругов умер, при этом и сам брак, и смерть супруга произошла в промежутке между ревизиями: либо между 1762 г. и 1782 г., либо между 1782 г. и 1795 г. Такие случаи, безусловно, были, и в ревизии встречаются вдовцы и вдовы, чьи супруги неизвестны. Но в целом, количество неизвестных нам браков можно оценить как достаточно низкое, а соответственно долю известных свойственников как немного меньшую, чем доля известных кровных родственников.

Результаты

Благодаря созданной базе данных удалось воссоздать картину родственных связей внутри крестьянской общины во второй половине XVIII в. на территории с. Спасского с деревнями Рузского уезда Московской губернии.

Более 95% жителей этой территории соединены родственными связями. Доля кровных родственников зависит, в первую очередь, от

возраста (чем старше, тем меньше родственников) и количества известных родственников по восходящей линии. Доля таких родственников не превышает 11% от всего населения, у 2/3 жителей найдено менее 40 кровных родственников (до 2% от всех жителей). Наименьшее же количество кровных родственников мы видим у недавно переведенных из других деревень крестьян, у невест, взятых или с иных территорий, или невест, чей родной двор не удалось установить.

Из 170 дворов 162 двора объединены родственными связями. Количество дворов, которых объединяют кровнородственные связи, у каждого из этих 162 варьируется от 1 до 39, а в среднем составляет 9–10 дворов. Количество породнившихся дворов в основном зависит от численности двора и от количества взятых в дом и выданных невест в пределах исследуемой территории.

Изучение географии браков показало, что большая часть (более 60%) родственников крестьян находятся внутри изучаемой территории. Из них, в среднем, больше четверти кровных родственников живут внутри одного двора, около 20% — внутри родной деревни, но за пределами двора, чуть больше половины — в соседних поселениях внутри исследуемой территории. При этом дальние кровные родственники, как правило, живут в разных поселениях, что говорит о высокой мобильности жителей внутри территории.

Крестьяне, по всей видимости, более склонны родниться с жителями своей деревни. В результате, в среднем, в родной деревне, не считая домочадцев, 3% жителей приходится крестьянину родственниками. Среди жителей соседних деревень этот показатель равен 1%

Исследованная территория буквально пронизана родственными связями. Это, несомненно, влияло на взаимоотношения ее жителей. Как и каким образом — это вопросы, достойные дальнейшего изучения.

References

Aleksandrov V.A. *Obychnoye pravo krepostnoy derevni Rossii. XVIII — nachalo XIX v.* [Customary Law of the Russian Serf Village in the 18th — Early 19th Centuries]. Moscow: Nauka, 1984. 257 p.

Aleksandrov V.A. *Sel'skaya obshchina v Rossii (XVII — nachalo XIX veka)* [The Rural Community in Russia in the 17th — Early 19th Centuries]. Moscow: Nauka, 1976. 324 p.

Antonov D.N., Antonova I.A. *Metricheskiye knigi Rossii XVIII — nachala XX veka* [Metric books of the 18th — Early 20th-centuries Russia]. Moscow: RGGU, 2006. 194 p.

Avdeyev A.A., Blyum A., Troitskaya I.A. *Nekotoryye aspekty izucheniya brachnosti pomeshchich'ikh krest'yan v Rossii v pervoy polovine XIX veka po materialam revizskikh skazok i metricheskikh knig (na primere Vykhinskiy votchiny*

grafov Sheremetevykh) [Certain Aspects of Study of the Marriage of Landlord Peasants in Russia in the First Half of the 19th Century Based on the Data of Census Lists and Metric Books Related to the Vykhinsky Estate of Count Sheremetev] // *Homo historicus. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.L. Bessmertnogo*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2003, p. 656–676.

Baklanova E.N. *Krest'yanskiy dvor i obshchina na russkom Severe. Konets XVII — nachalo XVIII vv.* [Peasant Household and Community in the Russian North in the Late 17th — Early 18th Centuries]. Moscow: Nauka, 1978. 221 p.

Bogoslovskiy M.M. *Zemskoye samoupravleniye na russkom Severe v XVII v.* [Zemskoye (Local) Self-Government in Northern Russia in the 17th Century]. Vol. 1. Moscow: OADR, 1909. 322 p.

Boyaryshnikova Z.Ya. *Krest'yanskiy dvor v Sibiri kak proizvodstvennaya yedinita* [Peasant Household in Siberia as a Production Unit] // *Voprosy istorii dorevolutsionnoy Sibiri* [Issues of the History of Pre-Revolutionary Siberia]. Tomsk: TGU, 1983, p. 6–15.

Kabuzan V.M. *Narodonaseleniye Rossii v XVIII — pervoy polovine XIX v.: Po materialam reviziy* [The Population of Russia in the 18th — the First Half of the 19th Centuries Based on Census Lists]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. 230 p.

Kabuzan V.M. *Narody Rossii v XVIII veke. Chislenmost' i etnicheskii sostav* [The Peoples of Russia in the 18th Century. The Number and Ethnic Composition]. Moscow: Nauka, 1990. 256 p.

Minenko N.A. *Russkaya krest'yanskaya obshchina v Zapadnoy Sibiri. XVIII — pervaya polovina XIX veka* [Russian Peasant Community in Western Siberia in the 18th and the First Half of the 19th Centuries]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1991. 265 p.

Minenko N.A. *Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoy Sibiri (XVIII — pervoy poloviny XIX veka)* [The Russian Peasant Family in Western Siberia in the 18th and the First Half of the 19th Centuries]. Novosibirsk: Nauka (Sibirskoye otdeleniye), 1979. 350 p.

Prokhorov M.F., Mokhnacheva M.P. *Krest'yanskaya sem'ya v krepostnoy derevne Bryanskogo kraya v seredine XVIII veka* [The Peasant Family in the Serf Village of the Bryansk Region in the Mid-Eighteenth Century] // *Problemy sotsial'noy istorii Yevropy: ot antichnosti do novogo vremeni* [Issues of European Social History from Antiquity to the Modern Period]. Bryansk: BGPU, 1995, p. 108–118.

Shveykovskaya E.N. *Russkiy krest'yanin v dome i mire: severnaya derevnyaya kontsa XVII — nachala XVIII veka* [A Russian Peasant at Home and in the World: The Late 17th — Early 18th-centuries Northern Village]. Moscow: Indrik, 2012. 368 p.

Vinnik M.V. *Metricheskiye knigi kak istochnik po istorii naseleniya Rossii* [Metric Books as a Source on the History of the Russian Population] // *Demoskop Weekly / Institut demografii NIU "Vysshaya shkola ekonomiki"*. 2012. № 535–536. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit012.php>

Поступила в редакцию
23 мая 2018 г.

Д.А. Андреев*

**ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНАТОР П.Д. АХЛЁСТЫШЕВ
И МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И.Л. ГОРЕМЫКИН:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПО ВОПРОСУ
О ЗЕМСТВЕ В 1896–1897 гг.**

D.A. Andreev

**TVER' GOVERNOR P.D. AKHLESTYSHEV AND MINISTER
OF THE INTERIOR I.L. GOREMYKIN: CONFRONTATION
OVER THE ZEMSTVO IN 1896–1897**

Аннотация. Конфликт тверского губернатора П.Д. Ахлестышева с губернским земством развивался на протяжении всего периода его пребывания на этой должности в 1890-х гг., однако с приходом осенью 1895 г. на пост министра внутренних дел И.Л. Горемыкина он перешел в новую фазу. Министр фактически встал на сторону оппозиционно настроенных земцев, что вынудило Ахлестышева в конце 1897 г. подать в отставку. Позиция, занятая Горемыкиным в этом вопросе, обуславливалась двумя причинами. Во-первых, присущим его управленческой манере законничеством, в результате которого он отказывался расценивать противостояние земцев губернатору как их вызов самодержавному режиму в целом. Во-вторых, интригами внутри МВД, целью которых была дискредитация Ахлестышева. На протяжении почти двух лет, с конца 1895 г., губернатор пытался убедить Горемыкина в правомерности своих претензий к земцам, однако МВД неуклонно усматривало причину нездоровой общественно-политической ситуации в Тверской губернии исключительно в недоработках со стороны ее руководителя. Переписка губернатора и министра в 1896–1897 гг. позволяет проследить развитие напряженности во взаимоотношениях между ними. То, что осталось за пределами этой официальной делопроизводственной документации, может быть восстановлено по переписке губернатора с близким к нему графом С.Д. Шереметевым, с которым Ахлестышев делился подробностями своих взаимоотношений как с местными земцами, так и с министерством. На примере этой истории видно, что развитие политического процесса в Российской империи

* *Андреев Дмитрий Александрович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Andreev Dmitry Aleksandrovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History of the 19th and Early 20th Centuries, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University
+7-903-725-94-91; carpenter2005@yandex.ru

в конце XIX в. имело гораздо более сложную природу, нежели противостояние между консерваторами и либералами: среди представителей высшей бюрократии все очевиднее вызревала мысль о необходимости выстраивания конструктивных отношений с земством, несмотря на часто вызывающее поведение последнего, что наглядно прослеживается на примере Тверской губернии. Такая смычка между бюрократами-законниками и либералами задавала тренд, который обрекал охранителей на маргинализацию.

Ключевые слова: земство, Тверская губерния, Министерство внутренних дел, П.Д. Ахлестышев, И.Л. Горемыкин, граф С.Д. Шереметев.

Abstract. Conflict of the Tver' Governor P.D. Akhlestyshv with the provincial zemstvo lasted throughout the entire period of his tenure in this post in the 1890s, however, after I.L. Goremykin was appointed Minister of the Interior in the fall of 1895, it moved into a new phase. The Minister actually sided with the opposition-minded zemstvo, and Akhlestyshv was forced to resign in the late 1897. Goremykin's position in this matter was determined by two reasons: first, by the legalism inherent in the mode of his administration (thus he refused to regard the opposition of the zemstvo to the Governor as a challenge to the entire autocratic regime), and second, by intrigues inside the Ministry of the Interior in order to discredit Akhlestyshv. For almost two years, from the late 1895, the Governor tried to convince Goremykin of the legitimacy of his complaints against the zemstvo, however, judging by the quite negative reaction to Akhlestyshv's reports, it was the Governor himself whom the Ministry blamed for the unhealthy socio-political conditions in the Tver' guberniya. Correspondence of the Governor and Minister in 1896–1897 allows to follow the escalation of tension between them. What remained beyond the scope of this official documentation can be analyzed due to correspondence of the Governor with his confident Count S.D. Sheremetev, with whom Akhlestyshv shared the details of his relationship with the local zemstvo and the Ministry. This story shows that the political process in the Russian Empire in the late 19th century was much more complex than the confrontation between conservatives and liberals. The idea of building constructive relations with the zemstvo, despite the often provocative behavior of the latter, was evidently spreading among the representatives of the highest bureaucracy, as can be clearly seen in the case of the Tver' guberniya. Such a link between legalist bureaucrats and liberals set a trend that doomed the utmost conservatives to marginalization.

Keywords: zemstvo, Tver' guberniya, Ministry of the Interior, P.D. Akhlestyshv, I.L. Goremykin, Count S.D. Sheremetev.

* * *

История губернаторства в Твери Павла Дмитриевича Ахлестышева (1890–1897) представляется исключительно важной для понимания тех перемен, которые наметились в правительственной политике Российской империи в первые годы царствования Николая II. С самого начала у губернатора начались проблемы с местными земцами, отличавшимися радикально либеральными настроени-

ями. После восшествия на престол Николая II этот вялотекущий конфликт стал стремительно обостряться. Достаточно подробная информация о том, как развивались события с этого времени и до отставки Ахлестышева с должности тверского губернатора в конце 1897 г., содержится в его письмах к графу С.Д. Шереметеву и в дневнике последнего. Ко времени описываемых событий между ними были близкие и доверительные отношения: Ахлестышев обращался к Шереметеву в письмах «любезный друг»¹.

Как следует из этих источников, конфликт между губернатором и земцами имел гораздо более сложную природу, нежели просто мировоззренческие расхождения. Вызывающее поведение таких лидеров земских радикалов, как И.И. Петрункевич, Е.В. де Роберти, О.В. Самарин, А.А. Бакунин и др., в отношении Ахлестышева и ориентировавшихся на него земцев (которых губернатор называл «партией благомыслящих людей») было вызвано в том числе тем, что они ощущали поддержку со стороны бывшего председателя тверской губернской земской управы Б.В. Штюмерера, ставшего в 1894 г. новгородским губернатором. Возглавляя управу, Штюмерер пытался выстраивать конструктивные отношения с либеральными земцами². Когда он сравнился по своему статусу с Ахлестышевым, радикально настроенные земцы стали воспринимать его как опору в противодействии губернатору и, вероятно, консультировались со Штюмерером относительно конкретных способов отстаивания своих интересов.

Их положение еще более окрепло, когда в октябре 1895 г. И.Л. Горемыкин сменил И.Н. Дурново на посту министра внутренних дел. Новый руководитель МВД имел образ легиста и в своей политике руководствовался сугубо буквой закона. Знаковым для определения нового курса министерства стало назначение товарищем Горемыкина Н.А. Неклюдова, воплощавшего на практике принципы судебной реформы. Этот курс не имел ничего общего со свойственным Ахлестышеву восприятием либеральных земцев как силы, враждебной политическим ценностям самодержавия в духе Александра III, — восприятием в принципе правильным, но однозначно и аргументированно не подтверждавшимся на языке права. Поэтому перерас-

¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6448. Л. 4 (первое по времени выявленное такое обращение относится к 1887 г.).

² С.Г. Куликова считает: «Назначение Штюмерера председателем губернской управы стало переломным моментом в работе тверского земства, ставшего управляемым со стороны губернатора» (Куликова С.Г. Консерваторы и земство: планы и результаты деятельности 1864–1914 гг. М., 2019. С. 56). Однако автор не подтверждает это утверждение приводимым далее в монографии материалом.

тание конфликта тверского губернатора с либеральными земцами в его фактический конфликт с новым руководством МВД, которое не хотело лишней раз политизировать и без того непростой вопрос о перспективах земства в России, было неизбежным.

Штюрмер с его опытом руководства губернской управой удачно вписывался в новый курс МВД. Оставаясь в губернских земском и дворянском собраниях, он стал информатором Горемыкина о происходившем в Твери, причем информатором, заведомо настроенным к Ахлестышеву негативно. Именно Штюрмер был в конце 1895 г. закулисным организатором двух практически одновременных мероприятий — губернских земского и дворянского собраний, на которых «либералы» выступили с хорошо подготовленными демаршами против губернатора и его сторонников, а на дворянском собрании сумели к тому же добиться избрания предводителем враждебного Ахлестышеву Н.П. Оленина.

После этих событий Шереметев на аудиенции 20 декабря 1895 г. представил императору произошедшее в Твери как результат интриги, организованной высокопоставленными столичными чиновниками во главе с Горемыкиным, которые подталкивают государя отказаться от курса Александра III и вернуться к политике Александра II. На словах Николай II выразил свою поддержку опасениям графа, однако никаких последствий этот разговор не имел. Между тем сам Ахлестышев в письмах, написанных в конце 1895 — начале 1896 г., пытался убедить Горемыкина в том, что Штюрмер выступает на стороне «либеральной партии», тайно организует ее провокационные выступления и тем самым дестабилизирует обстановку в губернии. Министр не доверял эмоциональным и написанным на совершенно чуждом ему политическом языке посланиям Ахлестышева и игнорировал изложенные в них опасения. В письмах к Шереметеву на протяжении 1896–1897 гг. тверской губернатор жаловался на то, что МВД преднамеренно ведет дело к его дискредитации и устранению с занимаемого поста. После того как летом 1897 г. «либеральная партия» победила на земских выборах, он подал в отставку³.

Таким образом, еще около двух лет после попыток раскрыть глаза Горемыкину на происходившее в губернии Ахлестышев оставался ее начальником. При всей информативности личной переписки,

³ Подробнее см.: *Андреев Д.А.* «Дело» П.Д. Ахлестышева и борьба в правительственных верхах в начале царствования Николая II // *Российская история.* 2020. № 1. С. 37–50. В данной статье разбирается также крайне небольшой круг работ, посвященных губернаторству Ахлестышева; в новом исследовании С.Г. Куликовой рассмотрен лишь начальный его период, относящийся к эпохе Александра III (см.: *Куликова С.Г.* Указ. соч. С. 53–56).

вполне доверительной, она не раскрывает всех нюансов полемики (в форме делопроизводственной переписки), которая шла в 1896–1897 гг. между Тверью и Петербургом. Поэтому важным дополнением к уже проделанной работе⁴ могут стать несколько материалов, датированных как раз этим временем и хранящихся в фонде Шереметевых в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Это письма Ахлестышева (одно к Шереметеву и копии трех писем к Горемыкину), копии двух ответов министра внутренних дел тверскому губернатору и копия всеподданнейшего отчета последнего за 1896 г. Как следует из письма Ахлестышева к Шереметеву, написанного в начале сентября 1897 г., губернатор, приняв твердое решение подать в отставку, послал графу все эти бумаги, чтобы тот смог из официальных документов увидеть, как Петербург игнорировал кричащие факты с мест об усилении «красной партии». Так эти материалы оказались в личном архиве Шереметева, а затем — в одном из его личных архивных фондов.

Начать рассмотрение указанных документов удобнее всего именно с указанного письма губернатора к графу: оно стало своего рода сопроводительным описанием присланных Шереметеву копий. Ахлестышев сообщал другу, что собирается на днях подать в отставку, и обращал внимание адресата прежде всего на копию своего всеподданнейшего отчета за 1896 г. Губернатор подчеркивал, что счел «неудобным» жаловаться в этом отчете государю на Горемыкина и увязывать результаты своей деятельности в Твери с тем, будет ли министр внутренних дел и впредь «продолжать покровительствовать “красной партии”». Одновременно Ахлестышев констатировал, что ему удалось создать в губернии «партию благомыслящих людей», причем некоторые ее члены смогли добиться в ряде уездов успеха на недавних земских выборах, однако в губернском собрании они окажутся в меньшинстве, а посему в отчете губернатор воздержался от сколько-либо определенных прогнозов относительно их перспектив, тем более что отдельные представители «благонамеренных» «отказались от борьбы, не видя поддержки».

В данном случае губернатор, очевидно, намекал на поддержку его позиции со стороны Петербурга. Причем он имел в виду даже не Горемыкина: важнейшим местом письма является признание Ахлестышева, что он надеялся задавить «красную партию» в подведомственной ему губернии в том числе с помощью императора, который произнесет в адрес Горемыкина свое «мощное слово», и тот незамедлительно поменяет свою позицию по ситуации в Тверской губернии. Но если по поводу так и не раздавшегося с высоты пре-

⁴ См.: Андреев Д.А. Указ. соч.

стола «слова» Ахлѣстышев кратко замечал: «Случилось не так», — то в отношении своего непосредственного начальника он позволил себе гораздо более вольные высказывания.

Во-первых, ссылаясь на копии пересылаемых графу ответов Горемыкина от 8 апреля и 10 июня 1897 г., Ахлѣстышев заключал, что МВД не желало его поддерживать под «недостойными предложениями». Во-вторых, губернатор прямо обвинял министра внутренних дел в том, что тот оказывал «явное покровительство» «красной партии» и ее членам». Так, он дополнил любопытной подробностью рассказанную им Шереметеву год назад историю о причастности бывшего гласного тверского губернского земского собрания Ф.И. Родичева к изданию нелегального памфлета «О царствовании Александра III»⁵. По словам Ахлѣстышева, брошюра была обнаружена сотрудниками Департамента полиции у некоего «мещанина Ефремова», который считался «лицом неблагонадежным». Ефремов признался в том, что эта брошюра у него от Родичева, авторство последнего было доказано в результате предпринятого расследования: «Обнаружено, что рукопись писана собственноручно Родичевым, — и удостоверено экспертами». У бывшего земца был произведен обыск, в результате которого удалось найти другие пропагандистские материалы антиправительственного содержания. Однако, несмотря на все эти улики, в адрес Департамента полиции последовали от министра «самые резкие замечания», «дело» было «замято противозаконно», а крайним был назначен попавшийся Ефремов, получивший три месяца тюремного заключения⁶.

Если отвлечься от темы и вернуться к той кардинальной перемене, которая произошла в МВД с приходом туда Горемыкина и Неклюдова, то «бездействие» правоохранительных структур в случае с брошюрой Родичева становится понятным. Такое «бездействие» явилось наглядным выражением законничества как нового принципа работы МВД. Об этом принципе метко написала в своем дневнике в конце декабря 1895 г. генеральша А.В. Богданович, касаясь истории с Ахлѣстышевым. Она даже назвала Горемыкина человеком «либерального направления», который «тверскую историю» «разберет, исподволь так устроит, что губернатора, если он виноват, не пожалеет и поблажки говорунам не даст, если они действовали беззаконно»⁷. То есть Ефремов, чья вина была полностью доказана, был наказан, а

⁵ Имеется в виду нелегальная, изданная на гектографе без титула и обложки брошюра: О царствовании Александра III. СПб.: [Б. и.], 1894. 36 с. (см.: *Андреев Д.А.* Указ. соч. С. 48).

⁶ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 1–2 об.

⁷ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 267. Л. 46 об.

обвинений в адрес Родичева, по-видимому, оказалось недостаточно. Между тем сам Ахлѣстышев видел причины столь мягкого отношения к Родичеву вовсе не в легизме министра, а в намеренном потворстве «красной партии» под предлогом уважительного отношения к «крупному землевладельцу» Родичеву⁸.

Однако непосредственно в самом всеподданнейшем отчете за 1896 г. намерение Ахлѣстышева донести до императора мысль о необходимости промолвить «мощное слово» в поддержку тверского губернатора выглядело гораздо более размытым и невнятным. Утверждая, что население губернии не сомневается во «вредном значении противоправительственной партии» и вследствие этого «благонамеренная партия» имеет шансы победить в некоторых уездах на предстоявших летом 1897 г. земских выборах, Ахлѣстышев тем не менее выражал крайнюю обеспокоенность за исход кампании в тех уездах, где «пустила сильные корни» «противоправительственная партия», в частности, в Новоторжском. Именно в связи с такими своими опасениями губернатор и доводил до сведения государя, что делал Горемыкину «представление», в котором обосновывал необходимость обращения к опыту графа Д.А. Толстого в бытность того главой МВД. Как далее следовало из всеподданнейшего отчета, такой опыт надлежало истолковывать как административное вмешательство в земскую избирательную кампанию. «Устранение от выборов в гласные только нескольких человек, главных вожаков партии, — утверждал Ахлѣстышев, — могло бы, по моему мнению, совершенно изменить характер земских собраний»⁹. В этих довольно обтекаемых формулировках было трудно усмотреть призыв к государю сказать Горемыкину «мощное слово» и тем самым вынудить более активно влиять на местное земство — хотя бы по примеру Толстого.

Что касается официальных писем Ахлѣстышева к Горемыкину, то в них прежде всего обращают на себя внимание изменившиеся смысловые акценты. Если на рубеже 1895–1896 гг. главный пафос посланий губернатора к министру сводился к обличению роли, сыгранной Штурмером в организации декабрьских 1895 г. земского и дворянского собраний, то теперь Ахлѣстышев, докладывая в Петербург, оперировал только фактами, а не предположениями, пусть даже и находившими подтверждения, и не выходил за рамки подконтрольной ему территории¹⁰. Так, в начале декабря 1896 г. он

⁸ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 39 об.–40.

¹⁰ Этот новый подход к общению с Петербургом Ахлѣстышев изложил в письме к Шереметеву в январе 1897 г., имея в виду только что отосланное Горемыкину очередное представление: «Я долго не решался писать об этом, так как вопрос очень

сообщал министру, что в губернии «главным центром деятельности противоправительственной партии» является Новоторжский уезд, где под стать радикалам-гласным не только уездная управа, но даже уездный предводитель дворянства М.В. Всеволожский. Подтверждением тому стала работа уездного земского собрания (в начале октября 1896 г.), в ходе которой звучали ставшие уже привычными «крайне резкие» высказывания по поводу решений губернатора и губернского по земским и городским делам присутствия, а любое указание из МВД, даже разъяснительное, оборачивалось дружным решением земцев о его обжаловании в Сенате.

Судя по приведенному губернатором описанию, дискуссии в новоторжском уездном земском собрании протекали по точно такому же сценарию, как и споры в губернском земстве: либералы выступали напористо, слаженно, поддерживая друг друга и деморализуя оппонентов дружным осмеянием их аргументации или заведомо провокационными выпадами, которые заставляли несогласных с ними оправдываться, а значит — терять инициативу.

Например, решение Ахлестышева о неутверждении библиотекаря в деревне Жерехово с отсылкой к одному из документов Главного управления по делам печати МВД было саркастически прокомментировано гласным де Роберти. Он сравнил этот шаг губернатора с действиями «плохого адвоката» в суде, который для разрешения спора по «договорным отношениям» апеллирует к такому положению закона, которое относится совсем к другому: например, говорит о наказаниях, положенных за неправомерный «прогон скота». Естественно, подобная аналогия вызвала «смех публики» и как результат — соответствующий итог голосования по поводу этого решения Ахлестышева.

Когда гласный-священник возразил против непомерного увеличения сметы для открытия нескольких десятков новых земских школ, аргументируя свою позицию тем, что их «недостаток» компенсируется школами церковноприходскими, гласный Бакунин, точно не услышав доводы оппонента, патетически возразил ему совсем о другом: дескать, «он с единомышленниками подает голос по совести» и «не может одобрить школ без учителей». Это высказывание сорвало аплодисменты, на фоне которых недоуменное замечание священни-

задевает, а затем практических результатов трудно добиться при существующих условиях. *Animam levavi!* (*Dixi et animam levavi*: «Я сказал и облегчил свою душу», *лат.* — Д.А.). А может быть, кем-нибудь и будет обращено внимание!» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6449. Л. 51–51 об.). То есть губернатор стал информировать начальство сугубо о том, о чем, с его точки зрения, уже нельзя было больше умалчивать, хотя бы только ради очищения совести.

ка, что «по совести» голосуют «не одни только сторонники земских школ», а вообще все, попросту не было услышано. Когда же поначалу инициатива «либералов» об увеличении сметы не получила поддержки большинства гласных, братья Иван и Михаил Петрункевичи стали настаивать на повторном голосовании и в итоге продавили нужное им решение.

Так же согласованно «либералы» пытались в пику утвержденному Министерством народного просвещения каталогу книг, предназначенных для народных читален, предложить собственный список авторов, известных своими либеральными и народническими взглядами, а также переведенных на русский язык иностранных книг. Доводы их оппонентов, что в читальнях не имеется и упомянутых в каталоге книг, в очередной раз были проигнорированы представителями «либеральной партии», которые, по словам губернатора, пеклись вовсе не о народном просвещении как таковом, а о возможности с его помощью «пропагандировать свое учение»¹¹.

В заключение Ахлестышев обращался к Горемыкину с просьбой употребить свою министерскую власть и запретить наиболее одиозным, с его точки зрения, представителям «либеральной партии» — братьям Петрункевичам, де Роберти, Бакунину и некоторым другим — участвовать в работе земских собраний, иначе «масса населения», отнюдь не испытывающая симпатий к «либеральной партии» и тяготящаяся ее «господством», «без помощи правительства бессильна в борьбе с нею»¹².

В конце марта 1897 г. Ахлестышев предпринял очередную попытку убедить Горемыкина принять меры в отношении лидеров «либеральной партии» губернского земства. Он направил министру письмо, в котором подробно изложил, как на протяжении двух последних лет представители этой «партии» препятствовали нормальной работе «благонамеренных». Однако при непредвзятом взгляде аргументация, которую приводил Ахлестышев, вполне могла возыметь и обратный эффект — представить усиление «либеральной партии» как закономерный результат административного вмешательства в работу губернского земства еще при министре внутренних дел Дурново.

¹¹ Эту историю об альтернативном министерскому каталогу списке книг Ахлестышев изложил и во всеподданнейшем отчете за 1896 г. (ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 38 об.–39). Отчет каким-то образом стал впоследствии достоянием гласности, и по поводу полемики в новоторжском земском собрании вокруг книжного списка, предложенного либеральными гласными, А.С. Суворин в начале апреля 1898 г. записал в дневнике: «Любопытно, что такие лживые доносы пишет губернатор Ахлестышев. Чего ему надо, дураку?» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London; М., 2000. С. 315). Правда, на тот момент Ахлестышев уже почти полгода как находился в отставке.

¹² ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 21–25 об.

Картина, которую рисовал Ахлѣстышев, получалась фактически следующей. В начале 1895 г. «либералы» предприняли неудачную попытку путем подтасовки при голосовании не допустить избрания председателем губернской управы и ее членами кандидатов от «благонамеренной партии». Губернатор проинформировал о случившемся министра внутренних дел, и тогда Дурново своей волей поставил «благонамеренного» А.С. Паскина во главе управы, а еще двоих его товарищей по этой «партии» сделал членами управы¹³.

Рассказывая об этом новому министру спустя два года после тех событий, Ахлѣстышев ретроспективно признавал, что после подобного административного давления на земство стало понятно: гласные из «противоправительственной партии», определяющие погоду в губернском земском собрании, отныне буду делать всё от них зависящее для дискредитации навязанной им управы. И то, как прошла первая же сессия губернского земского собрания в конце 1895 — начале 1896 г., явилось наглядным свидетельством неприемлемой позиции, занятой гласными-«либералами» в отношении их исполнительного органа. После сессии они продолжили борьбу с губернской управой в уездных собраниях, особенно в Новоторжском, Весьегонском и Старицком, в которых имели наибольшее влияние.

Новый «поход против управы» они предприняли во время последней сессии губернского земского собрания. По словам губернатора, на этой ниве особенно преуспел его давний оппонент И.И. Петрункевич, «один из главных инициаторов всяких историй либерального пошиба». В качестве главы редакционной комиссии он учинял «издевательства над управой», которую называл «не земской, а правительственной», «не нашей управой», а «псевдоуправой». На выражение управой собственной позиции либералы отвечали: «Управа позволяет себе сметь свое суждение иметь».

Противостояние внутри губернского земства достигло апогея при обсуждении вопроса о Бурашевской психиатрической колонии, созданной земством в 1884 г. Ее основатель, а также главный врач М.П. Литвинов, после назначения управы министром внутренних дел Дурново вопреки предпочтениям большинства гласных, покинул свой пост¹⁴. На его место был прислан новый врач, рекомендованный Медицинским департаментом МВД, и земские либералы устроили

¹³ Этот факт приводит С.Г. Куликова (см.: *Куликова С.Г. Указ. соч. С. 56*).

¹⁴ В специальной литературе утверждается, что М.П. Литвинов был отстранен губернской земской управой от выполнения в колонии «хозяйственных функций», в результате чего он и ряд его коллег «оставили службу» (см.: *Зиньковский А.К., Иванов О.П., Троицкий А.А., Куракин В.Б. К 125-летию больницы им. М.П. Литвинова // Социальная и клиническая психиатрия. 2009. Т. XIX. № 4. С. 105–106*).

ему травлю. По словам Ахлѣстышева, «бурашевский эпизод» хотя и способствовал сплочению «благонамеренной партии», но вместе с тем мобилизовал и ее противников, поэтому на летних земских выборах неизбежна «ожесточенная борьба». И именно в видах этой борьбы губернатор в самом конце своего письма говорил Горемыкину, что в сложившейся ситуации необходимы «репрессивные меры» в отношении ряда представителей «либеральной партии»¹⁵.

В начале апреля Горемыкин направил Ахлѣстышеву ответ. Судя по тому, что речь в нем шла исключительно о новоторжском земстве, это был ответ на декабрьское письмо губернатора, а о вопросах, затронутых в его мартовском послании, ничего не говорилось¹⁶. Министр заявлял, что готов пойти на «самые решительные меры» для «прекращения поползновений отдельных лиц» из числа тверских земцев, ратующих за «отклонение земской деятельности от согласного с видами правительства направления», однако только в том случае, если губернатором будут употреблены все обозначенные в законодательстве меры, но при этом никакого результата они не принесут.

Однако, по мнению министра, Ахлѣстышев еще не исчерпал все имевшиеся у него легитимные возможности противодействия земцам. Так, например, Горемыкин указал своему подчиненному, что тот был вправе не утверждать неудобных для него членов новоторжской уездной земской управы и объявить повторные выборы, после которых — в случае снова неблагоприятного результата — напрямую ходатайствовать перед МВД о назначении членами управы «вполне благонадежных» лиц. Министр подчеркивал, что точно так же губернатор мог поступать и в отношении «третьего элемента». Что же касалось обсуждения новоторжским уездным земским собранием вопросов, которые выходили за пределы компетенции местного самоуправления, то и здесь, по мнению Горемыкина, губернатор не использовал в полной мере все имевшиеся в его распоряжении возможности для наведения порядка. В частности, министр указывал Ахлѣстышеву, что тому следовало бы внимательнее работать с председателем земского собрания, который несет ответственность за нарушения закона, допущенные во время его работы, тем более что в практике тверского губернатора уже однажды было употребление подобной меры в отношении Всеволожского, председательствовавшего в новоторжском земском собрании в 1895 г. (Правда, министр тут

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 49–53.

¹⁶ Между тем для самого Ахлѣстышева тема новоторжского земства была на тот момент, по-видимому, наиболее актуальной. 19 апреля, еще не получив послание Горемыкина от 8 апреля, губернатор написал Шереметеву: «Теперь я занят Новоторжским уездом. Расшевеливаю это осиное гнездо» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6449. Л. 63 об.).

же оговаривался, что Всеволожский в итоге избежал «соответственного взыскания» по Манифесту о дарованных в день священного коронавания милостях 14 мая 1896 г.). И лишь исчерпав все меры законного характера, подытоживал Горемыкин, «можно было бы возбудить вопрос о принятии мер чрезвычайных»¹⁷.

В конце мая Ахлестышев направил Горемыкину ответ. Он объяснял министру, что не стал отказываться от утверждения членов новоторжской управы, поскольку сам незадолго до того возглавил губернию и еще не располагал фактами, доказывавшими «противоправительственное направление» избранных лиц. Но в следующий раз, обещал Ахлестышев Горемыкину, он не преминет воспользоваться своими полномочиями. Вместе с тем губернатор выражал сомнение в том, что в принципе возможно наладить работу новоторжского земства через утверждение надлежащего в политическом отношении состава управы, так как при господстве в земском собрании представителей «красной партии» «благонамеренная управа будет крайне стеснена в своей деятельности»: ее ждут «издевательства и прямо оскорбления» от враждебно настроенных гласных, а также «со стороны печати, которая теперь почти вся в руках у “красной партии”».

Похоже, губернатор на этот раз стремился все-таки добиться от министра реакции на его рассказ о губернском земстве, о чем он сообщал в Петербург в марте и на что Горемыкин никак не отреагировал в своем апрельском письме в Тверь. Возможно, его ободрили «крайне интересные и утешительные отметки», которые император сделал на его всеподданнейшем отчете и о которых Ахлестышев сообщал Шереметеву в своем майском письме¹⁸. Безусловно, сыграла свою роль и ситуационная конъюнктура: ввиду приближавшихся земских выборов общегубернская политическая повестка представлялась ему гораздо более актуальной, поэтому от положения дел в Торжке губернатор перешел к раскладу в Твери, тем более что казус с новоторжской управой давал удобный повод поговорить в принципе о возможности нормализации работы местного самоуправления путем тщательного подбора кадров для его исполнительных органов.

Ахлестышев снова напомнил Горемыкину о последней сессии губернского земского собрания, которая, по словам губернатора, доказала необходимость незамедлительного «правительственного вмешательства» для «прекращения деятельности вредных агитаторов», так как губернская управа в ходе этой сессии оказалась «в полном смысле беспомощна», а ее председатель «должен был незаслуженно

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 54–56.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6449. Л. 71 об.

выслушать за энергичную и правильную постановку дела всякие оскорбления». Требовать от управы полного контроля за собранием можно лишь тогда, когда в последнем будут преобладать здоровые силы, а не «лица заведомо противоположительственного направления», чего на данный момент в Твери не было. Поэтому пока Ахлѣстышев не видел альтернативы «чрезвычайным мерам» в отношении «некоторых гласных» губернского земства.

Губернатор не упустил возможности тонко поддеть министра, заявив, что о результатах предпринятых им мер в отношении Всеволожского (то есть об амнистии бывшего председателя новоторжского уездного собрания по коронационному манифесту) он узнал только из апрельского письма Горемыкина: соответствующий сенатский указ до сих пор не дошел до Твери. Разумеется, Ахлѣстышев не мог позволить себе в официальном письме к начальнику сетовать по поводу того, что наложенное им взыскание было отменено государем. Однако растянувшееся на многие месяцы делопроизводство по этому делу, равно как и отсутствие сенатского разъяснения об освобождении указанного лица от ответственности коронационным манифестом, позволяли Ахлѣстышеву представить свои настойчивые призывы к главе МВД применить «чрезвычайные меры» как абсолютно правомерные.

К такому выводу подталкивал и еще один аргумент губернатора. Он обращал внимание своего адресата на то, что тот в своем письме в основном касался членов управ и председателей собраний, в то время как очень многое в земстве зависит от гласных, особенно если это «партия гласных антиправительственного направления». Если эта «партия» победит на летних выборах и «останется на следующее трехлетие», то, как утверждал Ахлѣстышев, улучшить состав управ станет совсем сложно.

Финал письма выглядел неожиданным: на этот раз губернатор не призывал министра прибегнуть к «чрезвычайным мерам», но спрашивал у него «разъяснения», какие «репрессивные меры» в отношении таких гласных он мог бы осуществить сам лично¹⁹.

В первой половине июня Ахлѣстышев получил ответ от Горемыкина. Министр не сообщал ничего нового, отметив, что в своем предыдущем послании в Тверь уже перечислил все допустимые способы, которыми «представляется вполне возможным парализовать все последствия вредного направления», которое обнаружилось в новоторжском земстве. Складывалось впечатление, что руководитель МВД упорно не хотел переносить обсуждение земской проблемы на более высокий — губернский — уровень. Более резкой стала и

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 57–60.

тональность Горемыкина: он пенял Ахлѣстышеву, что, если ему не удалось продвинуться в разрешении обсуждаемых проблем, то это исключительно по его собственной вине, по причине того, что губернатор своевременно не ознакомился с персональным составом новоторжского земства²⁰. Что же касалось «чрезвычайных мер» в отношении «некоторых гласных» ввиду ожидавшихся земских выборов, то Горемыкин не видел в них необходимости. Министр признавал, что в Новоторжском уезде отдельные гласные пытаются «затруднять исполнение административных распоряжений», однако при этом соблюдают «законные формы и порядок», и их поступки «лишены какого-либо политического характера». Посему Горемыкин рекомендовал Ахлѣстышеву «ограничиться наблюдением за тем, чтобы упомянутые лица не перешли за установленные законом границы». Если же такое случится, то министр считал, что губернатору придется самому решать — либо «обратиться к содействию судебной власти», либо, если придется иметь дело с «агитацией против существующего государственного строя», руководствоваться «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. и «Положением о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 апреля 1882 г.

Обе практические рекомендации вызвали у Ахлѣстышева крайнее недоумение. В копии министерского письма напротив совета «обратиться к содействию судебной власти» он написал карандашом: «На основании какого закона? Прокурор не примет без указания на статью закона, которая нарушена». Но если еще можно было допустить, что Горемыкин полагал легкодоступным подыскание соответствующей статьи, то апелляция к положениям начала царствования Александра III буквально обескуражила губернатора, и он написал напротив нее также карандашом: «Это усиленная охрана, которой нет в губернии и которая может быть объявлена только по высочайшему повелению!»²¹

²⁰ Правда, впечатление о том, что министр в этом письме позволил себе несколько более резкие интонации, нежели прежде, может быть обманчивым. Примерно в то же самое время Ахлѣстышев поделился с Шереметевым, что с Горемыкиным у него «теперь такие странные отношения»: глава МВД стал «крайне любезен и осторожен». Не исключено, что внимательное отношение министра к губернатору было обусловлено тем, что в это время в Комитете министров обсуждался всеподданнейший отчет Ахлѣстышева за 1896 г. Комитет министров передавал губернатору свои заключения на поступавшие замечания по отчету и оспаривал содержащиеся в нем выводы, однако, как утверждал Ахлѣстышев, приводившиеся его критиками «мотивы так слабы и ничтожны, что легко их совсем разбить» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6449. Л. 72 об.).

²¹ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 61–62.

Недоумение Ахлестышева объяснимо: законник Горемыкин не мог не знать, что принятие такого решения выходило далеко за рамки должностной компетенции губернатора. А значит, министр откровенно насмеялся над губернатором. Может быть, это была месть Горемыкина за легко прочитывавшуюся в предыдущем письме Ахлестышева иронию по поводу его неведения относительно амнистии Всеволожского. А может быть, министр просто делал преднамеренно плохо скрытый намек на то, что ему надоели препирательства и губернатору следует оставить свой пост.

Как уже говорилось выше, Ахлестышев решил уйти в отставку после провала «благонамеренных» кандидатов на земских выборах 1897 г. Спустя несколько месяцев, 14 января 1898 г., на аудиенции он довольно подробно рассказал императору о тех проблемах, которые у него были с МВД. На недоуменный вопрос Николая II, почему же губернатор не сообщил ему об этом, Ахлестышев ответил: «Я не смел, ваше величество»²². Скорее всего, бывший губернатор сказал абсолютную правду. Он действительно «не смел» прямо доложить государю об усиливавшихся сложностях в работе с Горемыкиным, но отнюдь не из-за почтительной робости, а по причине гораздо более прозаичной, о которой он сообщал Шереметеву в том же письме от начала сентября 1897 г. Ахлестышев тогда сетовал, что на фоне осложнений с министром ему «приходится считаться и с другим долгом — в отношении семьи», а для этого «необходимо устроить свои дела имущественные, которые в очень неблестящем положении», а следовательно, «нужно прожить еще несколько лет и нужно беречь свои силы»²³. В прямом столкновении с Горемыкиным, тем более с привлечением внимания императора к этому конфликту, Ахлестышеву грозило потерять всё, а рисковать он не имел права именно из-за семейных и имущественных обстоятельств.

Противостояние Ахлестышева и Горемыкина стало первым в царствование Николая II случаем, получившим общественный резонанс, когда фигуры, занимавшие видные места в бюрократической иерархии, придерживались противоположной политической ориентации: с одной стороны — это представления эпохи Александра III, с другой — основания, все явственнее становившиеся приоритетными для модернизовавшегося общества. Этот ценностный раскол внутри политической элиты страны далее лишь усиливался и стал впоследствии одной из главных причин гибели самодержавия.

²² Андреев Д.А. Указ. соч. С. 49–50.

²³ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 2 об.

References

Andreev D.A. “*Delo*” P.D. Akhlestsheva i bor’ba v pravitel’svennykh verkhakh v nachale tsastvovaiya Nikolaya II [P.D. Akhlestshev’s “Case” and the Battle at the Top of Government at the Beginning of the Reign of Nicholas II] // *Rossiyskaya istoriya*. 2020. № 1, p. 37–50.

Kulikova S.G. *Konservatory i zemstvo: plany i rezul’taty deyatelnosti 1864–1914 gg.* [Conservatives and Zemstvo: Plans and Results of the Activity in 1864–1914]. Moscow: Novyy khronograf, 2019. 336 p.

Zin’kovskiy A.K., Ivanov O.P., Troitskiy A.A., Kurakin V.B. *K 125-letiyu bol’nitsy im. M.P. Litvinova* [To the 125th Anniversary of the M.P. Litvinov Hospital] // *Sotsial’naya i klinicheskaya psihiatriya*. 2009. T. XIX. N 4, p. 105–107.

Поступила в редакцию
15 сентября 2019 г.

И.А. Зинченко*

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
В ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

I.A. Zinchenko

**INSTITUTIONALIZATION OF THE FRENCH
V REPUBLIC FOREIGN CULTURAL POLICY**

Аннотация. На современном этапе развития международных отношений вопросы, связанные с использованием элементов «мягкой силы», приобретают особую актуальность и рассматриваются в рамках гуманитарных и междисциплинарных исследований. Исходя из этого, изучение опыта Франции, которая обладает давней традицией культурной дипломатии, представляет особый научный интерес. Тем более что сюжеты, связанные с институционализацией внешней культурной политики Французской Республики, прежде не были предметом специального исследования. С конца 1950-х гг. культурное влияние стало восприниматься руководством V Республики как проводник ее политических интересов: требовалось в условиях продолжавшейся деколонизации сохранить бывшие колониальные страны в фарватере политики Франции. Экономические и политические интересы V Республики в освободившихся колониях находились в тесном соприкосновении с культурной политикой: опора на местную политическую элиту, торговая стратегия, рост экспорта, инвестиции напрямую зависели от увеличения числа специалистов, владевших французским языком и впитавших французские ценности и культуру. Эти факторы обусловили создание целого ряда государственных, межгосударственных и общественных учреждений, продвигавших французскую культуру за рубежом. Таким образом, характерной особенностью институционализации внешней культурной политики Франции являлось большое количество акторов. Внешняя культурная политика тесно связана с понятием «франкофония». Важную роль в осуществлении политики франкофонии играли межгосударственные организации, созданные в двух регионах мира: канадской провинции Квебек и бывшей французской Африке. Также в период президентства Ш. де Голля

* *Зинченко Ирина Александровна*, аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Западной Европы исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Zinchenko Irina Aleksandrovna, PhD Student, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University
irina_zinchenko28@mail.ru

было принято два пятилетних плана расширения культурного и технического присутствия Франции за рубежом (1959–1963 гг. и 1964–1968 гг.). Появление данных документов свидетельствовало о том, что политика франкофонии была официально принята на государственном уровне и стала частью внешнеполитической стратегии V Республики, а стремление Франции через поддержку французского языка и франкоязычного населения осуществлять свои экономические и политические интересы получило системный характер.

Ключевые слова: франкофония, Ш. де Голль, мягкая сила, деколонизация, культурное сотрудничество, Альянс Франсэз.

Abstract. The current state of international relations requires from humanities and interdisciplinary studies an analysis of the issues related to the use of the elements of “soft power”. In this regard, the research on the practice of France that has a long tradition of cultural diplomacy is of particular academic interest. Moreover, the issues related to the institutionalization of the foreign cultural policy of the French Republic have not been previously the subject of a specific study. Since the late 1950s cultural influence was regarded by the administration of the Fifth Republic as an instrument for realization of its political interests: in the context of continued decolonization, France needed to hold the former colonial countries under its close political impact. The economic and political interests of the Fifth Republic in liberated colonies went hand in hand with its cultural policy: reliance on the local political elite, trade strategy, export growth, and investments were directly depended on the increase in the number of specialists who spoke French and appropriated French values and culture. These factors led to the foundation of a number of state, interstate and public institutions that promoted French culture abroad. Thus, one of the characteristic features of the institutionalization of the French foreign cultural policy was a large amount of actors. This foreign cultural policy is closely related to the concept of “Francophonie”. The interstate organizations established in the two regions of the world, the Canadian province of Quebec and former French Africa, were important for implementing the Francophonie policy. The two five-year programs to expand the cultural and technical presence of France abroad were carried out in 1959–1963 and 1964–1968 during the presidency of Charles de Gaulle. These programs evidence that the Francophonie strategy was officially adopted as part of the Fifth Republic’s foreign policy. France strived to further its economic and political interests through systematic support of the French language and French-speaking population.

Keywords: Francophonie, General de Gaulle, soft power, decolonization, cultural cooperation, Alliance Française.

* * *

Франция имеет давние традиции культурной дипломатии, однако только со времен президентства Шарля де Голля (1958–1969 гг.) ее внешняя культурная политика приобрела системный характер и стала успешно осуществляться на государственном уровне. Согласно

интерпретации современных исследователей¹, внешняя культурная политика представляет собой комплекс мер, разрабатываемых и реализуемых государством на внешнем уровне для продвижения национальной культуры и языка за рубежом и направленных на формирование благоприятного образа страны с целью укрепления ее авторитета в мире. Часто подобные меры называют политикой «мягкой силы», формирующей, на основе разделения общих культурных ценностей, лояльность к государству-актору среди граждан зарубежных стран².

Французская внешняя культурная политика тесно связана с понятием «франкофония», которое эволюционировало с течением времени и имеет несколько значений. Впервые это слово появилось в работах французского географа Онезима Реклю в конце XIX в.³, который создал новую типологию, разделяя людей на лингвистические группы. В узком смысле под франкофонией понимают созданную в 1970 г. международную организацию Агентство по культурному и техническому сотрудничеству (современное название — Международная организация франкофонии (МОФ) — она получила в 2005 г.). Франкофония в широком смысле — это и обозначение группы людей, которые говорят по-французски; и политика по установлению особых связей между странами, в которых французский язык является государственным или языком общения всего населения или его части; а также идейная основа межгосударственного сотрудничества на пространстве бывшей французской колониальной империи и других франкоязычных стран. Усилия Франции по объединению всех франкофонных стран и удержанию своего влияния в них посредством языка и культуры придали понятию «франкофония» политическую коннотацию⁴, и в научной литературе этот термин стали употреблять, подразумевая часть внешней культурной политики Франции. В данной статье в основном пойдет речь о франкофонии как о концепции

¹ См., например: Николаева Ю.В. Актуальные проблемы внешней культурной политики Франции в начале XXI века. СПб., 2013. С. 4; Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М., 2016; *Saint Robert Ph. de. La cause du français. Du service de la langue française à la naissance de la francophonie.* Paris, 1987; *Salon A. L'action culturelle de la France dans le monde.* Paris, 1983; *Mathieu I. L'action culturelle et ses métiers.* Paris, 2011; *Berguin F. Le fonctionnaire expatrié. Une construction méconnue.* Paris, 1999.

² См., например: *Nye J.S. Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone.* New York, 2002; *Idem. Soft Power: The Means to Success in World Politics.* New York, 2004.

³ Международная организация Франкофонии. Офиц. сайт. — URL: <http://www.francophonie.org/Chronologie.html> (дата обращения: 16.12.2014).

⁴ *Tétu M. La francophonie. Histoire, problématique, perspective.* Montréal, 1987. P. 47.

сближения и группирования вокруг Франции всех франкоговорящих стран, который лежит в основе ее внешней культурной политики.

Одной из характерных черт этой политики является значительное число акторов, участвующих в распространении французского языка и культуры, среди которых — государственные структуры, общественные организации, светские и религиозные миссии. Эта черта ярко проявилась во время президентства Ш. де Голля, когда было создано множество новых структур, занимавшихся реализацией внешней культурной политики Франции и впоследствии вошедших в международную организацию франкофонии.

В центре внимания данной статьи находится процесс институционализации внешней культурной политики Франции в период президентства Ш. де Голля, так как именно институты служат инструментом для трансляции культурных ценностей, осуществляя политику «мягкого влияния». Изучая институты внешней культурной политики Франции, можно определить, какое место в своей внешней политике государство уделяет «мягкой силе». Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать, как стремление Франции опереться на достижения национальной культуры в своей внешней политике приобретало институциональный характер, т.е. как создавались национальные и международные учреждения, отвечающие за реализацию этого направления, а государственные усилия в этой области приняли постоянный характер и организованную форму.

Сюжеты, связанные с феноменом франкофонии, пока недостаточно разработаны в отечественной историографии, однако ряд современных исследователей: Н.Д. Беннетт, С.А. Греш, С.И. Косенко, М.А. Марусенко, Ю.В. Николаева, С.Г. Семенов⁵ сделали попытки ликвидировать существующий пробел и выделили франкофонию в качестве отдельного важного вектора внешней политики Пятой республики. Проблемы франкофонии в последние полвека также активно разрабатываются зарубежными учеными. Широкую известность получили работы П. Акэнванд, Ф. Бергуан, Х. Деньо, Ж.-М. Джиан, В.-Б. Розу, А. Салон, Ф. Сен Робер, М. Тетю⁶. Тем не ме-

⁵ Беннетт Н.Д. Франкофония в контексте мировой культуры. Дисс. ... канд. фил. наук. М., 2001; Греш С.А. Возникновение, развитие и современное состояние международной организации франкофонии. М., 2015; Косенко С.И. Мягкое могущество в твердой упаковке. М., 2011; Марусенко М.А. Франкофония Северной Америки. СПб., 2007; Николаева Ю.В. Указ. соч.; Семенов С.Г. Международная организация франкофонии в мировой политике. Дисс. ... доктора ист. наук. М., 2003.

⁶ Akinwande P. Negritude et francophonie: paradoxes culturels et politiques. Paris, 2011; Berguin F. Op. cit.; Deniau X. La francophonie. Paris, 1983; Djian J.-M. Politique culturelle: la fin d'un mythe. Paris, 2005; Rosoux V.-B. Le Général de Gaulle et la franco-

нее, процесс институционализации франкофонии изучен пока весьма поверхностно, так как большинство исследований посвящены более позднему периоду, после учреждения Агентства по культурному и техническому сотрудничеству в 1970 г.

Институционализация внешней культурной политики в период правления генерала де Голля была обусловлена рядом факторов, связанных с международным положением Франции. В результате Второй мировой войны и политических кризисов Четвертой республики политический авторитет Франции пошатнулся, а в колониальных владениях нарастали кризисные тенденции. На рубеже 50–60-х гг. XX в., с крушением французской колониальной империи, французскому руководству пришлось заново формировать отношения с новыми независимыми государствами. Чтобы сохранить свое привилегированное положение в обретших независимость колониальных странах, не ущемляя при этом их суверенитета, Франция искала внешнеполитические методы, основанные не столько на военной силе и политическом подчинении, сколько на французских гуманистических ценностях, многовековых достижениях французской культуры и военно-экономическом сотрудничестве. Внешняя культурная политика Франции в этот период была направлена на укрепление политико-культурных и экономико-технических связей между Пятой республикой и бывшими колониями на основе французского языка.

Практика использования культуры как инструмента внешней политики имеет давнюю традицию во Франции. Часть учреждений, созданных в XIX–XX вв., в 1950-х гг. стали опорой для государственной внешней культурной политики и вошли в систему Международной организации франкофонии. Самой значительной из первых франкофонных организаций является учрежденный в 1883 г. «Альянс Франсэз». Эта частная организация, занимавшаяся распространением французского языка и культуры за рубежом, состояла из тысячи комитетов, расположенных в различных странах мира. В «Альянс Франсэз» работали видные политические и общественные деятели, организовывавшие учебные курсы и культурные мероприятия (конференции, концерты, выставки), посвященные Франции и ее языку⁷. «Альянс Франсэз» учредил по всему миру сеть лицеев, прославившихся высоким качеством образования,

phonie // *Politique et Sociétés*. Quebec, 1997; *Salon A*. Op. cit.; *Saint Robert Ph. de*. Op. cit.; *Tête M*. Op. cit.

⁷ *Basdevant J. L'action du ministère des affaires étrangères pour la diffusion de la langue française à l'étranger de 1960 à 1968 // Aspects d'une politique de diffusion du français langue étrangère depuis 1945. Matériaux pour une histoire*. Paris, 1984. P. 47.

количество библиотек и школ, открытых им к 1900 г., достигло 250. Впоследствии именно представительства «Альянс Франсэз» стали проводниками французских ценностей за рубежом и базой для изучения французского языка в рамках политики франкофонии. Хотя организация была создана по инициативе общественных деятелей, «государство с первых дней существования Альянс Франсэз оказывало значительную материальную помощь, а послам дипломатических миссий было поручено всесторонне поддерживать его деятельность»⁸. Сеть образовательных учреждений «Альянс Франсэз» покрывала все пять континентов, но до начала XX в. большинство средств уходило на Европу и Америку, так, в 1905 г. распределение бюджетных средств выглядело следующим образом: 40% на Европу, 20% на Африку, 20% на Северную Америку, 20% на Азию, 10% на Латинскую Америку⁹.

С начала XX в. распространением французского языка в мире также занималась такая специфическая общественная организация, как «французские светские миссии», созданная в 1902 г. группой интеллектуалов по инициативе Пьера Дешампа, инспектора по образованию на Мадагаскаре при поддержке генерала Гальени, губернатора острова. Основатели ставили своей целью обучение французскому языку, который в те годы являлся международным, «с помощью содержания, адаптированного для их [местных жителей] уровня развития», т.е. используя элементы их национальной культуры в процессе обучения¹⁰. Изначально деятельность «светских миссий» распространялась на французские колонии: Мадагаскар, Индокитай Французскую Западную Африку. Многие проекты «светских миссий» поддерживались и спонсировались государством. Они исходили из того, что «вместе с французским языком распространяется французский дух и французские идеалы»¹¹. Лицеи для изучения французского языка были открыты в Салониках в 1905 г., в 1908 г. — в Эфиопии, в Египте и Ливане¹².

Системная реализация идеи франкофонии на государственном уровне стала осуществляться с учреждения в 1902 г. в составе МИД

⁸ Косенко С.И. Указ. соч. С. 189.

⁹ Bruezière M. L'Alliance française. Histoire d'une institution. Paris, 1983. P. 64.

¹⁰ Bancilhon N. J.-P. Les missionnaires de l'école laïque // Aspects d'une politique de diffusion du français langue étrangère depuis 1945. Matériaux pour une histoire. P. 149.

¹¹ Archives du ministère des Affaires étrangères, série C/35, carton 141. Mission laïque à A.E., 25 November 1906. Cité par: Thobie J. La France a-t-elle une politique culturelle dans l'Empire ottoman à la veille de la première guerre mondiale? // Relations internationales. N 25, printemps 1981. P. 35.

¹² Raymond J.-F. de. L'action culturelle extérieure de la France. Paris, 2000. P. 19.

Франции «Бюро школ и работы» (Bureau des écoles et des oeuvres). Новая структура курировала французские учебные заведения в колониях и иностранных государствах, а также занималась трудоустройством французских преподавателей за рубежом¹³. Французский историк Ж. Лафон утверждал, это изначально Бюро представляло собой маленький отдел, в котором работало всего несколько человек, однако его создание демонстрировало «желание государства вмешаться в область, которая до этого оставалась в основном частной инициативой»¹⁴. Постепенно Бюро взяло на себя обеспечение деятельности МИД в области культурной политики за рубежом. Первым руководителем Бюро стал интеллектуал и драматург Жан Жироду, а его помощником — Пол Моран, один из самых модных французских писателей и беллетристов начала века.

В 1920 г. «Бюро школ и работы» было преобразовано в «Дирекцию по работе за рубежом»¹⁵. Это небольшое подразделение МИД оказалось лучше структурировано и занималось распределением средств, выделенных на зарубежные командировки французских преподавателей и советников, распространяло французские книги и периодику¹⁶. Подразделение было поделено на 5 служб: образование (отвечала за работу с преподавателями и учебными заведениями), стипендии; культурные обмены (стажировки для сотрудников, распространение книг и фильмов), артистические обмены (организация гастролей французских театров, музыкальных и танцевальных коллективов, художественных выставок), техническое сотрудничество¹⁷. С созданием «Дирекции по работе за рубежом» Франция стала первой страной, начавшей проводить культурную политику. К примеру, в Великобритании Британский совет был основан лишь в 1934 г., а отдел культурных отношений внутри Госдепартамента США возник в 1938 г.¹⁸

В Париже был учрежден ряд ассоциаций, работавших в тесной связи с «Дирекцией по работе за рубежом»: в 1910 г. учреждено Университетское бюро, деятельность которого была направлена на увеличение числа иностранных студентов, получающих французское

¹³ *Basdevant J.* Op. cit. P. 40.

¹⁴ *Lafon J.* Itinéraires: de l'histoire du droit à la diplomatie culturelle et à l'histoire coloniale. Paris, 2001. P. 168.

¹⁵ *Basdevant J.* Op. cit. P. 40.

¹⁶ *Baillou J.* Aspects de l'action culturelle de la France. Période 1945–1955 // Aspects d'une politique de diffusion du français langue étrangère depuis 1945. Matériaux pour une histoire. P. 26.

¹⁷ *Basdevant J.* Op. cit. P. 40.

¹⁸ *Baillou J.* Op. cit. P. 24.

образование¹⁹; комиссия по археологическим раскопкам за границей, Французская ассоциация художественной деятельности, основанная в 1922 г. под патронажем видных государственных деятелей Раймона Пуанкаре и Эдуарда Эррио, которая отвечала за культурные обмены и гастроли артистов за рубежом²⁰. В том же году появилась французская Ассоциация расширения культурного присутствия и обменов (L'Association française d'expansion et d'échanges artistiques — будущая Французская ассоциация культурных взаимодействий (АФАА)). В рамках этой ассоциации чиновники и банкиры встречались с интеллектуалами и артистами для проведения культурных мероприятий за рубежом с целью популяризации французских ценностей и товаров²¹.

На деятельность Дирекции в межвоенный период приходилось 17% всего бюджета МИД, в то время как на подготовку и содержание преподавателей французского языка уходило примерно 80% бюджета самой Дирекции²². Распределение бюджетных средств свидетельствует о том, что именно образовательные учреждения воспринимались властями как основа культурного влияния Франции за рубежом.

Вторая мировая война нанесла серьезный урон престижу и мировому авторитету Франции, а также пошатнула позиции французского языка в мире: дипломаты отмечали, что «были потеряны солидные позиции в Латинской Америке и на Ближнем Востоке, в Индокитае, но вместе с этим пришло понимание, что французский язык является неотъемлемой составляющей мирового престижа Франции»²³.

Французская внешняя культурная политика начала приобретать более четкий институциональный характер одновременно с нарастанием кризисных тенденций в колониальной системе. В 1943–1944 г. Франции пришлось признать независимость Сирии и Ливана, приблизили крушение французской колониальной системы войны в Индокитае (1946–1954 гг.) и Алжире (1954–1962 гг.), в 1955 г. протектораты Марокко и Тунис также получили независимость.

¹⁹ *Salon A. Pour une grande action culturelle (pour que France vive) // Aspects d'une politique de diffusion du français langue étrangère depuis 1945. Matériaux pour une histoire. P. 192.*

²⁰ *Ibid. P.26.*

²¹ *Raymond J.-F. de. Op. cit. P. 21.*

²² *Histoires de diplomatie culturelle des origines à 1995. Ministère des affaires étrangères. La documentation française. Paris, 1995. P. 38.*

²³ *Rebeyrol Ph. Comment organiser nos relations culturelles avec l'étranger // Aspects d'une politique de diffusion du français langue étrangère depuis 1945. Matériaux pour une histoire. P. 187.*

К концу 1960 г. на территории Французской Африки образовалось 15 независимых государств, 12 из которых ранее представляли собой членов Французского Сообщества²⁴, которое, таким образом, перестало существовать.

Генерал де Голль с самого начала не верил, что Французское Сообщество сможет просуществовать долго («Они вошли в него лишь с одной мыслью: как теперь из него выйти») и видел будущее в налаживании двусторонних контактов между Францией и ее бывшими колониями: «Всё доброе, что мы уже сделали ради их [колониальных владений] прогресса, порожденные этим дружеские связи, привычки и интересы, наше тысячелетнее призвание к экспансии и расширению нашего влияния обязывали нас видеть в них привилегированных партнеров. Раз они говорят на нашем языке, раз они восприняли нашу культуру, значит, мы должны помогать им»²⁵, — писал Ш. де Голль в «Мемуарах надежд». Таким образом, использование культурных связей во внешней политике должно было стать действенным коммуникационным и стабилизирующим средством в отношениях со странами, которые находились на пути приобретения независимости от Франции или уже получили ее.

Концепция франкофонии вновь была взята на вооружение еще во время Второй мировой войны, а ее осуществление оказалось неразрывно связано с именем Ш. де Голля. Необходимо было создание новых институтов, так, ордонансом от 13 апреля 1945 г. об организации Министерства иностранных дел, глава Временного правительства Ш. де Голль учредил три новые структуры в составе воссозданного МИД: Гендирекцию по политическим делам, Гендирекцию по экономическим, техническим, финансовым и административным делам и Гендирекцию по культурным связям и трудоустройству французских граждан за рубежом²⁶. В том же году в рамках Министерства образования возникла «Служба междуна-

²⁴ По Конституции 1958 г. Французский Союз упразднился, и создавалось Французское Сообщество, государства-члены которого имели автономию во внутренних делах, но внешняя политика, экономика и финансы оставались в общей компетенции, т.е. у Франции. — Constitution française de 1958. Titre XII. — URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/la-constitution-du-4-octobre-1958/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur.5074.html#titre12> (дата обращения: 22.02.2015).

²⁵ Голль Ш. де. Мемуары надежд. М., 2000. С. 204.

²⁶ Ordonnance n°45-675 du 13 avril 1945 portant organisation de l'administration centrale. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=97E2C1F48974572492DE2ECB2C4963FF.tpdjo04v_1?cidTexte=JORFTEXT000000887518&dateTexte=&oldAction=rechJO&categorieLien=id&idJO=JORFCON T000000012474

родного университетского сотрудничества», а в г. Севре открылся международный Центр педагогических наук, который будет играть важную роль в деятельности Гендирекции по культурным и техническим связям в 1958–1969 гг.²⁷

В 1952 г. во главе Гендирекции встал писатель, член Французской академии Жак де Бурбон-Бюссе. Он писал, что перед ним стоял фундаментальный выбор между двумя возможными концепциями развития Гендирекции: «Сконцентрировать усилия на “сиянии французской культуры” во всех ее проявлениях, прибегая к посредничеству доминирующего языка — английского, либо сконцентрироваться, чего бы это ни стоило, на развитии французского языка в мире, рискуя пожертвовать некоторыми возможностями распространения французской культуры. Я, при поддержке моих коллег, выбрал второй путь»²⁸. Благодаря тому, что приоритет был отдан изучению французского языка, он стал главным проводником внешней культурной политики Пятой республики.

В 1956 г. Гендирекция получает новое название — «Генеральная дирекция по культурным и техническим связям». По мнению Ж. Алэна, заместителя генерального директора по вопросам сотрудничества со странами Французского Сообщества и бывшими колониями в 1962–1967 гг., новое название Гендирекции отражало ее «исключительную прерогативу — налаживание технических связей и ведение культурной политики в Лаосе, Камбодже, Вьетнаме, Марокко и Тунисе»²⁹. Отныне вопросы технического сотрудничества, разделенные до этого между множеством департаментов МИД, объединялись в единую службу, вошедшую в состав Генеральной дирекции по культурным и техническим делам. Возглавил преобразованную Генеральную дирекцию дипломат Роже Сейду, по словам которого, перед новой структурой стояли задачи «укрепить позиции французского языка в странах, открытых для [французского] влияния, и защитить позиции французского языка в остальных странах, развить техническое сотрудничество в новообразованных государствах»³⁰.

²⁷ *Baillou J.* Op. cit. P. 23.

²⁸ *Bourbon-Busset J. de.* Deux choix fondamentaux // Aspects d'une politique de diffusion du français langue étrangère depuis 1945. Matériaux pour une histoire. P. 30.

²⁹ *Allain J.* Les grandes lignes de la politique extérieure française entre 1945 et 1970 // Aspects d'une politique de diffusion du français langue étrangère depuis 1945. Matériaux pour une histoire. P. 16.

³⁰ *Seydoux R.* Aspects d'une politique de diffusion du français langue étrangère depuis 1945 // Aspects d'une politique de diffusion du français langue étrangère depuis 1945. P. 31.

В деятельности Генеральной дирекции по культурным и техническим связям наступил новый этап развития после избрания президентом в 1958 г. Ш. де Голля. Чтобы систематизировать внешнеполитическую культурную деятельность и определить необходимый для этого объем средств, Советом министров был разработан и 14 июня 1958 г. утвержден Первый пятилетний плана расширения культурного и технического присутствия Франции за рубежом (1959–1963). Самое активное внимание стало уделяться развитию именно технических связей со странами, использующими французский язык, особенно с бывшими колониями³¹. На деятельность Службы технического сотрудничества Гендирекции выделялась четверть бюджетных ресурсов всего учреждения³². В первый же год своего президентства Ш. де Голль увеличил штат сотрудников Гендирекции, и к 1960 г. под ее началом работало 200 дипломатов, которые руководили 14 тысячами французских преподавателей, технических экспертов, инженеров и советников по культуре, отправленных на работу за рубеж³³. Постепенно расширялись и полномочия Генеральной дирекции. Например, в ее ведение было передано осуществление культурных действий в Лаосе, Камбодже, Вьетнаме, Тунисе и Марокко, которые уже обрели независимость³⁴, что привело к значительному увеличению персонала Гендирекции и привлечению внимания к ее деятельности со стороны французского правительства, парламента и общества.

Перед Генеральной дирекцией по культурным и техническим связям стояли конкретные задачи: сделать доступными для самой широкой публики достижения французской культуры и науки, продвигать повсеместно французские ценности, культуру и язык, даже в самых отдаленных регионах мира и в странах, чей политический строй кардинально отличается от французского³⁵. В 1964 г. был принят Второй план расширения культурного влияния (1964–1968), документ являлся «идейным продолжением Первого пятилетнего плана и предусматривал дальнейшее развитие внешней культурной политики Франции»³⁶. В конце президентства Ш. де Голля, в 1969 г.,

³¹ Centre des Archives diplomatiques du ministère des Affaires étrangères (CAD-MAE). Fonds Direction générale des affaires culturelles et techniques. B. 41. Premier plan de cinq ans pour l'expansion et la reconversion de notre action culturelle et technique a l'étrangère.

³² Ibid. B. 40. Rapport d'activité, 1960. P. 4.

³³ Ibid. P. 3.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem.

³⁶ *Allain J. Op. cit.* P. 17.

генерал подписал ордонанс об реорганизации Гендирекции, которая стала называться Гендирекцией по культурным, научным и техническим связям³⁷.

Франкофония, призванная установить привилегированные отношения Пятой республики с иностранными государствами, всегда опиралась на достижения французской культуры. Соответственно, чтобы продвигать французскую культуру за рубежом, требовалось предпринять ряд шагов по ее поддержанию и развитию внутри самой Франции. Одним из первых организационных шагов Ш. де Голля после прихода к власти в 1958 г. стало учреждение 3 февраля 1959 г. Министерства по делам культуры, в его распоряжение передавалось деятельность Государственного секретариата по делам изобразительных искусств и весь блок вопросов культуры, которым ранее занимались различные управления Министерства национального образования (управление архивами Франции, управление художественными и музейными учреждениями, библиотеками, памятниками культуры), а также национальный центр кинематографа Министерства индустрии и торговли и Высший комиссариат молодежи и спорта³⁸. Функции нового министерства утвердил декрет от 24 июля 1959 г., согласно которому его основной задачей было сделать доступными мировые и, в первую очередь, французские шедевры культуры и искусства для как можно большего числа французов; обеспечить широкую аудиторию для французского культурного наследия; создать благоприятные условия для творчества и появления новых произведений искусства³⁹. Министром культуры был назначен близкий соратник де Голля, известный французский писатель и публицист Андре Мальро (1901–1976). Яркий мыслитель и литератор, друживший со многими видными деятелями искусства, в качестве политика Андре Мальро проявил себя неоднозначно. Возглавляемое им министерство имело весьма ограниченный бюджет, однако важен был сам факт того, что впервые правительством был разработан долгосрочный план финансирования культурного развития внутри страны. В одном из выступлений министр заявил: «До сегодняшнего дня во Франции не было культурной политики, потому что при IV Республике было невозможно планировать долгосрочную программу содействия деятелям искусства; отныне расходы на культуру

³⁷ Косенко С. И. Указ. соч. С. 46.

³⁸ Journal officiel de la République Française. Décret de 24 juillet 1959. 26 juillet 1959. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jo_pdf.do?id=JORFTEXT000000299564.

³⁹ Ibidem.

вписаны в пятилетний бюджетный план, что позволит работать в длительной перспективе»⁴⁰.

А. Мальро рассматривал национальную культуру как средство утверждения культурного величия Франции в мире и способствовал международным культурным контактам: в 1964 г. «Джоконда» Да Винчи была впервые показана в США, а «Венера Милосская» в Японии, под его патронажем проводились грандиозные выставки предметов искусства Индии и Ирана из коллекции французских музеев⁴¹. Однако во времена Ш. де Голля в компетенцию Министерства культуры входило поддержание и развитие французской культуры именно внутри страны, а внешней культурной политикой занимался МИД Франции. Законодательное расширение полномочий Министерства культуры в области распространения французского культурного влияния за рубежом произошло лишь в 1997 г.⁴² Учреждение Министерства культуры отражало «стремление генерала проводить амбициозную, тщательно продуманную и планомерную культурную политику во имя величия Франции»⁴³ как внутри страны, так и за ее пределами.

В 1960 г. в рамках формирующейся голлистской внешней культурной стратегии под началом премьер-министра Мишеля Дебре был создан Верховный комитет по защите и распространению французского языка. Его целью провозглашалась защита чистоты и качества французского языка, разработка концепции и директив. Комитет не имел административных функций, он занимался именно подготовкой доктрины защиты французского языка, а исполнением его проектов занимались Министерство образования, Министерство культуры и МИД. Верховный комитет состоял из трех комиссий, работающих над одним из трех аспектов поставленной задачи⁴⁴. Одна из комиссий занималась поддержанием качества французского языка и инициировала создание международного Совета французского языка. Вторая курировала распространение французского языка за рубежом, разрабатывала новые методы для восстановления его влияния в регионах традиционного использования французского языка в континентальной Европе и Латинской Америке. Третья комиссия налаживала связи между

⁴⁰ Girard A. Les affaires culturelles au temps d'André Malraux, 1959–1969. Paris, 1996. P. 15.

⁴¹ Косенко С.И. Указ. соч. С. 30.

⁴² Николаева Ю.В. Указ. соч. С. 82.

⁴³ Косенко С.И. Указ. соч. С. 25.

⁴⁴ La francophonie de a... à z: 135 mots-clés / Ministère des Affaires Etrangères. Paris, 1990. P. 25.

франкофонными странами, предлагала новые способы сотрудничества, поощряла многостороннее франкофонное взаимодействие в противовес двустороннему сотрудничеству.

Таким образом, институционализация внешней культурной политики Франции с ее жестко централизованным управлением связана с периодом президентства Ш. де Голля (с 1958 по 1969 гг.). Многие современные ученые говорят, что ведущая роль государства на всех этапах выработки и реализации внешней культурной политики являлась ее отличительной особенностью⁴⁵.

Наряду с Министерствами иностранных дел, культуры и образования, традиционно важную роль в этой сфере играли различные государственные агентства. Они выполняли практическую работу под непосредственным руководством министерств на отдельных направлениях⁴⁶. Так как в основе стратегии расширения экономического и технического присутствия Франции лежала идея увеличения числа франкоговорящих специалистов, то французские ведомства дополняли свои prerogatives в области культурного и технического сотрудничества функцией оказания экономической и финансовой помощи странам-бенефициарам, а также усиливали поддержку распространения французского языка в мире⁴⁷. Настоящий расцвет государственных агентств начался в период президентства Ш. де Голля. В 1959 г. появилось Бюро по преподаванию французского языка и связям в области образования, а в 1960 г. правительство основало международную Ассоциацию по защите французской культуры за рубежом, которая с 1962 г. издавала журнал «Французская культура», ставший первым печатным рупором франкофонии⁴⁸. Обозначившийся еще с середины 1950-х гг. интерес общества к исследованиям в области гуманитарных и общественных наук отразился на специфике и географии создаваемых исследовательских организаций: в 1961 г. открылась Французская археологическая и этнологическая миссия в Мексике, в 1969 г. — отдел древностей в Судане⁴⁹. В 1958–1959 гг. были основаны такие организации, как Международная ассоциация франкоязычных журналистов и Французский культурный союз⁵⁰.

⁴⁵ *Raymond J.-F.* Op. cit. P. 26; *Lombard A.* Politique culturelle internationale. Le modèle français face à la mondialisation. Paris, 2003. P. 80.

⁴⁶ *Николаева Ю.В.* Указ. соч. С. 94.

⁴⁷ *Косенко С. И.* Указ. соч. С. 42.

⁴⁸ *Deniau X.* La francophonie. Paris, 1983. P. 51.

⁴⁹ *Николаева Ю.В.* Указ. соч. С. 173.

⁵⁰ *Deniau X.* Op. cit. P. 51.

В этот период также появились первые организации будущей системы Международной организации франкофонии: Бюро по исследованиям и контактам, связанным с изучением французского языка в мире (1962 г.), международная Федерация преподавателей, говорящих на французском языке (1969 г.)⁵¹. В 1964 г. в Париже открылся Международный институт права выражаться на французском языке (*Institut international de droit d'expression française*), который главным образом курировал юридические аспекты продвижения французского языка за рубежом и поддерживал людей, отстаивавших свое право говорить по-французски, что было особенно важно для двуязычных стран⁵². А через два года, в 1966 г., во французской столице заработала Ассоциация франкофонной солидарности. В ее задачи входило изучение и защита особой солидарности и взаимосвязи между странами, объединениями и людьми, говорящими на французском языке. Эту солидарность предполагалось поддерживать на национальном и международном уровне; она выражалась в организации франкофонного сообщества путем объединения франкоговорящих людей, независимо от этноса, религии, культуры⁵³. Ассоциация также координировала действия различных объединений и волонтеров, поддерживала проекты по расширению сотрудничества между франкоязычными странами.

Другая организация, созданная в этот же период, — Ассоциация франкоязычной молодежи, появившаяся в мае 1967 г. в Париже. Она занималась информированием французской молодежи о том, что происходит во франкофонном мире, способствовала созданию новых организаций для молодежи во франкоязычных странах, организовывала учебные стажировки и экскурсии, выставки и другие культурные мероприятия⁵⁴.

В 1967 г. возникла Международная парламентская ассамблея франкофонии, которая объединяла парламентариев из стран, где французский — официальный язык или язык общения, и включала в себя 37 секций. В ее задачи входило изучение различий между странами-франкофонами и налаживание диалога культур⁵⁵. Ассамблея достигла результатов во многих сферах, например, она играла решающую роль в реализации проекта создания франкофонной международной организации, т.е. учреждения в 1970 г. Агентства

⁵¹ Косенко С. И. Указ. соч. С. 42.

⁵² Deniau X. Op. cit. P. 73.

⁵³ La francophonie de a... à z: 135 mots-clés. P. 21.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Deniau X. Op. cit. P.71.

по культурному и техническому сотрудничеству. С ее помощью осуществилось множество проектов в области межпарламентского сотрудничества.

Внешняя культурная политика Франции осуществлялась не только через французские общественные организации, государственные министерства и агентства, но и через поддержку международных или иностранных организаций, занимавшихся развитием «франкофонной солидарности»⁵⁶. Сотрудничество с такими учреждениями позволяло французским властям избегать обвинений в колониализме и придавало франкофонии демократический характер, так как инициатива исходила от других государств, а Франция лишь поддерживала их стремления. Большинство этих организаций появлялись в двух регионах мира: в канадском Квебеке и Африке⁵⁷.

Молодое поколение квебекцев видело во французском языке опору своей независимости от центрального правительства Канады. Министр образования Квебека Жерар Лажуа стал одним из первых, кто предлагал создать организацию, объединяющую все франкоговорящие страны⁵⁸. По инициативе Квебека с 1952 по 1961 г. было создано несколько международных организаций, например, Международная организация франкоязычных журналистов (1952 г.) и Французский культурный союз (1954 г.), которые проводили многочисленные конгрессы, издавали журналы и организовывали выставки⁵⁹. Важным событием в институционализации франкофонии явилось учреждение в 1961 г. в Монреале Ассоциации университетов, частично или полностью преподающих на французском языке. Эта организация, одобренная ЮНЕСКО, остается одной из самых старых структур в рамках Франкофонии. Она представляла собой сообщество учреждений и исследователей и имела своей главной целью развитие межгосударственного франкофонного самосознания, университетской общности, способствовала свободному циркулированию знаний и людей⁶⁰. Учреждение Ассоциации университетов свидетельствовало о расширении использования французского языка в университетской среде, особенно в негуманитарном образовании, а также о существовании значительного франкоязычного сообщества в Канаде⁶¹. Первым генеральным секретарем Ассоциации стал

⁵⁶ *Salon A. Op. cit.*

⁵⁷ *Ibid.* P. 50.

⁵⁸ *Ibidem.*

⁵⁹ *Беннетт Н. Д. Указ. соч. С. 72.*

⁶⁰ *La francophonie de a... à z.* P. 21.

⁶¹ *Deniau X. Op. cit.* P. 50.

именитый канадский лингвист, политический деятель и сторонник независимости Квебека Жан-Марк Леже⁶².

В 1967 г. состоялся визит генерала де Голля в Квебек. Это была хорошо спланированная политическая акция: многочисленные нарушения дипломатического протокола со стороны президента Франции открыто демонстрировали всему миру, что он отдает приоритет отношениям с франкоговорящей провинцией Квебек, а не с центральными властями Канады. Это было воспринято, как желание президента Пятой Республики поддержать сепаратистские настроения в Квебеке, которое, однако, было обусловлено не чем иным, как внешнеполитическими интересами самой Франции.

Другим регионом, сыгравшим важнейшую роль в институционализации франкофонии, была Африка. После того как в 1960 г. страны Африки и Мадагаскар получили независимость, состоялась первая конференция министров национального образования африканских стран, говорящих на французском языке, которая прошла настолько успешно, что было решено сделать ее постоянно действующей. В 1961 г. был подписан договор о сотрудничестве в области среднего и высшего образования между Францией и франкофонными африканскими странами, а в следующем году начала свою работу Университетская ассоциация по развитию обменов с Африкой и Мадагаскаром⁶³. В 1965 г. состоялась Первая биеннале французского языка, проходившая в Намуре, в рамках которой «лидеры африканских стран и Франции обсуждали перспективы франкофонии»⁶⁴. В этом же году Африканский союз и Мадагаскар образовали Афро-мальгашскую организацию, главный проводник проектов, которые в рамках франкофонного движения разрабатывали африканские лидеры: первый президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор, первый президент Туниса Хабиб Бургиба и первый президент Нигера Амани Диори⁶⁵. При поддержке Афро-мальгашской организации появились органы сотрудничества Франции с франкоязычными странами, проводились межгосударственные ежегодные конференции министров образования, был создан Африканский совет высшего образования⁶⁶. В 1966 г. в Антананариву состоялась конференция государств-членов Афро-мальгашской организации, на которой присутствовал Ш. де Голль. На торжественном обеде в честь ее окончания генерал заявил

⁶² Беннетт Н.Д. Указ. соч. С. 72.

⁶³ Allain J. Op. cit. P. 16, 17

⁶⁴ Bostock W.-W. Assessing the Authenticity of a Supra-National Language-Based Movement: La Francophonie // Language in Geographic Context. Philadelphia, 1988. P. 80.

⁶⁵ Deniau X. Op. cit. P. 51.

⁶⁶ Le Monde. 1965. 12 juil.

прессе, что «конференция прошла плодотворно для государств-членов Организации, а значит для всей Африки. Она позволила им утвердить и более полно организовать их политическое, экономическое и моральное единство на основе того, что есть между ними общего, т.е. языка и культуры, а значит общего с Францией»⁶⁷. По сообщениям французской газеты «Монд», обсуждения проекта создания международной организации, основанной на идее франкофонии, активно велись африканскими лидерами в 1966 г., например, во время июльской встречи президентов Д. Хамари (Нигер) и М. Кейта (Мали) в Бамако⁶⁸. В этом же печатном издании в июле 1966 г. вышла статья «Дипломатические переговоры о проекте создания франкофонного сообщества продолжаются», где отмечалось, что «обсуждение франкофонии продолжится во время многочисленных запланированных визитов глав африканских государств в Париж» и что «проект [франкофонного сообщества] будет затронут генералом во время его официального визита в Канаду»⁶⁹. И действительно, уже через неделю на официальной встрече с генералом де Голлем президент Сенегала Л. Сенгор утверждал: «Франкофония уже существует. Речь идет только о том, чтобы ее лучше организовать. Речь идет о том, чтобы в первую очередь защищать французский язык, и Франция в этом заинтересована в первую очередь»⁷⁰.

Таким образом, в период президентства Ш. де Голля было создано большое количество франкофонных учреждений, как государственных и межгосударственных, так и частных. В этом процессе видна определенная преемственность по отношению к внешнеполитическому курсу предыдущих руководителей Франции. Новым фактором в институционализации франкофонии стал широкий интерес к ней со стороны иностранных государств. Страны, освободившиеся от колониального статуса в начале 1960-х гг., приветствовали сохранение тесных экономических и научно-технических связей с Пятой республикой, базировавшихся на французском языке и культуре. Государственные и частные институты по их распространению, возникшие в годы президентства Ш. де Голля, послужили основой для становления внешней культурной политики Франции как важной и неотъемлемой части внешней политики Пятой республики и способствовали появлению в 1970 г. Международной организации франкофонии.

⁶⁷ Le Monde. 1966. 12 juil.

⁶⁸ Ibid. 14 juil.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Le Monde. 1966. 21juil.

References

- Ageron Ch., Michel M. *L'Afrique noire française. L'heure des indépendances*. Paris: CNRS Editions, 1992. 729 p.
- Akinwande P. *Negritude et francophonie: paradoxes culturels et politiques*. Paris: L'Harmattan, 2011. 328 p.
- Bennett N.D. *Frankofoniya v kontekste mirovoy kul'tury* [Francophonie in the Context of World Culture]. PhD Candidate in Philology Diss. Moscow: MGLU, 2001. 215 p.
- Berguin F. *Le fonctionnaire expatrié. Une construction méconnue*. Paris: L'Harmattan, 1999. 537 p.
- Bostock W.-W. *Assessing the Authenticity of a Supra-National Language-Based Movement: La Francophonie // Language in Geographic Context*. Philadelphia: Multilingual matters, 1988, p. 73–92.
- Bruèzière M. *L'Alliance française. Histoire d'une institution*. Paris: Hachette, 1983. 248 p.
- Deniau X. *La francophonie*. Paris: Presses Universitaires de France, 1983. 127 p.
- Djian J.-M. *Politique culturelle: la fin d'un mythe*. Paris: Gallimard, 2005. 196 p.
- Girard A. *Les affaires culturelles au temps d'André Malraux, 1959–1969*. Paris: La Documentation française, 1996. 508 p.
- Gresh S.A. *Voznikoveniye, razvitiye i sovremennoye sostoyaniye mezhdunarodnoi organizatsii frankofonii* [The Emergence, Development and Current Status of the International Organization of Francophonie]. PhD Candidate in History Diss. Moscow: Institut Afriki RAN, 2005. 202 p.
- Kosenko S.I. *Myagkoye mogushchestvo v tverdoj upakovke* [Soft Power in Hard Package]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2011. 412 p.
- Lafon J. *Itinéraires: de l'histoire du droit à la diplomatie culturelle et à l'histoire coloniale*. Paris: Publications de la Sorbonne, 2001. 352 p.
- Lombard A. *Politique culturelle internationale. Le modele français face à la mondialisation*. Paris: Ed. Babel, 2003. 285 p.
- Marusenko M.A. *Frankofoniya Severnoy Ameriki* [North America's Francophonie]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPGU, 2007. 353 p.
- Mathieu I. *L'action culturelle et ses métiers*. Paris: Presses Universitaires de France, 2011. 256 p.
- Naumov A.O. "Myagkaya sila", "tsvetnyye revolyutsii" i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka ["Soft Power", "Color Revolutions" and Technologies for Changing Political Regimes in the Early 21st Century]. Moscow: Argamak-media, 2016. 274 p.
- Nikolayeva Yu.V. *Aktual'nyye problemy vneshney kul'turnoy politiki Frantsii v nachale XXI veka* [Relevant Issues of the Foreign Cultural Policy of France in the Early 21st Century]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPGU, 2013. 198 p.
- Nye J.S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books, 1990. 307 p.
- Nye J. *Gibkaya vlast'. Kak dobit'sya uspekha v mirovoy politike* [Soft Power: The Means to Success in World Politics]. Moscow: Fond "Trendy", 2006. 221 p.
- Nye J.S. Jr. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. New York: Oxford University Press, 2002. 240 p.

Obichkina E.O. *Vneshnyaya politika Frantsii ot de Gollya do N. Sarkozy (1940–2012 gg.)* [The Foreign Policy of France from de Gaulle to N. Sarkozy (1940–2012)]. Moscow: Aspekt Press, 2012. 381 p.

Raymond J.-F. de. *L'action culturelle extérieure de la France*. Paris: La documentation française, 2000. 136 p.

Rosoux V.-B. *Le Général de Gaulle et la francophonie // Politique et Sociétés*. Vol. 16. № 1. 1997, p. 61–74.

Saint Rober Ph. de. *La Cause Du Francais. Du service de la langue française à la naissance de la francophonie*. Paris: La place royale, 1987. 64 p.

Salon A. *L'action culturelle de la France dans le monde*. Paris: Nathan, 1983. 159 p.

Semenov S.G. *Mezhdunarodnaya organizatsiya frankofonii v mirovoi politike* [The International Organization of Francophonie in World Politics]. Doctor in History Diss. Moscow: Diplomaticheskaya akademiya MID RF, 2003. 227 p.

Tétu M. *La francophonie. Histoire, problématique, perspective*. Montréal: Guérin littérature, 1987. 378 p.

Williams Ch. *Posledniy velikiy frantsuz. Zhizn' generala de Gollya* [The Last Great Frenchman: A Life of General de Gaulle]. Moscow: AST; Yermak, 2003. 606 p.

Поступила в редакцию
30 мая 2018 г.

Е.И. Волгин

**ПРОБЛЕМА ПРИНЯТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНА
«О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ» В СЕРЕДИНЕ 1990-х гг.**

E.I. Volgin

**THE PROBLEM OF THE ADOPTION OF THE RUSSIAN LAW
“ON POLITICAL PARTIES” IN THE MID-1990s**

Аннотация. Почти на десятилетие растянулся процесс принятия закона о политических партиях в Российской Федерации. Когда в начале 1990 г. была отменена ст. 6 Конституции СССР, многим казалось, что этот закон должен был появиться в ближайшее время. Однако после окончательного решения «проблемы КПСС» работа над ним приостановилась. Постсоветская Россия погрузилась в пучину проблем, фактически парализовавших законодательную власть. Новая Государственная Дума, принявшая законодательную эстафету от прежнего парламента, определила указанный акт как приоритетный. Однако процесс согласования уже практически готового законопроекта (ибо основная работа все-таки была проделана Верховным Советом РФ) растянулся на весь период деятельности I Думы. Когда же на исходе своей легислатуры Госдума приняла закон о партиях, он (по формальным основаниям) был отклонен Советом Федерации. Российские правове-ды и политологи, комментируя действующий с 2001 г. Федеральный закон «О политических партиях», как правило, не углубляются в предысторию, связанную с перипетиями его непосредственной разработки и принятия. Вместе с тем этот сюжет при более детальном рассмотрении вполне может составить отдельную тему для изучения. Цель данного исследования состоит в том, чтобы ответить на вопрос: почему в середине 1990-х гг. столь важный и столь ожидаемый закон о партиях, о необходимости принятия которого говорили представители политического истеблишмента, в итоге так и не был принят. Предметом исследования выступает политико-правовой процесс, связанный с разработкой, обсуждением и механизмом принятия нормативного акта в 1994–1995 гг. На основании изучения широкого круга источников, а также посредством применения междисциплинарного подхода (методов историко-политологического и правового анализа) делается вывод о том, что

* *Волгин Евгений Игоревич*, кандидат политических наук, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Volgin Evgeny Igorevich, PhD Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of the History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-926-792-87-87; plytony@yandex.ru

основная причина неудач крылась не столько в юридическом несовершенстве рассматриваемого акта (хотя оно имело место), сколько в стратегических интересах российской политической элиты 1990-х гг.

Ключевые слова. Государственная Дума, Совет Федерации, федеральный закон, общественные объединения, Б.Н. Ельцин, И.П. Рыбкин, И.Б. Зубкевич.

Abstract. The process of adoption of the law on political parties stretched for almost a decade in the Russian Federation. When Art. 6 of the Constitution of the USSR was annulled in early 1990, it seemed to many that this law would appear in the near future. However, after the final solution of the “CPSU problem”, work on it was suspended. Post-Soviet Russia plunged into the abyss of problems that actually paralyzed the legislative authority. The new State Duma, the successor to the previous parliament, made this act a priority. Nevertheless, the process of agreeing on a practically completed draft law (the Supreme Council of the Russian Federation did the main work of drafting it) was extended to the entire term of the First Duma. When the State Duma adopted a law on parties at the end of its legislature, it was declined by the Federation Council on formal grounds. Russian lawyers and political scientists, commenting on Federal Law “On Political Parties” in force since 2001, as a rule, do not delve into the backstory related to the travails of its formation and adoption. However, this issue may well constitute a separate topic for research. The objective of this study is to answer the question why in the mid-1990s such an important law on parties, much anticipated and favored by certain representatives of the political establishment, was ultimately not adopted. The subject of the article is the political and legal processes associated with the development, discussion and mechanisms of adoption of this normative act in 1994–1995. The research is based on the study of a wide range of sources and applies an interdisciplinary approach, i.e. methodology of historical, political, and legal analysis. The author concludes that the main reason for the failure to adopt the law was not so much its real deficiencies as the strategic interests of the 1990s Russian political elite.

Keywords: State Duma, Federation Council, Federal Law, public associations, B.N. Yeltsin, I.P. Rybkin, I.B. Zubkevich.

* * *

Уже почти двадцать лет в России действует Федеральный закон «О политических партиях». Принятый в 2001 г., он стал не просто документом, регламентирующим деятельность соответствующих общественно-политических объединений, но и мощным регулятором партийно-политической практики. Однако история разработки и принятия этого документа далеко не однозначна. Как известно, впервые закон о партиях был принят в конце 1995 г., однако так и не вступил в силу. Это была первая попытка российского законодателя выделить партии в особый вид общественных объединений, обладающих определенными политическими правами.

Этот первый законодательный опыт не получил должного освещения в исследовательской литературе. Авторы, акцентируя внимание на действующем законе «О политических партиях» и его последующих изменениях, лишь вскользь касаются истории разработки и принятия того, самого первого акта¹. И это понятно: исследователи (в основном юристы и политологи), занимающиеся проблемами правовой институализации российских политических партий, пытаются составить в первую очередь научно-практический комментарий к действующему законодательству, чтобы сориентировать современников в конкретных вопросах партогенеза и перипетиях избирательного права. Исторический аспект здесь присутствует лишь «постольку-поскольку» (да и то, речь в основном идет о законе «О политических партиях» 2001 г., что является «несколько другой» историей).

Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основании комплексного использования различных источников (нормативно-правовых актов и законопроектов, стенограмм заседаний палат Федерального Собрания, периодической парламентской печати) показать весьма непростой политико-правовой процесс разработки и принятия Федерального закона «О политических партиях» Государственной Думой Федерального Собрания РФ первого созыва (1994–1995).

В качестве первоочередных задач следует, во-первых, выявить основные сюжеты парламентской и внепарламентской дискуссии, которая велась политическим и экспертным сообществом вокруг наиболее спорных положений законопроекта (о минимальной численности партии и количестве ее региональных отделений, о возможности существования региональной многопартийности,

¹ Право и многопартийность в России. Сб. статей и материалов. М., 1994; *Медков Х.А.* Закон о партиях и проблема многопартийности в РФ. Оренбург, 2014; *Бабурин С.Н., Малумов А.Ю., Спиридонов А.А.* Комментарий к Федеральному закону «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ: (в редакции Федерального закона от 26 апреля 2007 г. № 64-ФЗ: поstateйный). М., 2008; *Левишук-Энгельгардт А.Б.* О действующей Конституции и политических партиях в России. М., 2003; *Федоринов Е.И.* Закон «О политических партиях» и тенденции развития многопартийности в РФ // Россия в контексте мировой истории: Сб. научных статей. Воронеж, 2003. С. 105–118; *Малый Д.А.* Конституционное право на объединение в РФ. СПб., 2003; *Заславский С.Е., Лапаева В.В., Соловьева С.В., Шутько Д.В.* Комментарий к федеральному закону «О политических партиях». М., 2002; *Василик М.А.* Федеральный закон «О политических партиях» и будущее многопартийной системы в России // Актуальные проблемы современной политической науки. СПб., 2002. С. 173–185; *Аверьянов А.Н., Васецкий Н.А., Малов Ю.К.* Комментарий к Федеральному закону «О политических партиях». М., 2003.

о перспективах финансирования общественно-политических объединений из федерального и регионального бюджета, о департизации государственных структур, о внутреннем устройстве партий и проблемах внутрипартийной демократии и т.д.). Эта дискуссия наглядно отражает понимание российским политическим классом феномена многопартийности, которое сложилось после демонтажа однопартийного диктата.

Во-вторых, необходимо проследить саму процедуру прохождения данного закона в Государственной Думе и Совете Федерации. Это позволит продемонстрировать юридическую технику, которой пользовались разработчики известного документа, уяснить позиции различных парламентских фракций и депутатских групп, их политический интерес или же, напротив, крайнюю незаинтересованность в появлении специального «партийного законодательства».

Наконец, предстоит ответить на вопрос о том, почему Федеральный закон «О политических партиях», принятый I Думой в декабре 1995 г., не преодолев вето Совета Федерации, впоследствии так и не был доработан, превратившись в итоге в сугубо архивный документ.

Успешный ответ на эти, а также ряд других, более частных вопросов, позволит лучше понять начальный этап формирования в постсоветской России целостной государственно-правовой стратегии в отношении общественно-политических (в первую очередь — оппозиционных) объединений.

Проблема принятия закона о политических партиях появилась задолго до избрания I Думы. Впервые она встала перед новоизбранным Верховным Советом РСФСР (далее — ВС) летом 1990 г. Потребность в этом законе диктовалась не столько стремлением закрепить определенный правовой статус за различным общественно-политическим объединениям (которых, в общем-то, пока не было), сколько политической необходимостью делигитимации КПСС на территории суверенной республики². Однако получилось так, что «проблема КПСС» решилась гораздо быстрее, нежели российские депутаты подступились к закону о партиях, который после августа 91-го потерял актуальность³. Когда наконец законопроект был готов и представлен в Президиум ВС России, Р. Хасбулатов заявил: «...неужели об этих паразитах еще какие-то законы нужно принимать». Так, по свидетельству разработчиков, закон о партиях «был похоронен

² Волгин Е.И. Проблема департизации в России в начале 1990-х годов // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2014. № 4. С. 102–123.

³ Волгин Е.И. Проблемы разработки законодательства о политических партиях в РФ (1990–1993) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2017. № 5. С. 60–81.

в Верховном Совете навсегда»⁴. Проблема, разумеется, заключалась отнюдь не только в нежелании Хасбулатова тратить драгоценное время на принятие специального закона «об этих паразитах», а в том, что депутатам, всецело поглощенным борьбой с президентом, было явно не до *каких-то* партий, которые по-прежнему казались довольно эфемерными. Кроме того, в РФ действовал Закон СССР от 9 октября 1990 г. «Об общественных объединениях», который во многом решал вопрос правовой легитимации российских общественно-политических объединений.

Ситуация кардинально изменилась после 21 сентября 1993 г., когда Б.Н. Ельцин подписал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в РФ». Распуская прежний парламент, президент одновременно вводил в действие новое избирательное законодательство, даруя половину мест в будущей Думе политическим партиям⁵. Это автоматически повышало политическую значимость последних, но и предъявляло к ним особые требования. Поэтому прежний закон «Об общественных объединениях» уже не отвечал новым социально-политическим реалиям. Правоведы указывали на необходимость одновременно принятия закона о партиях вместе с новым Положением о выборах: «Однако в тогдашней напряженной политической обстановке было... не до того»⁶. Примечательно, но еще в самом начале осеннего политического кризиса 1993 г. Ельцин, вспомнив об отсутствии закона о партиях, издал указ, в котором рекомендовал будущему Федеральному Собранию разработать и принять соответствующий правовой акт не позднее 1 февраля 1994 г.⁷

В президентском окружении проблема обновления законодательства о партиях также получила определенный отклик. Г.А. Сатаров (помощник президента по взаимодействию с партиями) в январе 1994 г. предложил законодательно выделить партии в особую группу общественных организаций, участвующих в формировании власти⁸. Другой президентский советник, П. Филиппов, рекомендовал суще-

⁴ Государственная Дума Федерального Собрания РФ (далее — ГД ФС РФ). Стенограмма заседания от 4 октября 1995 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3019/> (дата обращения: 11.12.2018).

⁵ Володина С.В. Многопартийность как основа конституционного строя России. Дисс. ... канд. юр. наук. Саратов, 2015. С. 142.

⁶ Лапаева В.В. Становление многопартийности в России (Социально-правовой анализ) // Государство и право. 1995. № 8. С. 5.

⁷ Указ Президента РФ от 23 сентября 1993 г. № 1434 «О досрочных выборах Президента РФ» // САПП РФ. 1993. № 39. Ст. 3601.

⁸ Российская газета. 10 января 1994.

ственно ужесточить требования к партиям, дабы «покончить с гипертрофированной многопартийностью» и заставить политические силы объединиться «в три-четыре» крупные партии»⁹. Учитывая эти моменты, Б.Н. Ельцин в своем первом (после принятия Конституции) Послании (24 февраля 1994) обратил внимание новоизбранных депутатов на необходимость принятия «раздельных законодательных актов о партиях и об общественных организациях», дабы отделить политические структуры от неполитических¹⁰.

Разрабатывать закон о партиях предстояло новой Думе. Комиссия законодательных предложений при президенте под председательством первого зампреда нижней палаты парламента М.А. Митюкова придала ему приоритетное значение. Уже 19 января 1994 г. Митюков сообщил депутатам, что законопроект практически готов (что неудивительно, так как работа над ним велась уже более трех лет)¹¹. Непосредственной разработкой (или же доработкой) законопроекта занимался Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций (учрежден 20 января 1994 г.), который возглавил В.И. Зоркальцев (фракция КПРФ). Его замами, принявшими активное участие в законотворческой деятельности, стали В.А. Лепехин (Партия российского единства и согласия — ПРЕС), И.Б. Зубкевич (Демократическая партия России) и В.В. Савицкий («Выбор России») ¹². В комитет также вошли представители Аграрной партии России (АПР), ЛДПР, «Яблока», Национально-республиканской партии (всего 16 чел.)¹³.

Процесс подготовки закона о партиях держал «на особом контроле» Председатель I Думы И.П. Рыбкин¹⁴. В конце апреля 1994 г. он вместе с Председателем Совета Федерации В.Ф. Шумейко подписали «Договор об общественном согласии», в соответствии с которым Федеральное Собрание должно было принять закон о партиях в самое ближайшее время¹⁵.

12 апреля 1994 г. Совет Думы рассмотрел проект федерального закона о политических партиях. Концептуально этот документ (по

⁹ Россия. 16–22 февраля 1994; Коммерсантъ. 5 февраля 1994.

¹⁰ Российская газета. 25 февраля. 1994.

¹¹ ГД ФС РФ. Стенограмма заседания от 19 января 1994 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3251/> (дата обращения: 12.12.2018).

¹² Российская газета. 26 января 1994; Электронное периодическое издание «Политика». — URL: <http://www.politika.su/fs/gd1kom.html> (дата обращения: 25.10.2018).

¹³ Россия. 2–8 февраля 1994.

¹⁴ ГД ФС РФ. Стенограмма заседания от 11 марта 1994 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3229/> (дата обращения: 13.12.2018).

¹⁵ Известия. 30 апреля 1994.

сравнению с предыдущим проектом, разрабатываемым ВС) не изменился, однако произошла кристаллизация его отдельных положений. Так, например, более строго были определены требования к минимальной численности партии, а также количеству ее региональных отделений¹⁶. После рассмотрения законопроекта в Совете Думы он был направлен в парламентские комитеты, депутатские объединения, политические партии для подготовки предложений и замечаний¹⁷. После обобщения и анализа многочисленных предложений, поступивших от заинтересованных сторон, было решено вынести проект закона на пленарное заседание Думы в июле 1994 г.¹⁸

Кроме того, в мае 1994 г. профильный думский комитет провел пять «круглых столов», посвященных обсуждению закона о партиях¹⁹, в которых приняли участие российские академические институты, зарубежные эксперты, а также Минюст РФ и Общественная палата при президенте РФ²⁰.

Наиболее «щекотливым» вопросом дискуссии стала норма, предусматривавшая государственное финансирование партий. Одни считали, что государство целиком и полностью должно взять на себя спонсирование партий, правда при условии полного отказа последних от коммерческой деятельности и от получения денежных средств из иных источников. Однако такой подход неминуемо ставил партии в зависимость от государства, создав неравные условия для тех, кто уже получал господдержку, и новыми организациями. Кроме того, установление законодательного запрета на ведение коммерческой деятельности, особенно в условиях правового хаоса 1990-х, было несложно обойти. Другие эксперты, напротив, считали возможным ограничить финансирование партий лишь возмещением расходов на избирательные кампании и деятельность парламентских фракций, при этом (временно) разрешив им коммерческую деятельность «в полном объеме» на определенных условиях²¹.

¹⁶ Московские новости. 27 марта — 3 апреля. 1994.

¹⁷ ГД ФС РФ. Стенограмма заседания от 19 октября 1994 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3150/> (дата обращения: 19.12.2018).

¹⁸ ГД ФС РФ. Стенограмма заседания от 13 апреля 1994 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3215/> (дата обращения: 13.12.2018).

¹⁹ Независимая газета. 13 мая 1994.

²⁰ ГД ФС РФ. Стенограмма заседания от 19 октября 1994 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3150/> (дата обращения: 19.12.2018); Независимая газета. 13 мая 1994.

²¹ Дмитриев Ю.А. Политические права и свободы граждан в механизме реализации народовластия в РФ (на примере отдельных законопроектных работ) // Известия вузов. Правоведение. 1994 № 2. С. 23–24.

6 июля 1994 г. проект закона «О политических партиях» был представлен профильным комитетом в первом чтении²². По словам И.Б. Зубкевич, представлявшей закон, его основная задача состояла в том, чтобы, с одной стороны, стимулировать создание крупных политических партий, которые, «цивилизованно воздействуя» на органы власти, будут адекватно артикулировать общественные запросы, но при этом, с другой — обеспечить возможность для развития небольших объединений. Именно поэтому из документа на стадии разработки была исключена норма о минимальной численности партии, которая составляла не менее 5 тыс. членов. При этом в законопроекте сохранялось требование, согласно которому партия должна была иметь свои отделения более чем в половине субъектов Федерации численностью не менее 10 чел. в каждом. Что касается вопроса государственного финансирования политических объединений, то разработчики предусмотрели минимальное субсидирование лишь парламентских фракций тех партий, которые преодолели на выборах 5-процентный барьер.

В ходе парламентской дискуссии депутаты высказали ряд серьезных замечаний к документу. Так, О.О. Миронов (КПРФ) путем несложных вычислений показал, что, убрав из закона норму о минимальной численности партии, разработчики допустили для общественно-политической организации федерального уровня барьер всего в 450 членов. «Это при населении РФ около 150 млн... Не слишком ли это низкая норма?», — вопрошал член массовой (даже по меркам 1990-х) коммунистической партии, которого нисколько не смущал крайне либеральный подход в данном вопросе в зарубежном праве.

Другим законоположением, смутившим Миронова (и не его одного), стала норма, согласно которой политической партией признавалась организация, получившая на выборах поддержку более 5 % избирателей. Здесь депутат усмотрел некое логическое противоречие: «Для того, чтобы принимать участие в выборах, нужно быть партией, а не наоборот...» (согласно действующему на тот момент избирательному закону, последнее было вовсе не обязательно).

В.И. Тихонов (незарегистрированная депутатская группа «Российский путь») озвучил традиционное для левой оппозиции требование изъять из проекта содержащийся запрет на создание и деятельность партий, имеющих целью разжигание социальной розни. Ибо, по словам депутата, практически любую партию при желании можно было обвинить в подобных действиях. Отвечая на

²² ГД ФС РФ. Стенограмма заседания от 6 июля 1994 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3175/> (дата обращения: 14.12.2018).

эту претензию, Зубкевич сослалась на Конституцию, запрещающую деятельность общественных объединений, разжигающих социальную рознь.

Г.И. Кулик (АПР) заострил внимание на двух основных недостатках законопроекта. Во-первых, недопустимость в законодательном порядке определять срок полномочий руководящих органов партии (закон предусматривал не более трех лет), т.к. это вопрос сугубо внутрипартийной демократии. Второе, более серьезное замечание, требовало законодательно закрепить особые политические полномочия партии, победившей на выборах (например — право формировать правительство). Однако это предложение выходило за рамки самого закона и требовало конституционных поправок.

Наконец, Г.Г. Лукава (ЛДПР), отстаивая «государственнический» характер партий, возражал против содержавшегося в законе запрета на создание и деятельность парторганизаций в Вооруженных Силах и правоохранительных органах, актуализировав тем самым уже забытую тему департизации начала 1990-х.

Учитывая вышеизложенные замечания, законопроект не был принят в первом чтении. Либеральная пресса поспешила обвинить в этом коммунистов, которым не понравился все тот же запрет на разжигание социальной розни. Именно этот «рецидив большевизма», по мнению журналистов, привел к тому, что столь необходимый обществу законопроект был провален²³. Однако, учитывая характер высказанных депутатами замечаний, законопроект содержал достаточно серьезные недоработки. Кроме того, документ был «не совсем» провален, просто недобрал необходимого числа голосов²⁴. При этом парламентарии, сконцентрировавшись на сугубо «партийных» моментах законопроекта, упустили из виду некоторые важные детали, на которые впоследствии обратили внимание представители органов юстиции, разного рода общественники, отечественные и зарубежные эксперты²⁵.

Так, первый замминистра юстиции В.М. Кузьмин указал на необходимость исключить из возможных членов партии лиц без гражданства (первоначальный вариант закона допускал их членство). Он также посоветовал четко определить, что относится к символике партии, запретив последней использовать государственные символы.

²³ Коммерсантъ. 7 июля 1994.

²⁴ Проголосовали «за» — 154 чел. (34,2 %), «против» — 60 чел. (13,3 %), «воздержалось» — 15 чел. (3,3 %).

²⁵ Право и многопартийность в России. Сборник статей и материалов / Отв. ред. С.А. Боголюбов М., 1994. С. 113–117, 119–120, 122–125.

Кроме того, Кузьмин посчитал необходимым дополнить перечень документов, необходимых для регистрации партии, программными положениями, а также материалами, подтверждающими общероссийский статус партии. Замминистра также настаивал на том, чтобы предусмотреть право регистрирующего органа осуществлять (при необходимости) соответствующую проверку.

Совет Общественной палаты при президенте РФ, в свою очередь, предложил разработчикам не делить партии на общероссийские и региональные. Вопрос о том, на каком территориальном уровне действовать, партия должна была решать самостоятельно. Также предлагалось ограничить производственно-хозяйственную активность партии издательской и рекламной деятельностью (с использованием налоговых послаблений). Широкая хозяйственная деятельность могла уменьшить роль партий именно как общественно-политических объединений. Лишать же партии их правового статуса за неучастие в выборах было признано нецелесообразным, ибо это могло диктоваться тактическими соображениями или же бойкотом.

Целый ряд замечаний к законопроекту высказал Институт современной политики. Во-первых, предлагалось уравнивать в финансовых правах политические партии и иные виды общественных объединений (общефедеральные политические движения, массовые общественные объединения, преследующие политические цели). Ибо действующий на тот момент Закон СССР «Об общественных объединениях» запрещал партиям получать денежное и иное материальное вспомоществование из-за рубежа, что казалось не столь очевидным для иных видов общественно-политических ассоциаций. Во-вторых, говорилось о необходимости ограничить круг потенциальных участников парламентских выборов исключительно политическими партиями, признав таковыми любые общественные объединения, ставящие целью участие в электоральном процессе. В-третьих, высказывалась мысль о нецелесообразности существования региональных партий, распространяющих свою деятельность на несколько субъектов Федерации, т.к. было не вполне понятно, законодательством какого субъекта будет регулироваться их деятельность.

Эксперты Института высказали целый ряд более частных замечаний, как то: неясность вопроса о том, каким образом партии будут подтверждать свою численность и количество региональных отделений, отсутствие требования выборности и сменяемости партийного руководства, недопустимость дискриминации и ограничения приема в партию по ряду признаков, отсутствие запрета на

создание организаций на этнической, сословной или религиозной основе, недостаточно четкая процедура правовой легитимации в плане ответственности регистрирующего органа за формализм и волокиту, наконец, отсутствие в законопроекте переходных положений, которые должны были зафиксировать статус уже существующих партий и их необходимые действия после принятия данного закона. Серьезных уточнений требовали вопросы, связанные с партийной собственностью и правом партии заниматься коммерческой деятельностью.

Свои соображения к законопроекту высказал Международный фонд избирательных систем. Фонд призвал разработчиков не подходить столь критически к вопросу о возможности пребывания партийных ячеек на предприятиях и в коммерческих структурах (за исключением силовых и правоохранительных органов). Предъявлялись дополнительные требования к содержанию партийных уставов, где было необходимо четко указывать полномочия руководящего органа партии, порядок назначения и освобождения руководящих партийных работников, процедуру выдвижения кадров на замещение различных государственных постов. Ряд замечаний был высказан по вопросу финансовой дисциплины политической партии: особенно во время проведения избирательных компаний, а также при получении финансовых пожертвований или же занятия коммерческой деятельностью.

Несколько ремарок по отдельным законоположениям подготовила американский эксперт К. Лейхэм. Прежде всего, она также указала на недопустимость членства в российских партиях граждан других государств. Ибо данные общественно-политические институты являлись национальными формированиями и представляли точку зрения граждан страны (эта простая истина почему-то казалась очевидной для американского эксперта, но не для российских депутатов, упустивших этот момент). Во-вторых, Лейхэм обратила внимание на не вполне понятное положение о необходимости участия каждого члена партии в ее работе, тогда как конкретные формы этого участия не были раскрыты. В-третьих, эксперт высказала сомнение относительно минимальной численности учредителей партии (по закону — всего 10 человек). Такой порядок, по мнению Лейхэм, приведет к созданию сотен новых партий, которые размоют основы действительно крупных общественно-политических объединений, артикулирующих интересы больших групп населения. Затронула эксперт и проблему госфинансирования партий, посчитав, что при таком раскладе эти объединения могут стать «полугосударственными организациями» и потерять свою независимость.

Пока эксперты обсуждали законопроект, его рассмотрение переносилось на осеннюю сессию. 19 октября 1994 г. проект ФЗ «О политических партиях» повторно был представлен в первом чтении²⁶. Учитывая предыдущий неудачный опыт, И.Б. Зубкевич несколько изменила тактику. Коротко рассказав о законопроекте, прошедшем уже почти «четырёхлетнюю школу» и сообщив о работе над ошибками, она решила «слегка надавить» на депутатов, предупредив, что в случае повторного отклонения законопроекта, правой статус почти шестидесяти партий, зарегистрированных в Минюсте, окажется под вопросом (что едва ли соответствовало действительности).

Однако на депутатов такой прием не подействовал, и они вновь раскритиковали законопроект, повторяя прежние замечания и обнаруживая новые огрехи. Так, депутат В.С. Мартемьянов (КПРФ) заявил о необходимости предусмотреть в законопроекте дополнительные гарантии от противозаконных запретов партий. Е.В. Туинов (ЛДПР) просил уточнить, какой суд может приостанавливать и запрещать деятельность общероссийских политических партий. В.А. Никонов (ПРЕС) заявил, что документ целесообразно рассматривать лишь после принятия закона о выборах, иначе «мы ставим... телегу впереди лошади». Депутата О.О. Миронова (КПРФ), помимо крайне малой численности общероссийской партии, теперь смущало еще и то, что законопроект предусматривал право собственности политических партий на землю²⁷. Он вновь обратил внимание разработчиков на то, что закон (кроме земельного ресурса) не наделяет партии никакими дополнительными политическими возможностями. М.П. Бурлаков (ЛДПР) высказался против существования региональных политических партий: «Это что, специально направлено на разрушение целостности РФ?» Отвечая на это замечание, Зубкевич заметила, что процесс регионального партотгенеза имеет место в отдельных субъектах Федерации, где даже принимаются свои законы о партиях²⁸.

²⁶ ГД ФС РФ. Стенограмма заседания от 19 октября 1994 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3150/> (дата обращения: 18.12.2018).

²⁷ Однако этот пункт неожиданно защитил небезызвестный депутат В. Марычев, правда, весьма оригинальным способом: «Ну вот умер член партии — похоронить негде. Так что земля нужна, и партии нужна земля».

²⁸ Действительно, пока депутаты Госдумы бились над федеральным законом о партиях, их региональные коллеги ушли далеко вперед. Так, осенью 1994 г. был принят закон «О политических партиях Республики Башкортостан». Он устанавливал минимальную численность партии (не менее 500 чел.), а также запрещал одному и тому же лицу состоять в разных партиях (Независимая газета. 8 октября 1994).

Депутат К.Н. Панферов (фракция ЛДПР) обратил внимание на возможность членства в политической партии лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории РФ. «...На территории Москвы без гражданства проживают..., так называемые, лица кавказской национальности. Они имеют право организовать свою партию?» — вопрошал обеспокоенный представитель «национал-патриотического крыла». Однако, как выяснилось из разъяснений докладчика, речь вовсе не шла о лицах «кавказской национальности», с которыми, по словам Зубкевич, «у нас тоже много проблем». Допуская членство в партиях лиц без гражданства, разработчики, все-таки сохранившие после долгих раздумий эту норму, имели в виду соотечественников (т.е. русских), тысячами прибывавших в те годы в Россию из стран ближнего зарубежья, но не получавших в одночасье гражданства.

Судя по характеру замечаний, высказанных во время повторного обсуждения законопроекта, последний имел мало шансов на прохождение. Н.М. Харитонов (АПП) предложил вообще прекратить обсуждение федерального закона о партиях, так как «над ним надо работать». Как видно из стенограммы, больше всех «усердствовали» члены фракции ЛДПР²⁹, хотя, по свидетельству Зубкевич, с момента отклонения закона в первом чтении от парламентских фракций, в том числе от жириновцев, не поступило ни единого замечания. Понимая, что депутаты вновь могут «провалить» законопроект, Зубкевич попросила председателя поставить документ на поименное голосование, дабы вся ответственность за непринятие столь необходимого нормативного акта легла не на разработчиков, а на депутатов. Однако попытка столь откровенного давления на парламентариев вызвала обратную реакцию: депутаты вновь отклонили законопроект, причем число голосов «против» «во втором первом чтении» заметно увеличилось (с 60 до 107)³⁰.

Итак, в течение 1994 г. Федеральный закон «О политических партиях» не был одобрен даже в первом чтении. «Закон о партиях умирает, не родившись», — писала российская пресса³¹. Как утверждала парламентская журналистика, основным камнем преткновения

²⁹ И это неудивительно, ибо жириновцы, избрав в 1994 г. Владимира Вольфовича своим бессменным лидером вплоть до 2004 г., весьма болезненно воспринимали норму, устанавливавшую трехлетний срок полномочий руководящих органов партии.

³⁰ Проголосовало «за» — 126 чел. (28,0 %), «против» — 107 чел. (23,8%), «воздержалось» — 32 чел. (7,1 %), не голосовало 185 чел.

³¹ Коммерсантъ. 4 февраля 1995.

выступали разногласия между думскими демократами и коммунистами по вопросам государственного финансирования партий и принципа их строения. Представители КПрФ якобы отстаивали именно производственно-территориальный принцип. Однако материалы парламентских слушаний доказывают, что эта проблема не была основной в дискуссии, хотя, возможно, вполне могла иметь имплицитный характер. Ибо, действительно, представленный законопроект запрещал создание и деятельность «первичек» в силовых и правоохранительных структурах, а также в органах государственной власти и местного самоуправления (за исключением легислатур), однако ничего не говорил о департизации производственной сферы (государственной или частной). Поэтому демократы опасались, что коммунисты после принятия закона начнут действовать по принципу «разрешено всё, что не запрещено», т.е. начнут новую партизацию предприятий, а известные президентские указы «о департизации» 1991 г. утратят юридическую силу.

Что же касается вопроса о финансировании партий за счет бюджета, то эту идею, по словам СМИ, горячо отстаивали партии, «считающие себя бедными — коммунисты, аграрии и либерал-демократы». Что же касается «настоящих» либерал-демократов, то сама идея государственной финансовой поддержки жириновцев представлялась им просто чудовищной. Не выступая в принципе против подобной практики, демократы считали госфинансирование партий в тяжелых социально-экономических условиях несвоевременным и аморальным.

Некоторые правоведы, в свою очередь, считали, что основной причиной «пробуксовки» закона в Думе стали отнюдь не какие-то отдельные его недостатки и недоработки, многие из которых были заметно сглажены к новому парламентскому слушанию. Дело в том, что сам по себе этот акт, призванный упорядочить и систематизировать практически бесконтрольную деятельность многочисленных общественно-политических формирований, оказался явно «не ко двору», особенно в преддверии парламентских выборов 1995 г.³²

Действительно, в 1994–1995 гг. депутаты приняли новое избирательное законодательство, которое наделяло правом выдвигать кандидатов практически любое общероссийское общественное объединение, устав которого предусматривал участие в выборах. В результате в парламентских выборах 1995 г. могли принять участие

³² Лапаева В.В. Указ. соч. С. 6; Веденеев Ю.А. Политические партии в избирательном процессе: правовые иллюзии и юридическая реальность // Государство и право. 1995. № 7. С. 23.

257 федеральных общественных объединений (не считая профсоюзов), лишь 58 из которых являлись политическими партиями³³. Таким образом, новые избирательные законы вместо того, чтобы наделить политические партии особым (если не исключительным) электоральным статусом, по словам секретаря ЦИК А.А. Вишнякова, напротив, растворили их в весьма общем понятии «избирательные объединения»³⁴. Однако на этом «правовое унижение» российских партий не закончилось. В мае 1995 г. вступил в силу рамочный закон «Об общественных объединениях»³⁵, где понятие «политическая партия» попросту отсутствовало. Разумеется, этот пробел вовсе не являлся результатом злого умысла законодателя, а был связан как раз с одновременной разработкой специального закона о партиях. До его принятия законодатель решил пролонгировать действие отдельных статей закона СССР «Об общественных объединениях», которые касались партий. Так, общероссийская партия должна была насчитывать в своих рядах не менее 5 тыс. членов (коллективное членство в партиях запрещалось) — граждан РФ (исключая иностранцев и лиц без гражданства). Однако оставалось не вполне понятно, чем «заслужили» подобные ограничения именно политические партии, правовой статус которых, если исходить из российского законодательства первой половины 1990-х гг., практически ничем не отличался от положения иных общественных объединений. Предыдущий союзный акт четко увязывал партии с участием в политической жизни общества (формированием органов власти, выдвижением кандидатов на выборах и т.д.). В новых российских законах (1994–1995 гг.) эта главная особенность партий не прослеживалась. А коли так, то все ограничения, которые налагало на них законодательство, носили дискриминационный характер.

Последней попыткой (до выборов 1995 г.) подчеркнуть особый правовой статус партий мог стать, опять же, соответствующий закон. Однако, как писали СМИ: «Законопроект в тупике, судьба его неясна, а отдельные партийные эксперты договорились до того, что предлагают принять этот закон самому президенту, ибо сами

³³ Вестник Центральной избирательной комиссии. 1995. № 4. С. 82–88 (при расчете количества партий не учитывались такие общеизвестные российские «партии», как Всероссийское общественно-политическое движение «Наш дом — Россия» или Общественное объединение «Яблоко» в силу того, что эти организации не являлись партиями в формально-правовом отношении).

³⁴ Российская Федерация. 1995. № 18. С. 16.

³⁵ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

утонули в бесконечном фракционно-групповом противоборстве»³⁶. В конце 1994 г. Б.Н. Ельцин планировал выступить инициатором принятия закона о политических партиях, однако впоследствии отказался от этой идеи, доверив основную работу депутатам. При этом Государственно-правовое управление Администрации президента держало руку на пульсе. Так, летом 1995 г. президент в официальном письме на имя И. Рыбкина обратил внимание на то, что готовящийся депутатами закон «О политических партиях» нуждается «в очень серьезной доработке, без которой его подписание не представляется возможным»³⁷.

Данное послание президента депутатам свидетельствовало о том, что последние все-таки не оставляли надежду принять закон до окончания полномочий I Думы. Действительно, 21 июля 1995 г., т.е. ровно через год с момента своего первого рассмотрения, проект Федерального закона «О политических партиях» вновь был вынесен на суд нижней палаты³⁸. Однако теперь ситуация осложнялась тем, что в мае 1995 г. вступил в силу закон «Об общественных объединениях», поставивший, по словам Зубкевич, партии в сложное правовое положение (о чем мы писали выше). Кроме того, закон «Об общественных объединениях» устанавливал минимальную численность общероссийского общественного формирования на уровне 5 тыс. чел. Разработчики закона «О политических партиях» по-прежнему отказывались вводить аналогичный критерий для соответствующих организаций.

Вторая коллизия касалась возможности внесения пожертвований от иностранных юридических и физических лиц в партийные кассы. Советский закон «Об общественных объединениях» однозначно запрещал партиям и массовым общественным движениям, преследующим политические цели, получать финансовую и иную материальную помощь от иностранных государств, организаций и граждан. Однако данная статья (вместе с советским законом) утратила силу после принятия ФЗ РФ «Об общественных объединениях». Новый российский акт также запрещал политическим партиям и общественным объединениям, уставы которых предусматривали участие в выборах, получать денежную и иную материальную помощь от иностранных физических и юридических лиц, но лишь на финансирование своих электоральных кампаний. Однако политическая

³⁶ Россия. 31 мая — 6 июня 1995.

³⁷ Российские вести. 1995. № 188.

³⁸ ГД ФС РФ. Стенограмма заседания от 21 июля 1995 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3022/> (дата обращения: 23.12.2018).

деятельность, как известно, отнюдь не ограничивается участием в выборах, а потому российский законодатель открывал возможность участия иностранного капитала в российской политике. «Здесь... очевиден “прокол” — помощь может быть не на выборы, а “вообще помощь”», — отмечали критики нового закона «Об общественных объединениях» еще на стадии его разработки³⁹. Готовящийся к принятию закон «О политических партиях» однозначно запрещал политическим партиям получать пожертвования от иностранных государств, иностранных граждан и юридических лиц независимо от целевых расходов.

На этот раз депутаты отнеслись к законопроекту благосклонно, утвердив его в первом чтении единогласно и практически без обсуждения⁴⁰. Парламентарии приняли к сведению информацию разработчиков о том, что последние постарались максимально учесть все замечания. Особо хвалили законопроект «жириновцы»: членам «вождистской» партии явно нравилось, что его авторы отказались от «чрезмерной» регламентации внутрипартийной жизни, предусматривавшей периодическое обновление партийного руководства. 21 июля 1995 г. Дума решила направить одобренный законопроект президенту и правительству РФ, в Совет Федерации, в думские комитеты и комиссии, депутатские объединения, а также в региональные legislatures для внесения поправок (до 10 сентября 1995 г.). Профильному комитету поручалось доработать законопроект с учетом поступивших поправок и внести его на рассмотрение Госдумы во втором чтении⁴¹.

После этого процесс принятия закона о политических партиях фактически вышел на финишную прямую. Однако 22 ноября 1995 г., в ходе второго чтения, вновь произошел сбой. Неожиданной критике со стороны А.И. Лукьянова (КПРФ) подверглась норма, согласно которой учредителями политической партии могли выступить всего 10 человек. Депутат предложил увеличить число учредителей до 100 человек. И.П. Рыбкин был готов поддержать данную поправку, которая, однако, при практически единогласном одобрении не набрала необходимого числа голосов «за»⁴². «Я чувствую, что дело наше

³⁹ Ашкинази Л. Начнем с логики текста... // Правозащитник. 1995. № 2. С. 77.

⁴⁰ Проголосовали «за» все 262 депутата, присутствовавших на заседании, при отсутствии голосов «против» или «воздержавшихся».

⁴¹ СЗ РФ. 1995. № 32. Ст. 3282.

⁴² «За» проголосовало 197 чел. (43,8 %) при отсутствии проголосовавших «против» и 4-х «воздержавшихся». ГД ФС РФ. Стенограмма заседания от 22 ноября 1995 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3008/> (дата обращения 23.12.2018).

снова безнадежно», — заметил после голосования Рыбкин и зачем-то вообще отложил рассмотрение законопроекта во втором чтении в целом. Спикер обещал вернуться к нему на вечернем заседании, но так и не вернулся. Попытка Зубкевич включить закон в повестку на заседании 24 ноября 1995 г. не увенчалась успехом⁴³.

8 декабря 1995 г., в предпоследний день работы Думы, когда законы шли «валом» (на обсуждение было вынесено более 70 законопроектов, многие из которых числились в «непроходных») ⁴⁴, Рыбкин поставил на голосование проект ФЗ «О политических партиях» сразу в третьем, окончательном чтении (при этом никто не заметил, что полноценного второго чтения документа так и не состоялось) ⁴⁵. Но это было не единственным нарушением регламента. Второй «накладкой» стало внесение в законопроект поправок уже в ходе третьего чтения, когда это в принципе было запрещено регламентом (ч. 2, ст. 115) ⁴⁶. Ее инициатором вновь выступил А.И. Лукьянов, и касалась она все той же «минимальной численности тех людей, которые могут заявить о создании партии в одном из субъектов Федерации». Депутат вновь предложил увеличить эту цифру до 100 человек. Речь шла именно о минимальной численности учредителей партии, а не о минимальной численности партии вообще.

И.Б. Зубкевич, помня, что эта инициатива Лукьянова ранее «запорола» второе чтение, судя по всему, решила прибегнуть к небольшой парламентской хитрости. Как бы поддерживая Лукьянова, она заявила, что, действительно, от региональных заксобраний в профильный комитет поступило несколько предложений, в соответствии с которыми «первоначальная численность» (правда не понятно, чья именно) может колебаться от 50 до 100 человек. Затем она предложила депутатам решить этот вопрос путем рейтингового голосования. При этом Ирина Борисовна (осознанно или нет — другой вопрос) исказила смысл предложения Лукьянова, подменив тезис о минимальной численности учредителей партии тезисом о минимальной численности регионального отделения общерос-

⁴³ ГД ФС РФ. Стенограмма заседания от 24 ноября 1995 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3007/> (дата обращения: 23.12.2018).

⁴⁴ Коммерсантъ. 9 декабря 1995.

⁴⁵ ГД ФС РФ. Стенограмма заседания от 8 декабря 1995 г. — URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3004/> (дата обращения: 24.12.2018).

⁴⁶ Постановление ГД ФС РФ от 25 марта 1994 г. «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания — Парламента РФ». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=217209#0002930682740531097> (дата обращения: 30.12.2018).

сийской партии. Далее, сославшись на недавно принятый ФЗ «Об общественных объединениях», который устанавливал планку на уровне 5 тыс., а потому изрядно раздражал партийных активистов, Зубкевич заявила: «Этот... архаизм сегодня просто не может существовать...». В ходе рейтингового голосования победила цифра 100, хотя депутаты, судя по всему, сами до конца не понимали, за что именно голосуют.

После того, как этот, последний нюанс, был улажен, спикер поставил на голосование закон в целом и тот был поддержан практически единогласно⁴⁷. Рыбкин поздравил разработчиков с принятием этого «многострадального закона». Теперь закону предстояло пройти одобрение в Совете Федерации, где его перспективы выглядели отнюдь не блестящими. Напомним, что верхняя палата, применив «фигуру умолчания»⁴⁸, не рассматривала в свое время закон «Об общественных объединениях», и тот получил поддержку президента без «визы» Совфеда. Совет Федерации первого созыва включил рассмотрение закона о партиях в повестку дня своих последних заседаний в декабре 1995 г.⁴⁹ Депутаты отмечали, что вопрос этот весьма сложный, и замечаний к закону «очень много»⁵⁰. Однако СФ первого созыва так и не успел рассмотреть этот документ и тот «по наследству» достался сенаторам, сформировавшим в начале 1996 г. верхнюю палату по новым правилам. 7 февраля 1996 г. обновленный Совфед рассмотрел ФЗ «О политических партиях»⁵¹. Докладчиком выступил В.М. Платонов (председатель Мосгордумы), который подверг закон критике, указав на несколько основных недостатков. Во-первых, в законе содержался запрет на создание и деятельность партийных ячеек в правоохранительных органах, но ничего не говорилось о судах, которые, по замечанию докладчика, относятся к правоприменительным органам (это замечание едва ли носило обоснованный характер, ибо и действующий закон «О политических партиях» не содержит подобной диверсификации). Во-вторых, Платонов указал на то, что порядок внутрипартийной жизни не

⁴⁷ Проголосовало «за» — 239 чел. (53 %), «против» — 9 чел. (2 %), «воздержалось» — 2 чел. (0,4 %), не голосовало 203 чел.

⁴⁸ Козлова Е. Вступая в ряды // Человек и закон. 1995. № 9. С. 54.

⁴⁹ Постановление СФ ФС РФ от 19 декабря 1995 г. № 741-І СФ «О повестке дня тридцать второго заседания СФ» // СЗ РФ. 1995. № 52. Ст. 5116.

⁵⁰ Стенограмма 32-го заседания Совета Федерации Федерального Собрания РФ (далее — СФ ФС РФ). 19–20 декабря 1995 г. — URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/?date=02.01.1996> (дата обращения: 25.12.2018).

⁵¹ Стенограмма 2-го заседания СФ ФС РФ. 6–7 февраля 1996 г. — URL: <http://www.council.gov.ru/activity/meetings/?date=12.02.1996> (дата обращения: 25.12.2018).

должен ограничивать права и свободы человека и гражданина (при этом он никак не конкретизировал свое замечание). И, наконец, докладчик обратил внимание на необходимость внесения в закон нормы, согласно которой предусмотренный порядок госрегистрации действует лишь до вступления в силу ФЗ о государственной регистрации юридических лиц. Это замечание может показаться более чем странным, так как эта норма содержалась в представленном документе (ч. 22, ст. 9)⁵².

На основании высказанных замечаний Платонов предложил верхней палате отклонить данный закон и вернуть его на доработку в Госдуму. Члены Совфеда, не открывая прений, подавляющим большинством проголосовали за отклонение закона «О политических партиях»⁵³. Так в одночасье сенаторы свели на нет почти пятилетний труд своих бывших и нынешних коллег⁵⁴.

Но так ли на самом деле был плох утвержденный Госдумой акт? Судя по высказанным замечаниям, выявленные недоработки не носили столь «фатального» характера. Очевидно, сказалась общая «корпоративистская» направленность нового Совфеда, представители которого никогда особо не жаловали политические партии. Но что конкретно могло встревожить регионалов? Не вдаваясь в детальный анализ закона, отметим, что определенное неприятие членов Совета Федерации могли вызвать следующие положения.

Во-первых, закон предоставлял право политическим партиям создавать партийные фракции и депутатские группы в законодательных органах власти (ч. 4, ст. 12). Это вполне могло подорвать непартийный характер Совфеда. Вслед за появлением многопартийной Думы перспектива партизации и политизации Совфеда, ставшего с 1996 г. «корпорацией региональных начальников», едва ли устраивала сенаторов, занятых больше лоббистской, но не партийно-политической деятельностью.

Во-вторых, закон все-таки предусматривал государственное финансирование политических партий. Причем субсидирование межрегиональных и региональных организаций должно было осуществляться «исходя из возможностей бюджетов соответствующих субъектов РФ» (ч. 2, ст. 18). Это неминуемо накладывало дополни-

⁵² Федеральный закон «О политических партиях». Принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г. — URL: http://www.democracy.ru/x-files/partylaw/partylaw1995.html#P19_670 (дата обращения: 25.12.2018).

⁵³ За отклонение закона проголосовало 102 члена СФ (57,3 %), «против» — 14 чел. (7,9 %), «воздержалось» 4 чел. (2,2 %), не голосовало 58 чел.

⁵⁴ СЗ РФ. 1996. № 8. Ст. 709.

тельную нагрузку на региональные бюджеты, что в условиях перманентного социально-экономического кризиса и дотационности большинства регионов едва ли вызывало восторг губернаторов, которым, помимо нефинансируемых федеральных мандатов, теперь пришлось бы еще содержать у себя политическую оппозицию.

Наконец, третий аспект был связан с выборами. Как известно, сенаторы выступали категорически против смешанной избирательной системы, которая закрепляла за представителями партий половину мест в нижней палате парламента. Во время обсуждения ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы...» в 1994–1995 гг. члены Совфеда отчаянно требовали снизить «партийную квоту» для представителей избирательных объединений (а в идеале — полностью перейти на мажоритарную систему, которая давала региональному начальству бóльшие возможности для контроля над кандидатами)⁵⁵. Утверждение же закона о партиях делало любые дальнейшие попытки скорректировать избирательную систему в сторону увеличения квоты для кандидатов-одномандатников (не говоря уже о полной отмене выборов по партийным спискам) крайне затруднительными.

Таким образом, именно эти аспекты, оставшиеся «за кадром», заставили сенаторов заблокировать «неудобный» для них закон. Лишь в ноябре 1996 г. Совфед, по предложению Думы, сформировал согласительную комиссию. Однако ее деятельность не принесла результатов. В декабре 2000 г. комиссия была распущена «ввиду нецелесообразности дальнейшей работы над данным законопроектом»⁵⁶. Казалось, что вопрос о принятии закона о политических партиях окончательно снят с повестки дня российским парламентом.

Итак, I Дума за два года работы успела принять 462 закона, 282 из которых были подписаны президентом и вступили в силу⁵⁷. Однако в их числе не оказалось закона «О политических партиях». И это при том, что по сравнению с другими данный нормативный акт отнюдь не являлся особо дискуссионным и труднопроходимым. Гораздо

⁵⁵ Волгин Е.И. Закон о выборах депутатов Государственной Думы 1995 г. как предмет парламентской дискуссии // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2019. № 3. С. 102–122.

⁵⁶ Кочкина Е.В. К вопросу о российском законодательстве, выборах и политических партиях // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н.М. Степанова и др. СПб., 2003. С. 991. — URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/kochkina1.htm> (дата обращения: 26.12.2018).

⁵⁷ Парламентаризм в России. Федеральное Собрание 1994–1995 гг. V Государственная Дума, Совет Федерации / Под общ. ред. С.А. Миндюяца. М., 1996. С. 5–7, 31–32.

сложнее проходило утверждение законов о выборах депутатов Госдумы или о формировании Совета Федерации, когда между палатами Федерального Собрания развернулось настоящее противостояние. Тем не менее, эти законы были одобрены палатами в установленные сроки и подписаны президентом. Немаловажную роль здесь сыграло совпадение интересов различных политических акторов, которые несмотря на ряд тактических разногласий были крайне заинтересованы в своевременном принятии законодательных норм, от которых зависело их политическое будущее.

Чего нельзя сказать про закон о партиях. Как показала вялотекущая парламентская дискуссия, партийный истеблишмент, получивший представительство в Госдуме благодаря избирательной реформе Б.Н. Ельцина 1993 г. и планировавший укрепить свои позиции на предстоящих выборах, не был особенно заинтересован в законе, который не давал каких-то эксклюзивных привилегий партиям, но вполне мог быть использован для политического давления на эти объединения (что и произошло в 2000-е гг.). А региональное начальство, никогда не жаловавшее федеральные партии, особо не вникая в текст документа (о чем свидетельствуют достаточно поверхностные замечания Совфеда), усмотрело в документе угрозу для возможного усиления позиций политических конкурентов в своих «электоральных вотчинах».

Но даже если предположить, что закон о партиях все-таки был принят, он вряд ли смог позитивно повлиять на процесс российского партогенеза. Ибо практически всё то, что декларировал этот документ, и без того, в той или иной мере, уже было гарантировано российским законодательством. Осмелимся даже предположить, что вступил закон в силу, он неминуемо вошел бы в противоречие с законами «Об основных гарантиях избирательных прав...», «Об общественных объединениях», «О выборах депутатов...» и т.д. Данное обстоятельство потребовало бы дальнейшей скрупулезной законодательной работы по приведению вышеназванных законов в соответствие с новым «партийным актом». Однако в условиях резкого обострения противостояния между «красной» Думой и президентом во второй половине 1990-х гг., когда нижняя палата оказалась всецело поглощена множеством других острых проблем, депутаты едва ли стали бы заниматься подобными вещами. Этим объясняется достаточно пассивная реакция депутатов II Думы на вето Совета Федерации, а также тот факт, что парламентарии не педалировали принятие известного акта вплоть до конца 1990-х гг., предпочитая совершенствовать рамочный закон РФ «Об общественных объединениях», а также избирательное законодательство.

References

Ashkinazi L. *Nachnem s logiki teksta...* [Let's Start with the Logic of the Text...] // *Pravozashchitnik*. 1995. № 2, p. 77–78.

Aver'yanov A.N., Vasetskiy N.A., Malov Yu.K. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O politicheskikh partiyakh"* [Commentary on Federal Law "On Political Parties"]. Moscow: Yurayt, 2003. 253 p.

Baburin S.N., Malumov A.Yu., Spiridonov A.A. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O politicheskikh partiyakh" ot 11 iyulya 2001 g. № 95-FZ: (v redaktsii Federal'nogo zakona ot 26 aprelya 2007 g. № 64-FZ: postateynnyy)* [Commentary to Federal Law "On Political Parties" dated July 11, 2001 № 95-F3: (as amended by the Federal Law dated April 26, 2007 № 64-FZ: article-by-article)]. Moscow: Yustitsinform, 2008. 239 p.

Dmitriyev Yu.A. *Politicheskiye prava i svobody grazhdan v mekhanizme realizatsii narodovlastiya v RF (na primere otdel'nykh zakonoproektnykh rabot)* [Political Rights and Freedoms of Citizens in the Mechanism of the Implementation of Democracy in the Russian Federation (Cases of Separate Legislative Drafts)] // *Izvestiya vuzov. Pravovedeniye*. 1994. № 2, p. 16–24.

Fedorinov E.I. *Zakon "O politicheskikh partiyakh" i tendentsii razvitiya mnogopartiynosti v RF* [The Law "On Political Parties" and Trends in the Development of a Multi-party System in the Russian Federation] // *Rossiya v kontekste mirovoy istorii: Sb. nauchnykh statey* [Russia in the Context of World History: Collected Academic Papers]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 2003, p. 105–118.

Kochkina E.V. *K voprosu o rossiyskom zakonodatel'stve, vyborakh i politicheskikh partiyakh* [On the Issue of Russian Legislation, Elections and Political Parties] // *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh system* [Gender Reconstruction of Political Systems] / Ed. by N.M. Stepanov et al. Saint Petersburg: ISPG-Aleteya, 2003, p. 657–676.

Kozlova E. *Vstupaya v ryady* [Joining the Ranks] // *Chelovek i zakon*. 1995. № 9, p. 52–56.

Kurochkin A.V. *Pravovaya instutualizatsiya politicheskikh partiy v postsovetskoy Rossii* [Legal Institutionalization of Political Parties in Post-Soviet Russia] // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2016. Vol. 8. № 1/1, p. 79–86.

Lapayeva V.V. *Stanovleniye mnogopartiynosti v Rossii (Sotsial'no-pravovoy analiz)* [The Formation of a Multi-party System in Russia (Socio-Legal Analysis)] // *Gosudarstvo i pravo*. 1995. № 8, p. 3–13.

Levshukov-Engelgardt A.B. *O deystvuyushchey Konstitutsii i politicheskikh partiyakh v Rossii* [On the Current Constitution and Political Parties in Russia]. Moscow: [S. e.], 2003. 18 p.

Malyy D.A. *Konstitutsionnoye pravo na ob'yedineniye v RF* [The Constitutional Right of Association in the Russian Federation]. Saint Petersburg: Yuridicheskyy tsentr Press, 2003. 431 p.

Mamedov Kh.A. *Zakon o partiyakh i problema mnogopartiynosti v RF* [The Law on Parties and the Problem of Multi-Party System in the Russian Federation]. Orenburg: Soyuz-A, 2014. 100 p.

Parlamentarizm v Rossii. Federal'noye Sobraniye 1994–1995 gg. V Gosudarstvennaya Duma, Sovet Federatsii [Parliamentarism in Russia. Federal

Assembly 1994–1995. V State Duma, Federation Council] / Ed. by S.A. Mndoyants. Moscow: Fond razvitiya parlamentarizma v Rossii, 1996. 240 p.

Pravo i mnogopartiynost' v Rossii. Sbornik statey i materialov [Law and Multi-Party System in Russia. Collection of Articles and Materials] / Ed. by S.A. Bogolyubov. Moscow: Yustitsinform, 1994. 128 p.

Vasilik M.A. *Federal'nyy zakon "O politicheskikh partiyaikh" i budushcheye mnogopartiynoy sistemy v Rossii* [Federal Law "On Political Parties" and the Future of a Multi-Party System in Russia] // *Aktual'nyye problemy sovremennoy politicheskoy nauki* [Current Issues of Contemporary Political Science]. Saint Petersburg.: Izdatel'stvo SPbGPU, 2002, p. 173–175.

Vedeneyev Yu.A. *Politicheskiye partii v izbiratel'nom protsesse: pravovyye illyuzii i yuridicheskaya real'nost'* [Political Parties in the Election Process: Legal Illusions and Legal Reality] // *Gosudarstvo i pravo*. 1995. № 7, p. 19–28.

Volgin E.I. *Problema departizatsii v Rossii v nachale 1990-kh godov* [The Problem of Departization in Russia in the Early 1990s] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 8: *Istoriya*. 2014. № 4, p. 102–123.

Volgin E.I. *Problemy razrabotki zakonodatel'stva o politicheskikh partiyaikh v RF (1990–1993)* [The Problems of Developing Legislation on Political Parties in the Russian Federation (1990–1993)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 8: *Istoriya*. 2017. № 5, p. 60–81.

Volgin E.I. *Zakon o vyborakh deputatov Gosudarstvennoy Dumy 1995 g. kak predmet parlamentskoy diskussii* [The Law on the Election of Deputies of the 1995 State Duma as Subject of Parliamentary Discussion] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 21: *Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2019. № 3, p. 102–122.

Volodina S.V. *Mnogopartiynost' kak osnova konstitutsionnogo stroya Rossii* [A Multi-Party System as the Basis of the Constitutional Order of Russia]. PhD Candidate in Jurisprudence Diss. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2015. 180 p.

Zaslavskiy S.E., Lapayeva V.V., Solov'yeva S.V., Shut'ko D.V. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O politicheskikh partiyaikh"* [Commentary on Federal Law on Political Parties]. Moscow: Yurinformtsentr, 2002. 249 p.

Поступила в редакцию
20 января 2019 г.

Д.И. Фролов*

**МОЛОКАНЕ ТАМБОВЩИНЫ в 1990-2010-е гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

D.I. Frolov

**MOLOKANS OF THE TAMBOV REGION IN THE 1990s–2010s
(BASED ON FIELD RESEARCH)**

Аннотация: Движение духовных христиан молокан на Тамбовщине в 1990–2010-е гг. претерпело большие изменения. Цель данного исследования — анализ исторической перспективы развития движения в регионе. Со времени экспедиций Института истории АН СССР в 1959–1960 гг. общее изучение молокан Тамбовского региона не проводилось, имели место лишь локальные исследования отдельных молоканских общин, например в г. Рассказово. Стоит отметить, что тема старого русского сектантства до сих пор относится к числу мало разработанных в отечественной историографии. Данная работа основана на материалах полевых исследований, которые автор проводил в 2017 и 2019 гг. Расцвет молоканского движения на Тамбовщине пришелся на первую половину XIX в. На рубеже XIX–XX вв. молоканство испытывает кризис, численность молокан постепенно снижается, что происходит на фоне распространения баптизма. В советский период молоканское движение в регионе переживает упадок, большинство молоканских общин исчезает. В 1990–2010-е гг. в Тамбовской области существовали три немногочисленные молоканские общины: в Тамбове, Уварово и Рассказово. Расцвет их деятельности пришелся на 1999–2010 гг., когда молоканами проводились съезды, велось активное общение между общинами, выходили самиздатовские журналы. Сегодня из трех общин сохранились две: в Тамбове и Уварово. Однако отсутствие активных и молодых членов в этих общинах не позволяет говорить о каких-то дальнейших их перспективах. Тем не менее, указанными общинами поддерживаются духовные и обрядовые традиции молоканства. В селах, где общинная жизнь прекратилась в советский период, молоканская традиция деградировала до отдельных религиозных практик, связанных преимущественно с погребением и поминовением умерших. Это позволяет сделать вывод о

* Фролов Дмитрий Игоревич, аспирант кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Frolov Dmitriy Igorevich, PhD Student, Department of Church History, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University
+7-916-954-61-35; frolovmol@mail.ru

важности для молокан общинной жизни и воскресных богослужебных собраний. По мнению автора, упадок молоканства Тамбовщины в наши дни связан в первую очередь с отсутствием активных членов общин, отсутствием внутренней и внешней молоканской проповеди, неспособностью заинтересовать молодежь молоканским учением.

Ключевые слова: духовные христиане, русское сектантство, молоканское движение, Тамбовская область, религиозные группы, история Церкви.

Abstract. The movement of spiritual Christians-Molokans in the Tambov region in the 1990s–2010s underwent major changes. The objective of this study is to analyze the historical prospects for the development of this movement in the region in question. There has been no general study of Molokans of the Tambov region since the expeditions of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in 1959–1960; only local studies of individual Molokan communities were attempted, for example, in the town of Rasskazovo. The topic of the old Russian sectarianism still needs further research. This work is based on the field research that the author conducted in 2017 and 2019. The heyday of the Molokan movement in the Tambov region fell on the first half of the 19th century. At the turn of the 19th century, Molokanism experienced a crisis while the number of Molokans was gradually decreasing in the context of spreading baptism. During the Soviet period, the Molokan movement in the region was in decline and most of the Molokan communities disappeared. In the 1990s–2010s there were three small Molokan communities in the Tambov region — in Tambov, Uvarovo and Rasskazovo. They flourished in 1999–2010, when the Molokans held congresses and active communication between the communities, and published Samizdat magazines. Nowadays, two of the three communities — in Tambov and Uvarovo — have survived. However, the absence of active and young members promises them no prospect. Nevertheless, these communities cultivate the spiritual and ritual traditions of Molokanism. In villages where communal life ceased during the Soviet period, the Molokan tradition degraded to separate religious practices, mainly related to the burial and commemoration of the dead. This allows concluding the importance of community life and Sunday liturgical gatherings for Molokans. The decline of the present-day Tambov Molokanism is primarily due to the lack of active community members, lack of internal and external Molokan preaching, and inability to interest young people in Molokan teaching.

Keywords: spiritual Christians, Russian sectarianism, Molokan movement, Tambov region, religious groups, Church history.

* * *

Тамбовская губерния во второй половине XVIII в. стала местом формирования двух народных, оппозиционных официальному православию движений — духоборчества и молоканства. Последнему из них было суждено стать самым массовым сектантским движением в истории Российской империи. Его расцвет пришелся на первую

половину XIX в.¹ Однако уже на рубеже XIX–XX вв. молоканство начало уступать свое место баптизму и другим формам протестантизма. Советский период и вовсе стал временем исчезновения большинства молоканских общин на территории России, в том числе Тамбовщины. Сегодня крупные молоканские «собрания» (общины) России образованы преимущественно переселенцами, вернувшимися из Закавказья.

Вопрос о современном состоянии молоканского религиозного движения на его исторической родине Тамбовщине, не поднимался в отечественной науке. Да и история молоканства в целом является слабо разработанной проблемой, что обуславливает актуальность ее изучения.

В данной статье мы будем использовать термины «молоканское религиозное движение», «молоканское движение», «молоканство». На наш взгляд, термин «секта» в современном русском языке обрел негативную коннотацию, поэтому использовать его корректно лишь в историческом контексте, например, говоря о сектах в Российской империи, т. е. о христианских религиозных группах и движениях, оппозиционных официальной церкви. Так как молоканство никогда не имело строгой организации, не было централизовано, термин «религиозное движение» видится наиболее подходящим.

История молоканства на Тамбовщине впервые получила освещение в работах церковных иерархов, боровшихся с молоканами: преосвященного Иакова (Вечеркова), митрополита Арсения (Москвина). Более поздние работы православных миссионеров, таких как М.И. Третьяков, И.Г. Айвазов, дают представление о состоянии молоканского движения в начале XX в. Данная тема привлекала и светских исследователей дореволюционной России: Ф.В. Ливанова, Н.В. Варадинова, И.И. Дубасова. Однако комплексное научное исследование положения молоканства на Тамбовщине было предпринято только в 1959–1960 гг. экспедицией Института истории АН СССР, организованной А.И. Клибановым. Итоги работы экспедиции были представлены в сборнике «Вопросы истории религии и атеизма» (Т. 9. М., 1961), куда вошли статьи об истории и современном положении молокан на Тамбовщине следующих авторов: А.И. Клибанова, В.И. Корецкого, И.А. Малаховой, Э.Я. Боград. После экспедиции Клибанова состояние молоканства на Тамбовщине не изучалось. Из современных авторов стоит выделить только А.С. Чернова и Т.С. Пронину, осветивших историю

¹ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.) М., 1965. С. 181.

молокан г. Рассказово Тамбовской области в XX в. через воспоминания молокан-старожилов².

Так как письменных источников, проливающих свет на состояние молоканства в Тамбовской области в исследуемый период практически нет (исключение составляют лишь несколько коротких заметок в молоканских журналах 1990-х гг.), единственным возможным источником для нас являются материалы полевых исследований. Автором использовались следующие полевые методы работы: интервьюирование, телефонное интервьюирование, включенное наблюдение. На наш взгляд, именно доверительная беседа (интервьюирование) является самым удачным методом исследования таких групп, как молокане. Более формализованные методы (опрос, анкетирование) воспринимаются опрашиваемыми напряженно.

Остановимся кратко на истории молокан и динамике их численности на Тамбовщине. В отечественной историографии генезис движения молокан и духоборцев принято относить к 1760-м гг., когда на Юго-Востоке империи, в Тамбовской и Воронежской епархиях, объявляются «новые раскольники»³, отвергающие православную церковь, ее таинства, почитание икон и мощей. Стоит отметить, что подобные взгляды «раскольников» не были новы для России XVIII в. Влияние западных протестантов выразилось еще в начале века в ереси Дмитрия Тверитинова, в ответ на которую местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский в 1718 г. пишет свой «Камень веры». Однако, как отмечает Е.Б. Смилянская, найти даже косвенные доказательства знакомства духоборцев или молокан с идеями Тверитинова и тем более обнаружить их личное влияние на эти течения пока никому не удалось⁴.

Крупные советские исследователи А.И. Клибанов, П.Г. Рындзюнский считали, что в первой половине XVIII в. внецерковное крестьянское движение еще не сформировало своего учения, а лишь пользовалось общими антиправославными формулировками, распространенными в народе⁵. А уже во второй половине столетия

² Чернов А.С., Пронина Т.С. Воспоминания духовных христиан молокан г. Рассказово Тамбовской области как исторический источник // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 9 (125). 2013. С. 298–307.

³ Акты, относящиеся к истории раскола XVIII в.: Сообщение Е.В. Барсова. М., 1889 С. 36–42.

⁴ Смилянская Е. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М., 2016. С. 214.

⁵ Рындзюнский П.Г. Антицерковное движение в Тамбовском крае в 60-е годы XVIII в. // Вопросы религии и атеизма. М., 1954. С. 159.

началось размежевание движения на группы⁶. Отсюда — традиционное еще для дореволюционной историографии параллельное исследование молоканства и духоборчества как генетически связанных явлений.

Несмотря на сложность вопроса о генезисе молоканства, очевидно, что в XIX в. оно становится масштабным движением на юге России. В статье «Очерк религиозного сектантства на Тамбовщине (XVIII — начало XX в.)» В.И. Корецкий приводит текст записки Тамбовского гражданского губернатора Миронова «О помещичьих крестьянах, впавших в молоканскую ересь» (1821 г.), в которой доказывалось, что меры по выселению крестьян-молокан в Сибирь приведут не к искоренению молоканства, а к разорению помещиков, потому что молоканство так распространилось в губернии, что есть целые помещичьи деревни, зараженные «ересью»⁷. В борьбу с «внезапно» разросшейся сектой включаются местные архиереи. В 1830-е гг. при Тамбовском епископе Арсении (Москвине) преследования молокан достигают самых широких масштабов. Помимо увещаний применяются телесные наказания. В 1836 г. Арсений издает руководство для борьбы с сектантами, в первую очередь с молоканами. Однако борьба епископа вылилась в столь жесткие расправы, что в 1841 г. по решению Синода его удаляют с кафедры.

Расцвет молоканства на Тамбовщине приходится на 1820–1840 гг., несмотря на преследования. В 1830 г. майор Владимиров направил письмо императору Николаю I, в котором с уверенностью доносил, что только в трех уездах: Тамбовском, Моршанском и Шацком — сектантов более 70 тыс. человек⁸. А в 1837 г. специальные чиновники Министерства внутренних дел насчитали до 40 тыс. молокан во всей Тамбовской губернии⁹. Эти цифры выглядят достаточно правдоподобно по сравнению с данными местной консистории: около 9000 молокан¹⁰.

Официальные цифры меняются также в послереформенные 1860–1870-е гг., когда многие тайные сектанты становятся явными. Как отмечает В.И. Корецкий, только по официальным данным, при-

⁶ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. С. 53.

⁷ Корецкий В.И. Очерк религиозного сектантства на Тамбовщине (XVIII — начало XX в.) // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. Современное сектантство и его преодоление. По материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1959 г.: Сборник статей. М., 1961. С.53.

⁸ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1890. С. 213.

⁹ Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8. СПб., 1863. С. 497.

¹⁰ Дубасов И.И. Указ. соч. С. 213.

веденным в отчете тамбовского гражданского губернатора в Министерство внутренних дел за 1868 г., число сектантов на Тамбовщине за десятилетие с 1858 по 1868 г. увеличилось в 4 раза¹¹. Несмотря на невысокую, согласно синодальной статистике, их численность в 1880-х (в отчете Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания говорится о 9384 молоканах в Тамбовской епархии в 1884 г.)¹², в борьбе с сектантами приходскому духовенству ревностно помогает Тамбовское Богородично-Казанское братство. По назначению совета братства, с 1884 г. в епархии трудятся 12 особых противомолоканских миссионеров¹³. А в 1885 г. особым совещанием общепархиального съезда духовенства учреждается, кроме 12 окружных миссионеров, один епархиальный миссионер специально для борьбы с сектантством¹⁴.

Судя по официальным данным, на рубеже XIX–XX вв. количество молокан на Тамбовщине снижается, что происходит на фоне постепенного распространения баптизма. На рубеже веков во многих молоканских общинах также складывается порядок, когда молодежь не допускается к активному участию в религиозной жизни. Рассказовский пресвитер (глава общины) М.П. Желтов в своем письме в 1907 г. отмечал, что одна из главных проблем общины в том, что «молодые, а потому более энергичные люди, не допускаются в собрании к чтению св. Писания; они как будто отрешены от общества, не имея с ним никакой связи...»¹⁵. В некоторых общинах это приводит к открытому противостоянию молодежи и «старцев». Таким образом, рубеж XIX–XX вв. становится кризисным для молоканства. Этот кризис осознается и в самих общинах, о чем свидетельствуют многочисленные статьи и письма, опубликованные в молоканском журнале «Духовный христианин», издававшемся в 1905–1916 гг.

К 1910 г. в Тамбовской епархии молокан насчитывается до 9000 человек обоего пола, молоканских населенных пунктов — до

¹¹ *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 68.

¹² Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1884 г. // Россия. Синод. Обер-прокурор. СПб., 1886. С. 218.

¹³ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1885 г. // Россия. Синод. Обер-прокурор. СПб., 1887. С. 119.

¹⁴ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1886 г. // Россия. Синод. Обер-прокурор. СПб., 1888. С. 103.

¹⁵ *Желтов М.П.* Рассказовские духовные христиане // Духовный христианин. 1907. № 5. С. 47.

120¹⁶. Советские исследователи интерпретируют этот кризис как неспособность секты, возникшей из противоречий феодально-крепостнической системы, адаптироваться к буржуазным условиям¹⁷. И все же до 1917 г. молоканство оставалось самой крупной сектой в Тамбовской епархии. Перед Октябрьской революцией молокане, хлысты и субботники составляли 80% всего сектантства в губернии¹⁸.

В советскую эпоху движение духовных христиан приходит в упадок. В конце 1920-х гг. по очень приблизительным данным И. Морозова из Союза воинствующих безбожников в Тамбовском округе, территория которого не включала некоторые районы современной Тамбовской области, молокан насчитывалось 4584 человека¹⁹. Гонения на верующих в 1930-е гг. не обходят молокан стороной. До сих пор среди них живы воспоминания о том, как бесследно увозили их наиболее влиятельных проповедников и наставников. Внутренние противоречия, неспособность адаптироваться к новым социальным условиям, жестокие гонения, по сравнению с которыми увещания и розги времен Николая I кажутся безобидными, — всё это привело к тому, что значительная часть тамбовских общин исчезают уже в послевоенные годы. В своей статье «Религиозное сектантство в Тамбовской области в послеоктябрьский период и в наши дни» И.А. Малахова приводит следующие данные: в 1945 г. община молокан г. Рассказово насчитывала 389 человек; в 1949 г. — 157 человек, а в 1959 г. — 60 человек²⁰. И это при том, что Рассказово являлось центром тамбовского молоканства. По данным, собранным экспедицией Института истории АН СССР в 1959 г., в Тамбовской области было всего 330 молокан — в Тамбове, Мичуринске и Бондарском, Знаменском, Ржакинском, Уваровском, Рассказовском районах²¹.

После экспедиций 1959–1960 гг. вопрос о состоянии движения духовных христиан молокан на территории Тамбовской области исследователями почти не поднимался. Информация о количестве общин и верующих также не публиковалась. Хотя этот вопрос не кажется тривиальным, учитывая религиозное возрождение в России в 1990-е гг., которое коснулось и молокан. Так, в 1991 г. в Москве про-

¹⁶ Третьяков М. Сектантство Тамбовской губернии. СПб., 1910. С. 1.

¹⁷ Клибанов А.И. Сектантство в прошлом и настоящем // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. С. 22.

¹⁸ Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. С. 3.

¹⁹ Морозов И. Молокане. М., 1931. С. 76.

²⁰ Малахова И.А. Религиозное сектантство в Тамбовской области в послеоктябрьский период и в наши дни // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. С. 100.

²¹ Там же. С. 100–101.

шел I Всесоюзный учредительный съезд, посвященный возрождению Союза общин духовных христиан — молокан, в 1994 г. в с. Кочубеевское Ставропольского края учрежден «Союз общин духовных христиан молокан в России», существующий до сих пор. Также в этот период налаживаются связи между общинами, возрождается издание религиозных журналов. Наконец, в 2005 г. в с. Кочубеевское проходит масштабный съезд, посвященный 200-летию дарования религиозной свободы молоканам. Однако все это связано с деятельностью преимущественно закавказских молокан-переселенцев, которые сохранили свою духовную традицию благодаря изоляции и относительной религиозной свободе в советский период. Поэтому в массовом сознании молокане до сих пор часто воспринимаются как этническая, а не религиозная группа. Что же в указанный период происходило с молоканством Тамбовщины?

В сентябре 2017 г. автором данной статьи была проведена экспедиция в Тамбовскую область. Стоит отметить, что Тамбовский регион на протяжении своей истории не раз менял границы. Однако вслед за экспедицией 1959–1960 гг. мы решили ограничиться территорией современной Тамбовской области.

Подготовка к экспедиции началась в мае 2017 г. с телефонного интервьюирования главы тамбовского молоканского «собрания» Сергея Петровича Петрова (1945 г.р.). С ним автор статьи познакомился в июле 2015 г. на молодежном молоканском съезде, который ежегодно проводится Союзом духовных христиан молокан в Ставропольском крае. Сергей Петрович, уроженец Воронежа, один из немногих потомственных носителей молоканской религиозной культуры. Его отец, Петр Александрович, был пресвитером в Воронежской общине. Он оставил после себя ряд богословских сочинений, например, «Вероучение духовных христиан молокан» — сборник статей, изданный самиздатом в 1980-х гг. Сам Сергей Петрович — активный молоканский деятель, с 1990-х гг. он участвует в съездах, ведет общение со многими общинами по всей России. В 1990-е Сергей Петрович в составе инициативной группы издавал самиздатом журналы «Слово веры» и «Добрый домостроитель благодати», с 2000 г. он ведет сайт molokan.narod.ru (впоследствии molokanin.ru), занимается оцифровкой записей молоканского пения, размещением записей в интернет-ресурсах.

В ходе интервьюирования С.П. Петрова были собраны сведения о ныне существующих молоканских общинах Тамбовской области, а также о населенных пунктах, где общинная религиозная жизнь не ведется, но еще могут жить старожилы, идентифицирующие себя как молокане.

Стоит отметить, что термин «община» сами молокане редко употребляют, вместо него используя понятие «собрание». Под «собранием» они имеют в виду местную церковь, т. е. религиозную общину, практикующую регулярные богослужебные собрания. Поэтому слова «я ходила в собрание» могут пониматься двояко — как «я ходила на воскресное богослужение» и «я ходила в религиозную общину». В «собраниях» нет жесткого членства, постоянные посетители воскресных богослужений воспринимаются как основные члены общины.

На следующем этапе подготовки, по совету С.П. Петрова, были опрошены по телефону пресвитеры протестантских, преимущественно баптистских, общин г. Мичуринска, г. Кирсанова, г. Моршанска о наличии в церквях бывших молокан. Это связано с тем, что многие молокане с конца XIX в. и на протяжении всего XX в. активно переходили в баптизм. Однако телефонный опрос положительного результата не дал. Лишь мичуринский пресвитер евангельских христиан баптистов О.М. Стребков отметил, что в их церкви из поколения выходцев из молокан уже никого не осталось.

На основе данных, полученных в ходе телефонного интервьюирования и опросов, был составлен маршрут экспедиции: г. Тамбов, г. Рассказово, с. Митрополье, д. Шача Молоканская, с. Коровино, г. Уварово.

Для молокан Тамбова, Уварово, Рассказово, где молоканские воскресные собрания в исследуемый период проводились, предлагались следующие группы вопросов:

- о численности, динамике численности, возрасте членов собрания;
- о проведении воскресных собраний и иных религиозных практик;
- о характере взаимоотношений в собрании и положении пресвитеров или старцев;
- о взаимоотношениях с другими молоканскими общинами;
- о понимании вероучения молокан;
- о событиях из жизни общины в советский и современный периоды.

Молоканам с. Митрополье и д. Шача Молоканская, не имеющим общинной религиозной жизни, задавались несколько иные вопросы:

- о времени прекращения воскресных собраний и о характере дальнейших религиозных практик;
- о численности, динамике численности, возрасте местных молокан;
- о понимании вероучения молокан;

- о событиях из жизни местных молокан в советский и современный периоды;
- о взаимоотношениях с молоканами из других поселений, о взаимоотношениях с не-молоканами.

Интервьюирование в общинах велось не один на один, а в присутствии других членов общины, которые могли дополнять интервьюируемого. По итогам экспедиции был смонтирован фильм-интервью «Молокане Тамбовской области»²². Результаты, представленные в данной статье, дополнены также сведениями, полученными в ходе телефонного интервьюирования, которое автор провел в октябре 2019 г.

В 1990–2010-е гг. в Тамбовской области существовали три молоканских общины: в Тамбове, Уварово и Рассказово. На конец 2019 г. из них сохранились две: в Тамбове и Уварово. Обе общины не зарегистрированы как религиозные организации. Указанные общины относятся к течению постоянных молокан, которых также называют старо-молоканами или молоканами-уклеинцами, в честь основателя молоканского движения уваровского крестьянина Семена Уклеина. Немногочисленные на Тамбовщине в начале XX в. течения ново-молокан и толстовцев²³ не сохранились. Течение молокан-прыгунов, или духовных молокан, масштабное ныне на Юге России, по всей видимости, никогда не было представлено на Тамбовщине.

Тамбов

24 сентября 2017 г. автор статьи посетил воскресное собрание тамбовской молоканской общины. После богослужения были интервьюированы Сергей Петрович Петров (1945 г.р.) и Наталья Ивановна Петрова (1949 г.р.) в присутствии других членов общины. 25–26 октября 2019 г. С.П. Петров был интервьюирован повторно по телефону. Результаты интервью представлены ниже в форме пересказа.

Тамбовская община на протяжении последних 30 лет собирает на воскресные собрания до 20 человек, среди которых уроженцы Тамбова, Воронежа, тамбовских сел, а также молокане-переселенцы из Закавказья. Из них двое молодых людей, двое людей допенсионного возраста, остальные — пенсионеры. По воспоминаниям Натальи Ивановны Петровой, тамбовское собрание не проводило воскресных богослужений только в 1930-е гг. в период гонений, а в годы Великой Отечественной войны и позже они проходили регулярно в частных домах. В 1960–1980-е гг. собиралось примерно по 30 человек. То

²² <https://www.youtube.com/watch?v=jnxt-O6Qdrk&t=1908s>

²³ *Третьяков М.И.* Сектанство Тамбовской губернии. СПб., 1910. С. 2–3.

есть, особо многочисленным на протяжении второй половины XX в. тамбовское собрание не было. По воспоминаниям С.П. Петрова, еще в 1960–1970-х гг. община поддерживала тесные контакты с молоканами Воронежжа, Рассказово, Мичуринска, Уварово, Верхнего Чуево, Ржаксы, Чакино, Дуплято-Малосово, Жабино Липецкой области, Весёлого Воронежской области.

В 1993 г. благодаря стараниям молоканина-переселенца из Закавказья, ветерана Великой Отечественной войны Ивана Тимофеевича Вологина общине удалось получить от города помещение для проведения воскресных собраний. Основанием для этого стала информация о том, что в 1930-е у молокан был отнят молитвенный дом по адресу: г. Тамбов, ул. Кронштадтская, д. 33. Данная информация не имела документарных подтверждений, однако по распоряжению мэра общине было предоставлено помещение в аренду с освобождением от арендной платы. Для получения помещения в 1993 г. община зарегистрировалась как «Местная религиозная организация Община Духовных Христиан молокан г. Тамбова». С 1993 г. воскресные собрания проходили в трехкомнатном муниципальном нежилом помещении по адресу: бульвар Энтузиастов, д. 1-е. Однако с уходом мэра администрацией города была установлена арендная плата сначала в 50% от стоимости, а затем преференции по оплате были отменены. Арендная плата вместе с коммунальными платежами стала превосходить рыночную стоимость аренды. Кроме того, волокита, связанная со статусом религиозной организации, требовала значительных трат времени и денежных средств. Всё это вынудило общину в 2018 г. ликвидировать статус религиозной организации и отказаться от аренды муниципального помещения. Теперь собрания проходят в частных домах и квартирах, как это было в советские годы.

Наверное, самым значимым событием в истории тамбовской общины в исследуемый период был съезд «Возвращение к истокам молоканства» в 1999 г. Помощь в организации съезда оказала Антонина Михайловна Пушкарева, молоканка из Сан-Франциско. Мероприятие на родине молоканства, Тамбовщине, собрало около 80 гостей из США, Австралии, Молдовы, Украины, Москвы, Ставропольского края, Краснодарского края, Тульской, Тамбовской, Воронежской областей и других регионов России. На съезде проходили праздничные собрания, беседы, где обсуждались насущные проблемы. Каких-либо решений съезд принципиально не выносил. Такое избегание формализации в целом характерно для молоканства. Например, на знаменитом съезде в Воронцовке в июле 1905 г. также не выносились какие-либо решения: молоканские старцы боялись превратить съезд в «синод» или «церковный собор».

На съезде 1999 г. была поднята проблема детского религиозного воспитания, недостатка внимания к молодежи и юношеству. Поэтому в 2000–2002 гг. тамбовской общиной были организованы детско-молодежные съезды, которые посетили до 40 участников из Тамбова, Рассказово, Уварово, Тольятти и Слободки Тульской области. На съездах проводились молодежные собрания, развивающие игры, спортивные игры и др.

К концу 2000-х активность тамбовской общины снизилась. Как отмечает С.П. Петров, «в это время сил уже столько не было».

Общий порядок проведения молитвенного собрания в Тамбове, как и в других молоканских общинах, представляет собой чередование проповедей и пения псалмов, которое завершается молением с коленопреклонением. Однако есть и ряд особенностей, отличающих тамбовское воскресное собрание от других (в первую очередь от закавказских). Проповедь, или «беседа» в тамбовском собрании не имеет строгой регламентации и может перерасти в живое обсуждение поднятой темы всей общиной. Также нет строгих правил, регламентирующих внешний вид верующих во время богослужения. Девушка без платка не будет осуждаться общиной, хотя большинство женщин соблюдают традицию и приходят в собрание с покрытой головой.

Как таковой фигуры пресвитера в Тамбове нет. По наблюдениям автора, наибольшим уважением в общине пользуется Сергей Петрович Петров, однако пресвитером его не называют. Сам Сергей Петрович отрицает институт выборного пресвитерства в молоканстве и считает, что община должна управляться всеми членами сообща. По словам Сергея Петровича, на его памяти в тамбовской общине выборного пресвитера никогда не было. Как правило, наиболее старший или уважаемый член собрания только руководит порядком проведения собрания, он и становится пресвитером «стихийно». Все это говорит о демократизме тамбовской общины.

Сегодня тамбовская община поддерживает связи с молоканскими собраниями из Уварово, Москвы, Тольятти, Слободки Тульской области, Кочубеевского Ставропольского края.

Благодаря деятельности С.П. Петрова, неформального лидера общины, старейшего ее представителя, в тамбовском собрании поддерживаются духовные традиции молокан: «духовное», т. е. иносказательное понимание текста Священного Писания, относительная догматическая свобода, «духовное», «уклеинское» понимание крещения и причащения, где крещение — это погружение в слово Христово. На наш взгляд, деятельность С.П. Петрова в большей степени способствует жизнеспособности тамбовской общины в современный период.

Уварово

27 сентября 2017 г. были интервьюированы члены уваровской молоканской общины: Николай Александрович Невский (1929 г.р.), Раиса Александровна Невская (1927 г.р.), Елена Владимировна Филитова (Желтова) (1971 г.р.), Татьяна Алексеевна Битюкова (Желтова) (1956 г.р.) и Борис Игнатьевич Григоров (1948 г.р.). 26 октября 2019 г. была повторно интервьюирована по телефону Т.А. Битюкова.

Уваровская община немногочисленна, она состоит из четырех жителей Уварово и четырех жителей соседнего села Верхнее Чуево. Воскресные собрания проходят в частных домах членов общины. Возглавляет собрание Н.А. Невский, как самый старший мужчина в общине. По воспоминаниям Невских, воскресные собрания в Уварово проходили в советское время регулярно. В послевоенные годы на них приходили около 30 человек, а на протяжении второй половины XX в. численность членов общины снижалась. Так, в 1990-е собиралось около 15 человек, а примерно с 2012 г. — 6–8 человек.

По словам Невских, до революции в Уварово было два молоканских собрания, имевших молитвенные дома, которые не сохранились до наших дней (на месте одного из них теперь находится школа № 6). В 1937 г. происходили аресты и расстрелы видных молоканских деятелей. В частности, после допроса бесследно пропал дядя респондентов — Андрей Алексеевич Невский. В послевоенные годы поддерживались тесные контакты с общинами из Тамбова, Рассказово, Балашова, Ржаксы, Верхнего Чуева, Мучкапа.

Замечательным является тот факт, что уваровская молоканская община проводила собрание в Михайлов день, местный престольный праздник, а молокане Ржаксы отмечали свой престольный праздник — Покров. Эта традиция характерна и для закавказских общин. Так, молокане села Хильмилли Шемахинского уезда также широко праздновали Покров, интерпретируя его как праздник урожая и благодарения. И это происходило несмотря на отрицание православной традиции. По-видимому, престольные праздники пользовались большой народной любовью, и даже переход в молоканство не мог заставить крестьян отказаться от их празднования.

Несмотря на свою малочисленность уваровская община переживала в 2000-е гг. подъем, который был связан в первую очередь с деятельностью Елизаветы Алексеевны Макаровой (Желтовой) (1950–2010) (сестры Т.А. Битюковой). В 2005 и 2006 гг. уваровской и рассказовскими общинами были проведены молодежные молоканские съезды, собравшие до 40 человек из Уварово, Рассказово, Тамбова, Тольятти, Слободки, Кочубеевского. Е.А. Макарова поддерживала связь со многими молоканскими общинами.

Сегодня воскресные собрания в Уварово проходят традиционно. Однако отсутствие талантливых и образованных «беседников» приводит к упрощению проповеди до простого чтения текст Писания вслух. Усилиями Е.В. Филитовой и Т.А. Битюковой сохраняется традиционное пение псалмов. Молодыми людьми собрание не посещается.

Рассказово

24 сентября 2017 г. были интервьюированы: Алексей Сергеевич Чернов (1986 г.р.), Сергей Юрьевич Чернов (1963 г.р.), Галина Николаевна Болдырева (1945 г.р.), Надежда Алексеевна Степанова (1943 г.р.), Тамара Алексеевна Рязанова (1939 г.р.). 25 октября 2019 г. был повторно интервьюирован по телефону А.С. Чернов.

История молокан г. Рассказово (до 1926 г. село) является интересным примером возрождения и прекращения общинной религиозной жизни на рубеже XX–XXI вв. Как мы уже отмечали, рассказовская община стремительно уменьшалась в послевоенные годы. По воспоминаниям С.Ю. Чернова в 1970-е гг. регулярные воскресные собрания не проводились, что было связано в первую очередь с контролем правоохранительных органов. Молокане собирались только по случаю похорон, поминок и на большие праздники — Рождество и Пасху.

Однако религиозная свобода, наступившая в начале 1990-х, не привела к мгновенному возрождению общинной религиозной жизни в Рассказово, в котором проживали десятки людей, идентифицирующих себя как молокане. Регулярные воскресные собрания начали проводиться лишь в 1998 г. по инициативе молодого и активного С.Ю. Чернова. Сергей Юрьевич вырос в Рассказово в семье молоканки и православного. Духовные поиски привели его в 1998 г. в молоканское собрание Тамбова, после чего он принял решение возродить религиозную жизнь молокан в Рассказово. На рубеже 1990–2000-х гг. в частном доме Черновых проводились воскресные собрания, куда приходило около 20–30 человек, в основном пожилых людей, преимущественно женщин.

С годами община уменьшалась в связи со смертью пожилых членов. Однако не только смерть старшего поколения стала причиной прекращения собраний. Духовный поиск Черновых (Сергея и его сына Алексея) продолжался и после возобновления общинной жизни. В 2000 г. Черновы познакомились с известным молоканским старцем Василием Алексеевичем Тикунным, переселившимся с семьей из Армении в д. Слободка Чернского района Тульской об-

ласти. Его «беседы» произвели на них глубокое впечатление. После этой встречи Черновы попытались ввести в своем собрании такие же основательные обсуждения текста Священного Писания, как это было у Тикунова, однако встретили сопротивление рассказовских молокан. Многим не нравилось, что воскресные собрания затягиваются, меняется порядок служения. Напомним, что рассказовские молокане не проводили воскресных собраний примерно с 1960-х гг., но все же имели представление о «правильном» служении, потому что практиковали его на похоронах и поминках. Для некоторых из них традиционный порядок служения сакрализировался, а смысл воскресных собраний свелся к воспроизведению этого порядка.

С 2006 г. Черновы начинают читать православных авторов, таких как А. Мень, А. Кураев, митрополит Антоний (Сурожский), изучать ортодоксальное богословие, но продолжают проводить молоканские собрания. В 2009 г. по бытовым причинам Черновы перестают проводить воскресные собрания, а позднее принимают крещение в Православной церкви. После этого пожилые молокане Рассказово не стремятся вести общинную религиозную жизнь. Лишь в 2012–2017 гг. Алексей Чернов собирает в своем доме пожилых молоканок для обсуждения за чаем религиозных и философских текстов.

Таким образом, возрождение собрания в Рассказово в 1998–2009 гг. являлось плодом деятельности активных и духовно-ищущих Сергея Юрьевича и Алексея Черновых. По всей видимости, для пожилых рассказовских молокан, не имеющих «собрания» на протяжении последней трети XX в., общинная религиозная жизнь не имела большого значения. На сегодня в Рассказово проживает семь пожилых молоканок. Подсчитать количество некрещеных потомков молокан в Рассказово представляется сложной и, на наш взгляд, бесполезной задачей. Молоканами в данном исследовании мы будем считать тех, кто практикует или практиковал общинную религиозную жизнь.

Итак, в начале XXI в. в Рассказово, историческом центре молоканства Тамбовщины, религиозная общинная жизнь не ведется, но зато молоканские собрания сохраняются в Тамбове и Уварово. На наш взгляд, это может быть следствием активной советской атеистической пропаганды и деятельности органов безопасности. Советской власти Рассказово было известно как сектантский центр, поэтому в отношении него работа велась более «воинственно», чем в отношении Тамбова и Уварово. Однако данный тезис необходимо в дальнейшем обосновать, используя соответствующие источники.

На наш взгляд, показательным то, что молоканское учение и религиозные практики, даже в самой высокой форме (высокий уровень богословия В.А. Тикунова признается многими молоканами), не

смогли полностью удовлетворить духовную жажду и поиск двух наших современников.

Митрополье

Среди сельских населенных пунктов, в которых в XX в. существовали молоканские общины, представляет интерес группа сел Бондарского района: Коровино, Митрополье, Пахотный угол, Чернавка, Шача Молоканская. По сведениям, приводимым Ф.В. Ливановым в третьем томе его знаменитого труда «Раскольники и острожники», молоканство в эту местность принес сам Семен Уклеин: «Относительно распространения молоканства в это время (начало XIX в. — Д.Ф.), по исследованиям правительства, оказалось, что в село *Митрополье* молоканство перешло из села Горелого через Семена Уклеина, прозванного “Семушкой”. В село *Малое Ломовисы* (Коровино. — Д.Ф.) из села *Митрополье*, и моршанского уезда деревни Коршуновки через Семейство Косыревых»²⁴.

По словам тамбовского пресвитера С.П. Петрова, на его памяти тамбовская община не имела общения с молоканами вышеуказанных сел, однако догадки о существовании молокан в Бондарском районе были.

Для полевого исследования автором статьи были выбраны села Митрополье, Шача Молоканская, Коровино. В этих селах в начале XX в. существовали крупные молоканские общины. В селах Тамбовского уезда в 1915 г. числилось: в Коровино — 136 человек молокан, а в селе Митрополье — 310 человек²⁵. Однако и от столь крупных общин через столетие почти никого не осталось.

В селе Митрополье 26 сентября 2017 г. автору статьи удалось проинтервьюировать двух последних молоканок — Любовь Павловну Авдееву (1933 г.р) и Руфину Алексеевну Федосьеву (1928 г.р.).

По словам Л.П. Авдеевой, молоканская община Митрополья проводила воскресные собрания вплоть до 1970-х гг. Собирались в частных домах, хотя до революции у молокан был свой молитвенный дом, который после национализации стал сельской школой (здание не сохранилось). В крупном селе Митрополье еще в середине XX в. молокане были заметной частью населения, проживали преимущественно в районе «Качаван». Тесные контакты митропольская община имела с молоканами из Коровино, Чернавки, Максимовки, Нащокино,

²⁴ Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. Т. 3: Очерки и рассказы. СПб., 1872. С. 285.

²⁵ Таблицы, составленные на основании донесений в Тамбовское губернское жандармское управление, подготовленные Г.С. Лялиной // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. С. 312–313.

Пахотного угла. По рассказам Руфины Алексеевны, в послевоенные годы ее отец, Алексей Семенович Федосьев, пользовался большим авторитетом и отпевал также православных жителей села, так как «православные даже не знали, как молиться».

На протяжении исследуемого периода религиозная жизнь молокан Митрополя была связана только с погребальным и поминальным культом. Так, Л.П. Авдеева и Р.А. Федосьева отпевали последних молокан села по молоканскому обычаю: пели псалмы и читали Писание. В Митрополе сохранилось молоканское кладбище, где можно увидеть традиционные деревянные «столбочки», или «колышки», которые ставили на молоканские могилы вместо креста.

Из всех «молоканских» сел Бондарского района в Митрополе традиция духовных христиан оказалась наиболее живучей. На наш взгляд, это может быть связано с изначально большим количеством молокан в селе.

Шача Молоканская

В селе Шача Молоканская автору посчастливилось проинтервьюировать последнюю молоканку селения — Людмилу Петровну Афанасьеву (1939 г.р.). Людмила Петровна, потомственная молоканка, уроженка села Софьино Гавриловского района, выйдя замуж в 1958 г., осталась жить в селе Шача Молоканская. Если верить ее словам, в 1950-х гг. в Шаче уже не собиралось молоканское собрание, однако строго соблюдался погребальный культ: «Вот как умрет человек, тогда до шести недель ходят, поют. Ну и там блинка испекут, чайку согреют, только и всего». Более подробно о поминальных собраниях рассказала уроженка Шачи Молоканской, ныне гражданка Казахстана, Зоя Петровна Шитикова (1954 г.р.), которую автору статьи удалось проинтервьюировать по телефону 15 декабря 2017 г. По словам Зои Петровны, в воскресные дни после похорон ее отца в 1971 г. в их доме собиралось около 30 человек молокан. Как правило, это были носители местных «молоканских» фамилий — Шитиковы, Авилкины, Черноусовы, Орловы, Афанасьевы. На собраниях пели псалмы и молились с коленапреклонением.

Интересна история Людмилы Петровны Афанасьевой о переходе в молоканство деда ее мужа, Петра Ивановича, в начале XX в.: «Отец моего свекра был православный, и у них детей двенадцать человек родилось. А попам-то крестить надо за деньги. И по деревне они идут в праздники, им надо подавать. Тогда он, отец свекра, говорит: “все, я из этой веры ухожу в молоканскую. Вон, молоканский поп Володя перекрестит”. И он всех детей в молоканскую веру перекрестил». Зоя Петровна Шитикова пояснила, что «молоканский поп Володя» — это

Владимир Черноусов, который также «кстил» (крестил) ее в середине 1950-х гг., будучи очень пожилым человеком.

Практика «кщения» младенцев была распространена у многих молокан самых разных регионов, в том числе Тамбовщины. Однако воспринималась она молочанами по-разному. В частности, в современном Тамбове, «кщение» воспринимается как наречение имени и моление за здоровье ребенка, а в селах Митрополье и Шаче Молоканской — как «безводное» крещение молитвами. И это при том, что постоянные молочане отрицают практику крещения, понимания под ним «погружение в слово Христово» на протяжении всей жизни. По всей видимости, «кщение» у молочан является рудиментом православного таинства. И показательно, что в исследуемых селах оно и воспринимается как крещение аналогичное православному, только без воды и священника. Это может говорить об ассимиляции молочан населением, принадлежащим к православной традиции.

Несмотря на отсутствие молочанской общины в Шаче Молоканской на протяжении второй половины XX в., погребальная традиция продолжала существовать вплоть до наших дней. Местное сельское кладбище изначально было молочанским. По словам Зои Петровны Шитиковой, православных на нем стали хоронить во время войны. Ранее православных жителей Шачи хоронили в селе Грибоедово, где была церковь. До сих пор Шачинское кладбище разделено на молочанскую и православную части небольшим рвом. Специфика погребального культа вообще стала для местных молочан идентифицирующей: православные отпевают по требнику, а молочане поют псалмы и делают это бесплатно.

Ситуация, сложившаяся в селе Шача Молоканская в второй половине XX в., является интересным примером деградации молочанской религиозной традиции до ряда религиозных практик («кщение», отпевание, поминовение), деградации и упрощения религиозных воззрений. На наш взгляд, похожие процессы «расцерковления» происходили в советские годы и в русской православии.

Полевые исследования в с. Коровино показали: старожилы, идентифицирующие себя как молочане, в селе не остались.

Проведенные полевые исследования позволяют проанализировать современное состояние молочанства на Тамбовщине и сделать некоторые выводы.

С момента последнего комплексного исследования молочан Тамбовщины прошло 60 лет. За этот период количество молочан с 330 человек уменьшилось до 38–40 человек. Хотя вопрос о способе и методике подсчета людей, исповедующих ту или иную религию, весьма непростой. Так, в Рассказово, Шаче Молоканской мы встре-

чали нескольких человек, идентифицирующих себя как молокане, но не имеющих самого общего представления о молоканстве. Это были потомки — дети или внуки молокан. Однако, по словам Черновых, таких людей сейчас становится все меньше, так как многие из них уходят в православие или отходят от религии вовсе. Заявленная цифра в 38–40 человек включает в себя членов тамбовской, уваровской общин, а также молокан Рассказово, Митрополя и Шачи Молоканской. Возможно, в нескольких селах Тамбовщины остались несколько старожилов, идентифицирующих себя как молокане, практиковавших общинную жизнь, но это не должно повлиять на общую представленную картину.

Упадок молоканства в XX в. на Тамбовщине был особенно стремительным. В чем причина такой стремительности? Ведь многие закавказские молокане, изрядно поредев, все-таки сумели сохранить общинную жизнь до XXI в. Тамбовское молоканство в XX в. было малочисленно и разбросанно в сравнении с закавказским. Так, в Закавказье молокане жили обособленными, крупными селами с населением до двух-трех тысяч человек. Среди таких сел: Воронцовка, Астраханка, Хильмилли, Ивановка и другие. На Тамбовщине же в начале XX в. до 9000 молокан были разбросаны по 120 поселениям, среди которых самым крупным центром было Рассказово. В нем в 1915 г. проживало 1156 молокан²⁶. Кроме того, тамбовские молокане жили в смешанных поселениях среди православного населения, в то время как закавказские села молокан были окружены поселениями не говорящих по-русски иноверцев. Такое положение тамбовских молокан, вероятно, послужило более стремительной ассимиляции их православным, баптистами и нерелигиозным населением. Нельзя не отметить большой вклад молоканского движения в становления баптизма в России и, в частности, на Тамбовщине. По словам баптистского историка Владимира Попова, значительная часть активных деятелей тамбовской баптистской церкви советской эпохи имели молоканские корни. К тому же, религиозные гонения советской эпохи не были столь сильны в Закавказье, молоканские воскресные собрания в послевоенные годы там, как правило, не разгонялись, на них лишь не допускались молодежь и дети. На Тамбовщине, по воспоминаниям интервьюируемых, воскресные собрания пресекались вне зависимости от возраста присутствующих.

Таким образом, малочисленность, отсутствие изоляции, более жесткие действия богоборческой власти и активность альтер-

²⁶ Таблицы, составленные на основании донесений в Тамбовское губернское жандармское управление, подготовленные Г.С. Лялиной // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. С. 312–313.

нативного для многих молокан баптизма стали причиной более стремительного упадка тамбовского молоканства в сравнении с закавказским.

В постсоветский период истории России религиозный подъем коснулся и молокан Тамбовщины. В конце 1990-х — 2000-х гг. тамбовской, рассказовской и уваровской общинами проводились съезды, большинство из которых были детскими, велось активное общение между общинами, самиздатом печатались религиозные журналы. Стоит отметить, что это было связано с деятельностью нескольких активных молокан среднего возраста, таких как, С.П. Петров, С.Ю. Чернов, Е.А. Макарова (Желтова). После ослабления и прекращения деятельности указанных лиц новое поколение активных молокан среднего возраста не появилось, что обусловило постепенное исчезновение и естественное уменьшение общин в 2010-е гг. На наш взгляд, причиной такого положения является отсутствие как внутренней (среди молокан и потомков молокан), так и внешней (среди не-молокан) проповеди. В своей заметке, опубликованной в самиздатском журнале «Слово веры» 1994 г, дочь С.П. Петрова, Надежда Петрова, отмечает: «Привлекать молодежь “со стороны” у нас, как это не прискорбно, смелости и твердости духа не хватает. Нам не за кого держаться, мы боимся потерять то, светское общение, не имея ничего взамен. И поэтому мы молчим. А под лежащий камень вода не течет, так что при таком положении дел, если оставить все как есть и не предпринимать никаких шагов, есть прямая угроза того, что молоканское собрание у нас в Тамбове сойдет на нет, как это уже произошло во многих сёлах и городах»²⁷.

На наш взгляд, современная ситуация подтверждает важность для молоканства общинной жизни. Молоканство — устная традиция, поэтому без воскресных «бесед», духовного общения традиционные молоканские понятия и взгляды начинают деградировать и ассимилироваться, как это произошло в селах Митрополье и Шача Молоканская. Прекращение молитвенных собраний, десоциализация веры приводит к фактическому исчезновению молоканской общины и деградации религиозности.

Молоканство на Тамбовщине прошло большой исторический путь, пережив рассвет в XIX в и постепенный упадок в XX в. Религиозная свобода, наступившая в новой России, пробудила активность тамбовских молокан в 2000-х, однако это не смогло повернуть процесс упадка вспять.

²⁷ Петрова Н. О нашей тамбовской общине духовных христиан молокан // Слово веры. Самиздат. Тамбов, 1994. — URL: http://molokanin.ru/jur_sv/sv_1994_1.html#p8 (дата обращения: 30.10.2019)

References

Chernov A.S., Pronina T.S. *Vospominaniya dukhovnykh khristian molokan g. Rasskazovo Tambovskoy oblasti kak istoricheskiy istochnik* [Memoirs of Spiritual Christians-Molokans of Rasskazovo in the Tambov Region as Historical Source] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnyye nauki"*. Is. 9 (125). 2013, p. 298–307.

Dubasov I.I. *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraya* [Essays on the History of the Tambov Region]. Tambov: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1890. 225 p.

Klibanov A.I. *Sektantstvo v proshlom i nastoyashchem* [Sectarianism in the Past and Present] // *Voprosy istorii religii i ateizma*. Vol. 9. *Sovremennoye sektantstvo i yego preodoleniye. Po materialam ekspeditsii v Tambovskuyu oblast' v 1959 g.: Sb. statey* [Modern Sectarianism and Its Overcoming. Based on the Materials of the Expedition to the Tambov Region in 1959: Col. Articles]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961, p. 9–35.

Klibanov A.I. *Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-ye gody XIX v. — 1917 g.)* [History of Religious Sectarianism in Russia (1860s–1917)]. Moscow: Nauka, 1965. 344 p.

Koretskiy V.I. *Ocherk religioznogo sektantstva na Tambovshchine (XVIII — nachalo XX v.)* [An Essay on Religious Sectarianism in the Tambov Region in the 18th — Early 20th Centuries] // *Voprosy istorii religii i ateizma*. Vol. 9. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961, p. 35–77.

Livanov F.V. *Raskol'niki i ostrozhniki* [Raskolniki and Convicts]. Vol. 3: *Ocherki i rasskazy* [Essays and Short Stories]. Saint Petersburg: Tipografiya M. Khana, 1872. 626 p.

Ryndzyunskiy P.G. *Antitserkovnoye dvizheniye v Tambovskom kraye v 60-ye goda XVIII v.* [The Anti-Church Movement in the Tambov Region in the 1760s] // *Voprosy religii i ateizma*. 1954. № 2, p. 154–193.

Smilyanskaya E. *Volshebnyki, bogokhul'niki, yeretiki v setyakh rossiyskogo syska XVIII veka* [Magicians, Blasphemers, and Heretics in the 18th-century Net of Russian Interrogation]. Moscow: Lomonosov, 2016. 384 p.

Tret'yakov M.I. *Sektantstvo Tambovskoy gubernii* [Sectarianism in the Tambov Guberniya]. Saint Petersburg: Tipografiya "Kolokol", 1910. 46 p.

Varadinov N.V. *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del* [History of the Ministry of the Interior]. Vol. 8. Saint Petersburg: Tipografiya MVD, 1863. 656 p.

Поступила в редакцию
23 мая 2018 г.

Д.С. Сerezжникова*

**ТОПОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ НАХОДОК
ИЗ РАСКОПОК ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА
(КОНЕЦ XII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV В.)**

D.S. Serezhnikova

**TOPOGRAPHY AND CHRONOLOGY OF WESTERN
EUROPEAN OBJECTS FROM THE EXCAVATIONS
OF VELIKY NOVGOROD
(LATE 12th — FIRST HALF OF THE 15th CENTURY)**

Аннотация. Наряду с массовым импортом в раскопках средневекового Новгорода были найдены десятки индивидуальных предметов западноевропейского происхождения, в числе которых встречаются бытовые предметы и ювелирные изделия. Эта группа находок в отличие от массовых категорий обнаруживается лишь на нескольких раскопах (Неревский, Славенский, Ильинский, Дубошин, Михайловский, Нутный, Никитинский и Троицкий), где исследовались усадьбы новгородских бояр или купцов, торговавших с ганзейцами. В новгородской вещевой коллекции было выявлено около 200 индивидуальных находок западноевропейского происхождения. Новаторским аспектом авторского анализа, отраженным в содержании данной статьи, является распределение индивидуальных предметов по усадьбам. Кроме того, важный шаг был сделан для классификации раскопанных усадеб по критерию владения импортными европейскими предметами. Распределение западноевропейских предметов по новгородским усадьбам позволило дополнить имеющееся представление о социальном статусе владельцев импортных изделий. Кроме традиционно заметной роли боярства, можно отметить высокую плотность западноевропейских вещей на усадьбах, не связанных с новгородской аристократией. Импортные западноевропейские изделия могли приобретать и представители ремесленно-купеческой среды. Некоторые категории западноевропейских предметов могли попадать в Новгород из Карелии, где местное население усваивало отдельные элементы западной культуры, находясь в контакте с подданными шведской короны. Выделяются

* *Сerezжникова Дарья Сергеевна*, руководитель лаборатории историко-культурных исследований, ООО «ПФ-Градо»

Serezhnikova Daria Sergeevna, Head, Laboratory of Historical and Cultural Research, “PF-Grado” LLC

+7-916-811-18-47; serezhnikova@yandex.ru

зоны скопления рядовых западноевропейских предметов, использование которых горожанами было маловероятно; эти зоны связываются с местами постоянного и длительного пребывания выходцев из Германии, что позволяет подтвердить и уточнить данные письменных источников. Отмечается синхронность распространения определенных типов вещей в Новгороде и на Западе, что коррелирует с данными об интенсивности развития торговли в период XIII–XIV вв. В то же время, эти факты позволяют судить о том, что западные модные тренды определенных периодов распространились и на территорию средневекового Новгорода.

Ключевые слова: средневековые западноевропейские предметы, Ганза, новгородская усадьба, новгородская торговля, предметы быта, элементы костюма.

Abstract. Apart from mass import products, dozens of individual items of Western European origin were found in the excavations of medieval Novgorod, including household items and jewelry. Unlike the mass products, they are associated with the following excavation sites: Nerev, Slavna, Ilyinsky, Duboshin, Mikhailova Street, Nutny, Nikitinsky and Troitsky. There were the townhouses of the Novgorod boyars and merchants who traded with the Hanseatic League. About 200 individual items of Western European origin have been found in Novgorod. The author assigned individual objects to every residence. In addition, she attempts at classifying these residences on the basis of their landlords' ownership of imported European products. The distribution of Western European items among Novgorod residences contributes to our perception of the social status of the owners of imported products. Apart from the traditionally prominent role of the boyars, one can note the high density of Western European items on the sites of non-aristocratic townhouses. Craftsmen and merchants could also purchase Western European imported products. Some of them could get to Novgorod from Karelia, where the local population was in contact with the subjects of the Swedish crown and assimilated certain elements of Western culture. In Novgorod there are zones of accumulation of Western European everyday items that were hardly used by the Novgorodians. These zones are considered to be the quarters of residents from Germany. This observation allows to verify the data of written sources. Simultaneous circulation of certain types of products in Novgorod and in the West correlates with evidence of the intensive trade exchange during the 13th and 14th centuries. These data also allow demonstrating that in certain periods Western style trends extended to the territory of medieval Novgorod.

Keywords: medieval Western European items, Hansa, Novgorod residence, Novgorod trade, household items, costume elements.

* * *

В раскопках средневекового Новгорода было найдено множество предметов западноевропейского происхождения XII–XIV вв. Топография импорта была рассмотрена Е.А. Рыбиной в рамках ее

исследования западноевропейских связей Новгорода¹. Исследовательница выделила «две разновеликие группы: товарные (массовые) категории импорта, среди которых серебро, цветной металл, ткани, янтарь, стеклянные изделия и др., и индивидуальные изделия западных мастеров»². Оказалось, что предметы массового западноевропейского импорта встречаются практически на всех участках археологических исследований. Но были также найдены десятки индивидуальных вещей — фрагменты рейнской керамики, бытовые предметы и ювелирные изделия, элементы поясного набора, фрагменты обуви и предметы религиозного культа. Эта группа находок в отличие от массовых категорий обнаруживается лишь на нескольких раскопах (Неревский, Ильинский, Славенский, Дубошин, Михайловский, Нутный, Никитинский и Троицкий), где исследовались усадьбы новгородских бояр или купцов, торговавших с ганзейцами.

В новгородской вещевой коллекции было выявлено около 200 индивидуальных находок западноевропейского происхождения. Все эти предметы подробно описаны, и к каждому из них подобраны многочисленные прямые аналогии в западноевропейском материале³. В данной статье речь пойдет об их хронологии и топографии.

Неревский раскоп (8840 кв. м). На Неревском раскопе найдено 39 западноевропейских изделий: три экземпляра — в слое второй половины XII в., 18 — в слое XIII в., 18 относятся к XIV в. и один — к первой половине XV в. (рис. 2, табл. 3).

Усадьбы «Д», «И», «Е» и «К» на протяжении XIII–XIV вв. то разделялись на несколько усадеб, то объединялись⁴. Несмотря на это, В.Л. Янин при описании этих усадеб относит их к единому комплексу⁵.

На территории усадьбы «Д» найдено всего три предмета западноевропейского происхождения: это лезвие ножа с клеймом в виде трех

¹ Рыбина Е.А. Западноевропейские находки XIII–XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 87–89; Она же. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 226–262.

² Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009. С. 181.

³ Сережникова Д.С. Безделицы заморские // Родина. 2015. № 2; Она же. Западно-европейские перстни из раскопок Великого Новгорода // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Е.А. Рыбиной. М.; Великий Новгород, 2018; Она же. Западно-европейские фибулы из раскопок Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 175–177; Она же. Западно-европейские предметы поясного набора из раскопок Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 276–278.

⁴ Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. № 123. 1963. С. 7.

⁵ Янин В.Л. Я послал тебе Бересту... М., 1998. С. 94–100, 108–118.

точек, середины XIII в., костяная накладка с изображением «штурма замка любви», которая датируется второй половиной XIII в., и носик водолея первой половины XIV в.

Усадьба «Д» во второй половине XIII в. принадлежала посаднику Варфоломею Юрьевичу, потом перешла его сыну Луке Варфоломеевичу и внуку Онцифору Лукичу, а позднее и правнуку, самому известному из братьев Онцифоровичей — Юрию⁶.

На **усадьбе «И»**, расположенной к югу, через Козмодемьянскую улицу от усадьбы «Д», обнаружено четыре западноевропейские находки XIII в. Это фибула с латинской надписью, звездообразная фибула со вставками, ложновитая фибула⁷ и крышка зеркала.

Исследователями установлено, что в XIV в. эта усадьба принадлежала роду Мишиничей-Онцифоровичей, но, к сожалению, неясно кто именно был владельцем усадьбы в более раннее время. Хотя, судя по косвенным признакам, скорее всего, она принадлежала предкам Мишиничей⁸.

Усадьба «К» расположена напротив усадьбы «И», через улицу Великую. На этой усадьбе в слое XIII в. обнаружено четыре западноевропейских предмета: это каплевидная фибула с растительным орнаментом, кольцевидная фибула с чеканным орнаментом⁹, подвеска из коралла и фрагмент подсвечника в виде человеческой руки. Из слоя XIV в. происходят две находки: кольцевидная фибула с изображением сомкнутых рук и латинской надписью и фрагмент бондарной чаши.

Усадьба «К» в конце XII — первой половине XIII в. принадлежала посадничьей семье Иванки Захарьевича, который занимал должность посадника в 1171 г. и в 1172–1175 гг.¹⁰, и его сына Гюргия (Юрия) Иванковича, который также был посадником в 1215–1216 гг.¹¹ Позднее усадьба перешла семье Онцифоровичей-Мишиничей, и в последней четверти XIV в. ею владел Афанасий Онцифорович¹².

Усадьба «Е» представлена 12 западноевропейскими предметами, четыре из которых найдены в слое XIII в. Это лезвие ножа с клеймом

⁶ Там же. С. 109.

⁷ *Сережникова Д.С.* Западноевропейские фибулы из раскопок Великого Новгорода. С. 173–174, 177.

⁸ *Янин В.Л.* Указ. соч. С. 109.

⁹ *Сережникова Д.С.* Западноевропейские фибулы из раскопок Великого Новгорода. С. 175–177.

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 34, 222.

¹¹ Там же. С. 53, 252–253.

¹² *Янин В.Л.* Указ. соч. С. 199.

в виде двух крестов, сердцевидная фибула с сюжетом «Тристан и Изольда» и две кольцевидные фибулы.

Шесть предметов датируются XIV в., в их числе нож с пластинчатым черенком и деревянной рукоятью, лезвие которого маркировано клеймом в виде песочных часов, пружинные ножницы с клеймом¹³, фрагмент кожаного пояса с накладкой «бруском», в центре которой лепестковая розетка с семью отверстиями, и двумя X-видными накладками, овальная поясная пряжка, поясная цветковидная накладка¹⁴ и крышка фонаря. К XV в. относится фрагмент кожаного пояса с пятью металлическими накладками «брусками» (рис. 1, 10.)

Усадьба «Е», как и три вышеописанные усадьбы, принадлежала в XIV в. Онцифоровичем-Мишиничем, в середине XIV в. — Максиму Онцифоровичу, дипломату и брату посадника Юрия Онцифоровича¹⁵. В это же время усадьба была связана с Карельскими землями, о чем свидетельствует комплекс грамот 1350–1380 гг.¹⁶ и, возможно, здесь жил карельский данник Дмитр, который собирал дани в карельской земле. Позднее усадьба перешла уличанскому старосте боярину Сидору, чья деятельность была также тесно связана с Карельским перешейком и на усадьбе которого тоже жил карельский данник.

По утверждению В.Л. Янина, эта усадьба была тесно связана с Карелией на протяжении полутора столетий — с середины XIII в. до начала XV в. Также есть свидетельство о связи владельцев усадьбы с немецкими купцами — это грамота № 282, в которой говорится о закупленной немецкой соли¹⁷.

На **усадьбе «Б»**, которая располагается к северу от комплекса усадеб Мишиничей-Онцифоровичей, найдено девять западноевропейских предметов. Один из них датируется второй половиной XII в., это фрагмент перстня из золота с яшмовой вставкой, которую держат головы драконов¹⁸. К XIII в. относятся две кольцевидные фибулы и носик водолея. Из слоя XIV в. происходят кольцевидная фибула с чеканным орнаментом, поясной хвостовик с изображением

¹³ Сингх В.К. Железный инструментарий средневекового Новгорода. Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 1. М., 2009. С. 94–95.

¹⁴ Сережникова Д.С. Западноевропейские предметы поясного набора ... С. 276–278.

¹⁵ Янин В.Л. Указ. соч. С. 144–152.

¹⁶ Рыбина Е. А. Топонимы Севера в берестяных грамотах // Путь на Север: истоки. М., 2017. С. 62–75.

¹⁷ Янин В.Л. Указ. соч. С. 86.

¹⁸ Сережникова Д.С. Западноевропейские перстни из раскопок Великого Новгорода. С. 217.

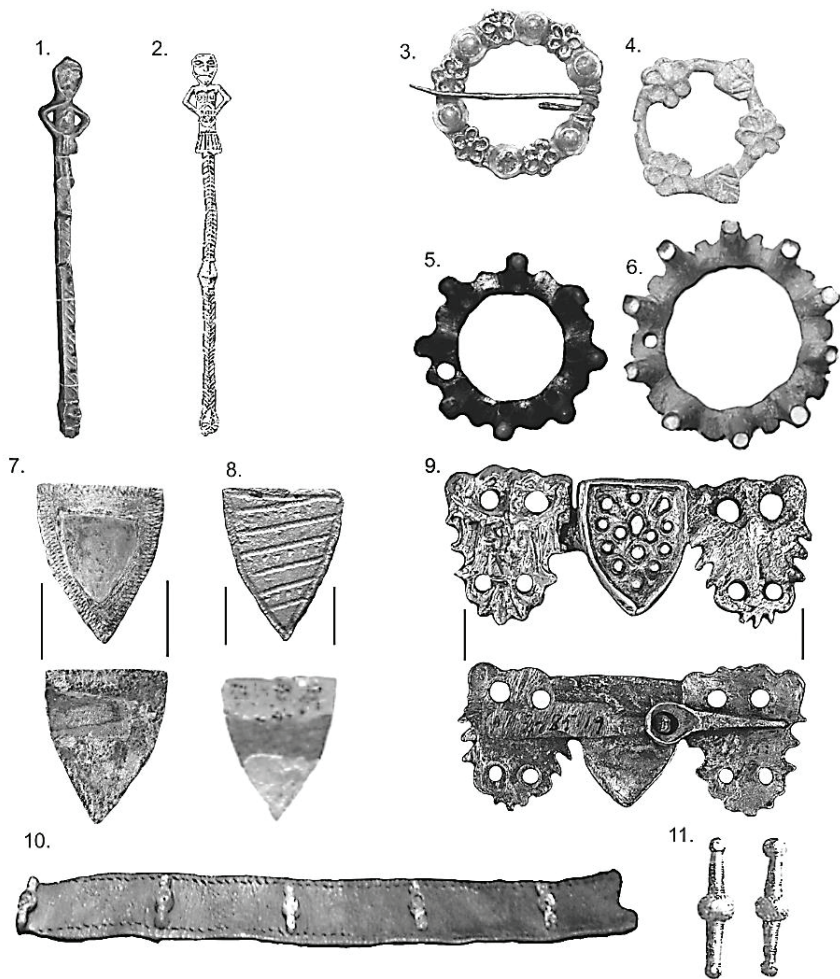

Рис. 1. Западноевропейские предметы из раскопок в Великом Новгороде и их аналоги в Западной Европе

1. Черенок ложки, Великий Новгород, XIV в. (Неревский раскоп, 2-732).
2. Черенок ложки, Лондон, 1350–1400 гг.
3. Фibuла, Великий Новгород (Троицкий раскоп, отвал)
4. Фibuла, Англия, XIII в.
5. Фibuла, Великий Новгород, XIII в. (Троицкий раскоп, 6-1407).
6. Фibuла, Англия, XIV в.
- 7, 8. Детали застежек, Великий Новгород, XIII–XIV в. (Троицкий раскоп, 9-432, 3-918).
9. Застежка, Швеция, XIV в.
10. Фрагмент пояса, первая половина XV в. (Неревский раскоп, 12-1336).
11. Поясные накладки, XIV в., Германия.

дубового листа, лезвие ножа с клеймом в виде четырех точек и два фрагмента водолеев.

Эта усадьба, в отличие от предыдущих, не имеет отношения к боярской семье Онцифоровичей, но, как и усадьба «Е», связана с карельскими землями. Комплекс грамот 1350–1420 гг., найденных на усадьбе «Б», позволяет сделать вывод, что семья, жившая здесь в XIV — первой четверти XV в., была тесно связана с Обонежьем¹⁹. Об этом свидетельствует и большое количество финно-угорских шумящих зооморфных подвесок, найденных на усадьбах «Б» и «Е»²⁰. Социальный статус жителей усадьбы определяется комплексом берестяных грамот, найденным в слоях конца XIII — начала XIV в., в которых речь идет о ростовщичестве.

Две кольцевидные фибулы второй половины XII в. найдены на **усадьбе «А»**. К сожалению, социальную принадлежность владельцев усадьбы установить не представляется возможным.

Около мостовой улицы Великой были найдены кольцевидная фибула XIII в., а также крышка зеркала с геометрическим орнаментом, два фрагмента бондарных чаш и черенок ложки с антропоморфным изображением (рис. 1, 1) XIV в.

Ильинский раскоп (1430 кв. м). На Ильинском раскопе найдено три западноевропейских предмета: кольцевидная бронзовая фибула XIII в. — на усадьбе А, хвостовик ремня с окончанием в виде дубового листа и фрагмент бондарной чаши XIV в. — на усадьбе, которая образовалась после объединения усадеб «А» и «Б» в 20–40-х гг. XIV в.²¹

В.Л. Янин связывает эту усадьбу с представителем новгородской администрации, наместником боярского правительства Феликсом²², который участвовал в заключении договора с немецкими купцами 17 мая 1338 г., начинающегося словами: «Да будет ведомо всем людям, которые эту грамоту слышат и видят. Приехали заморские послы, от Любека господин Маркворт фан Косфельде, от Готланда господин Венемер фан Эссен, а от великого князя Филипп, от новгородцев Андрей, и Филипп, и Павел, и Анисим, и Микула, наместник

¹⁹ Янин В.Л. Указ. соч. С. 89; Рыбина Е. А. Топонимы Севера в берестяных грамотах... С. 62–75.

²⁰ Покровская Л.В. Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. СПб., 2006. С. 270.

²¹ Колчин Б.А., Черных Н.Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 111–113. Рис. 25.

²² Янин В.Л. Указ. соч. С. 209.

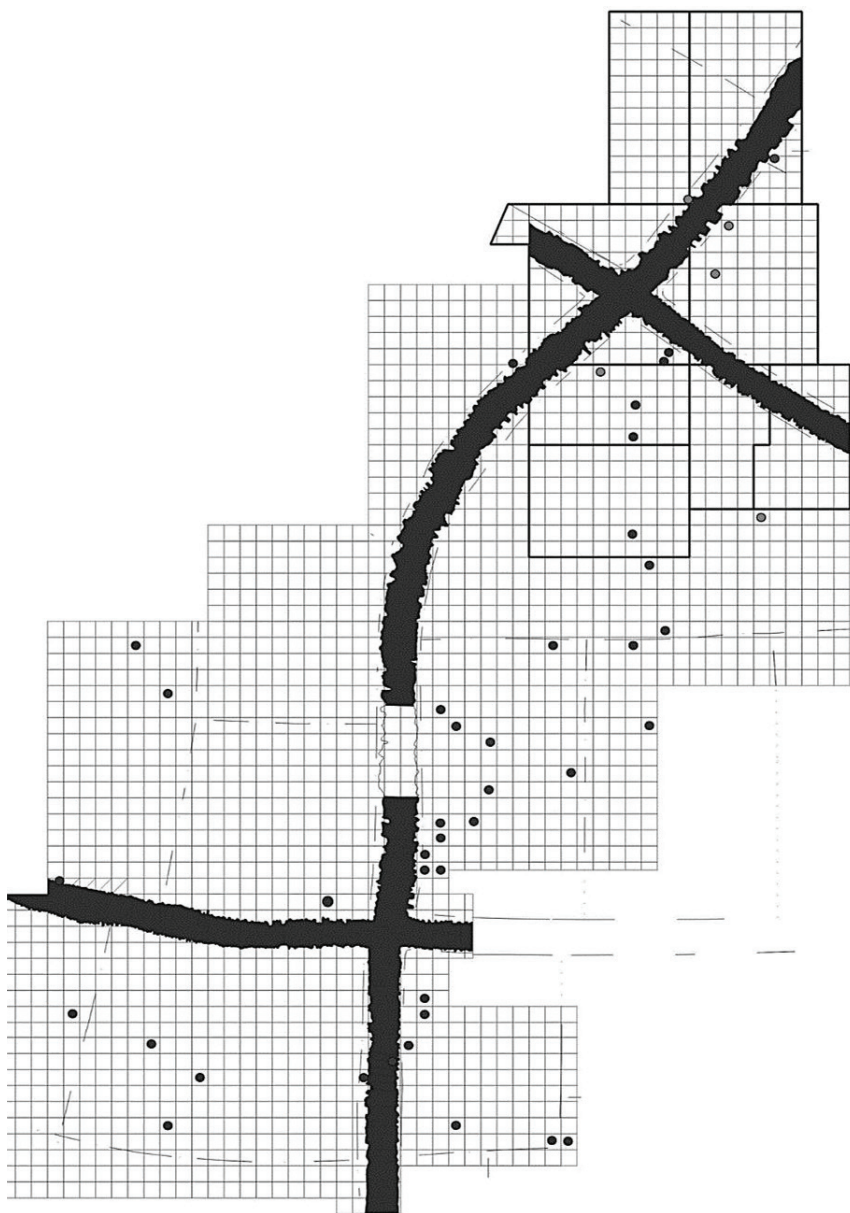

Рис. 2. Топография западноевропейских находок.
Неровский раскоп

Феликс...». Внешнеполитическая деятельность Феликса объясняет появление на его усадьбе отдельных западноевропейских предметов.

Славенский раскоп (320 кв. м). В площадь раскопа вошли три граничащие друг с другом усадьбы, из которых самой значительной оказалась усадьба «А». На ней были обнаружены остатки нескольких ремесленных мастерских, в том числе литейно-ювелирной. В слое XIV в. здесь были найдены разнообразные предметы массового западноевропейского импорта²³.

Кроме того, на этой же усадьбе обнаружено восемь индивидуальных находок западноевропейского происхождения, из которых одна, в виде игольницы с изображением лилий, относится к 80-гг. XIII в., остальные семь датируются XIV в. В числе последних — кожаная коробочка для цер с растительным орнаментом, бронзовые хвостовик и пряжка, костяная фишка для игры в «мельницу», фрагменты рейнского кувшина, а также два деревянных подсвечника с ганзейскими знаками. Также на этой усадьбе найдена грамота с упоминанием шубы немецкой и ожерелья с хрусталем, что свидетельствует о торговых связях жителей усадьбы с ганзейскими купцами.

По мнению Е.А. Рыбиной, комплекс находок с этой усадьбы позволяет считать ее владельца богатым купцом, ведущим торговлю с Ганзой. Характер же индивидуальных находок, возможно, свидетельствует о том, что на этой усадьбе останавливались на постой ганзейские купцы, когда не было места на Немецком дворе²⁴.

Дубошин раскоп (160 кв. м). На Дубошине раскопе было обнаружено восемь индивидуальных западноевропейских изделий, все — в пределах одной усадьбы.

Внутри сруба в слое XIV в. был найден фрагмент цепи хороса, украшенный головами драконов, в слое начала XV в. — лезвие ножа с клеймом в виде трех точек, а за пределами сруба в слое XIII в. фрагмент западноевропейской голубой поливной керамики и оправа зеркала с геометрическим орнаментом. В слое XIV в. были найдены фрагменты рейнской керамики и пластина с лилиями из цветного металла, а также фрагмент деревянной посуды с геометрическим орнаментом. В слое начала XV в. найдено лезвие ножа с пластинчатым черенком и с клеймом в виде креста.

Также из западноевропейских предметов тут найдена свинцовая товарная пломба из Турне, присутствие которой на усадьбе может свидетельствовать о торговых связях владельца усадьбы с Западной Европой. Е.А. Рыбина подчеркивает, что комплекс имеет ярко выраженный западноевропейский характер, и отмечает, что наличие

²³ Там же. С. 207.

²⁴ Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. С. 209.

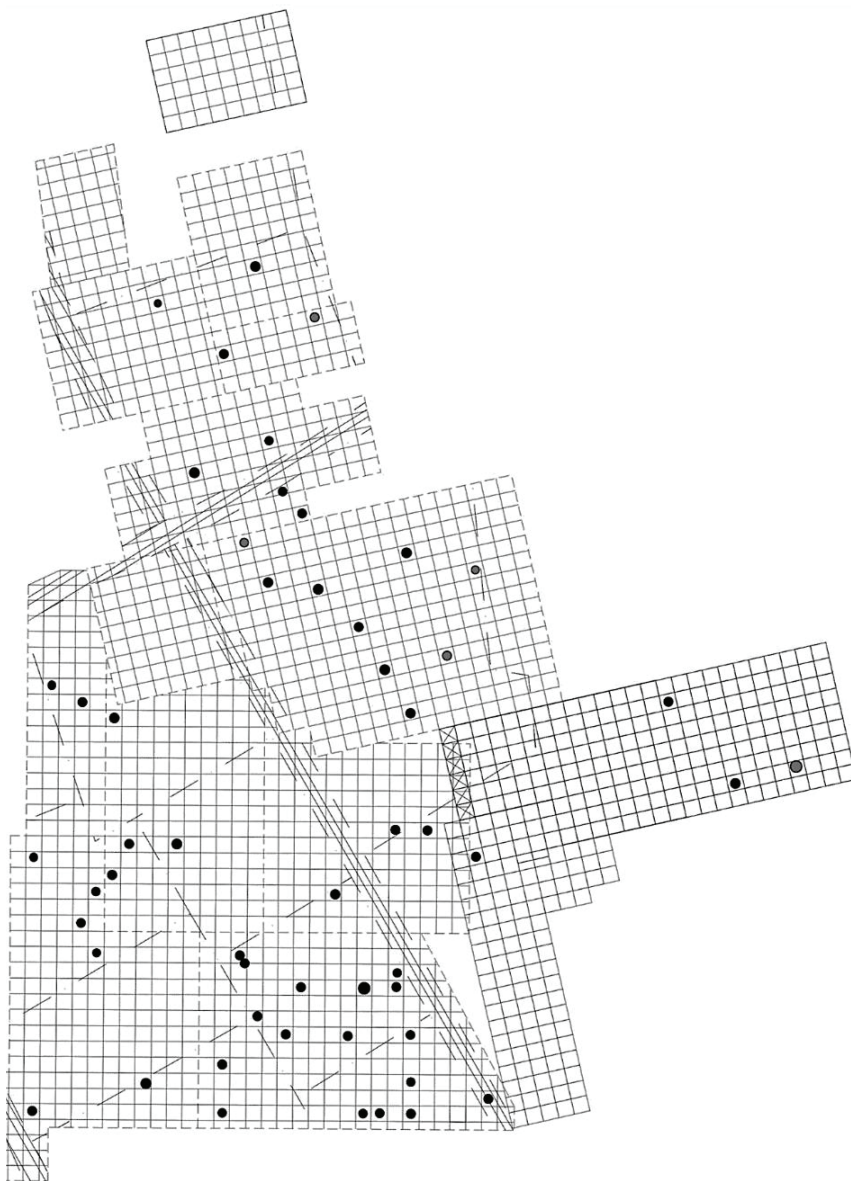

Рис. 3. Топография западноевропейских находок.
Троицкий раскоп

на усадьбе товарной пломбы позволяет судить о ее владельце как о состоятельном человеке. Фламандские сукна продавались в Новгороде целыми отрезами, и только очень состоятельный человек мог позволить себе такую покупку²⁵.

В.Л. Янин, анализируя берестяные грамоты, найденные на этом участке, приходит к выводу, что эта усадьба в первой половине XV в. была связана с боярской семьей посадника Олферия Ивановича Офоносова, а ранее его отца — Ивана Офоносовича, деда — Офоноса Федоровича и прадеда — Федора Тимофеевича: все они были представителями славянского боярства²⁶.

Михайловский раскоп (440 кв. м). На Михайловском раскопе найдено пять предметов западноевропейского происхождения. С усадьбы «А» из слоя начала XIII в. происходит фибула со сдвоенными головами драконов, из слоя XIV в. — фрагмент деревянной посуды с ганзейскими знаками и шахматная фигура западного типа, а также фрагменты рейнской керамики, к первой половине XV в. относится еще один фрагмент деревянной посуды с ганзейским знаком.

Также здесь найдены две товарные пломбы из г. Поперинге, который славился своими желтыми сукнами. Видимо, владельцы усадьбы были состоятельными людьми и у них была возможность покупать дорогие западноевропейские ткани. Принадлежность данной усадьбы сложно установить. Сопутствующий богатый вещевой материал свидетельствует о высоком имущественно-социальном статусе домовладельцев. Берестяные грамоты XIII — первой половины XIV в. не дают информации о жителях этих усадеб, а судя по грамотам второй половины XIV — начала XV в., исследуемый участок был связан с судом и, возможно, с представителем бояра, который был членом суда²⁷.

Нутный раскоп (674 кв. м). На Нутном раскопе найдено девять западноевропейских предметов, шесть из которых — на усадьбе «Б»: две поясные накладки из бронзового сплава датируются XIII в., фрагменты рейнского кувшина и две поясные пряжки — XIV в., металлическая накладка с гербом г. Любека — XV в. На территории усадьбы «А» в слое второй половины XIV в. найдено лезвие ножа с пластинчатым черенком и с клеймом в виде трех точек на левой стороне. Бронзовая копоушка найдена на усадьбе «В» в слое XV в. Звено цепи хороса, украшенное головами драконов, найдено в отвале. Точных данных о принадлежности исследованных усадеб нет, но

²⁵ Там же. С. 209.

²⁶ Янин В.Л. Указ. соч. С. 96.

²⁷ Там же. С. 101.

В.Л. Янин предположительно связывает этот участок с новгородским посадником начала XV в. Олферием Ивановичем и его семьей²⁸, что позволяет говорить о высоком социальном статусе владельцев этих усадеб.

Никитинский раскоп (640 кв. м). Никитинский раскоп представлен примерно 40 предметами западноевропейского происхождения. Условно их можно поделить на две группы: предметы из слоя конца XIII — начала XIV в. и из слоя второй половины XIV — первой половины XV в.

30 миниатюрных накладок из первой группы подробно описал А.Е. Мусин. По его мнению, это был единый комплекс, который являлся орнаментальной композицией и был размещен на одежде или предмете²⁹. Однако только 15 накладок из этого комплекса имеют прямые аналогии в странах Западной Европы, возможно, остальные тоже являются предметами западного производства, но пока аналогии не найдены. Среди этих накладок присутствуют три, возможно, поясные, в виде геральдических щитов. А.Е. Мусин считает, что подобные предметы попадали в Новгород вместе с «делегатами конкретных семей и корпораций, заинтересованных в развитии отношений с Русью»³⁰. Обращает на себя внимание то, что эти предметы сделаны из свинцово-оловянистого сплава и вряд ли могли быть вещами, маркирующими статус.

Подобные предметы массово встречаются в материалах европейских городов и, скорее, можно говорить о широком распространении подобных украшений в различных стратах средневекового общества. В то же время хорошо известен внешний облик элиты германских городов по материалам кладов из Эрфурта, Вайссенфеля и других. Украшения представителей городской элиты отличались ценным материалом и высоким качеством исполнения от массовых недорогих вещей, найденных на Никитинском раскопе.

В этом же слое найдены фибула подквадратной формы из свинцово-оловянистого сплава с 12 стеклянными вставками, овальная поясная пряжка, нож с костяной рукоятью, украшенной циркульным орнаментом, на левой стороне лезвия этого ножа нанесено клеймо в виде пяти точек, а также лезвие ножа, отмеченное клеймом в виде трех точек.

Непосредственно на территории **усады «В»** в слое второй половины XIV в. найдено 11 предметов: пять хвостовиков, овальная

²⁸ Там же. С. 263.

²⁹ Мусин А.Е. Европейская геральдика в материалах раскопок средневекового Новгорода: к истории связей Новгорода и Ганзы // Записки ИИМК. 2012. № 7. С. 138.

³⁰ Там же. С. 140.

пряжка, бронзовая лиможская накладка реликвария с надписью IHS, бронзовая накладка с надписью MUN, фрагмент костяной накладки с изображением зайца и птицы, лезвие ножа с клеймом, а также фрагмент рейнской керамики.

Четыре предмета найдены на **усадеб**е «Б»: поясная накладка в виде креста на Голгофе и лезвие клейменного ножа — в слое конца XIV в., а хвостовик и пряжка — начала XV в.

На территории **усадеб**ы «А» в слое конца XIV в. найдено лезвие ножа с клеймом в виде трех точек.

В отвале найдены фрагмент фибулы из свинцово-оловянистого сплава с надписью AVE MARIA, одна пряжка, три поясных накладки и лезвие ножа с клеймом.

Г.Е. Дубровин считает, что сложность формирования культурного слоя в период, предшествующий появлению усадебной застройки, свидетельствует о попадании сюда вещевого материала с соседних участков³¹, а устойчивая усадебная застройка, ориентированная на уличные трассы, появляется на исследованной территории только в середине XIV в.³² Таким образом, первая группа западноевропейских находок, возможно, попала сюда вместе с грунтом с соседних участков. Находки же второй группы имеют непосредственное отношение к владельцам усадеб «В» и «Б». Опираясь на тексты берестяных грамот, автор раскопок предполагает, что в 60-е гг. XIV — 30-е гг. XV в. усадеб «В» и «Б» принадлежали боярским семьям Плотницкого конца. Археологический контекст находок берестяных грамот подтверждает высокий имущественно-социальный статус владельцев этих усадеб³³.

Троицкий раскоп (ок. 7000 кв. м). На Троицком раскопе найдено 53 предмета западноевропейского происхождения (рис. 3, табл. 3.) Большая часть находок сконцентрировалась на двух небольших западных усадьбах, граничащих между собой, «М» и «К», которые примыкают к Чернициной улице.

Усадьба «К». Три предмета с этой усадьбы датируются XIII в., и два — XIV в.: одна кольцевидная фибула с растительным орнаментом, один стремявидный перстень, фрагмент рукояти ножа в виде «девушки с соколом», фрагмент бондарной чаши и навершие рукояти со сквозным отверстием.

На **усадеб**е «М» найдено восемь предметов XIII в. и два XIV в. Это костяные фишки, шахматная фигура, крышка зеркала и кожаные

³¹ Дубровин Г.Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010. С. 50.

³² Дубровин Г.Е., Козлова А.В., Федорук Н.С. Работы на Никитинском раскопе в 2004 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19. Великий Новгород, 2005. С. 22–29.

³³ Дубровин Г.Е. Указ. соч. С. 115–116.

ножны с растительным орнаментом, три кольцевидных фибулы: в виде цветка, фибула со вставками и фибула с растительным орнаментом, стремявидный перстень, костяная рукоять ножа с изображением головы химеры и деталь застежки от плаща в виде геральдического щита (рис. 1, 8.)³⁴.

Усадьбы «О» представлена тремя находками XIV в. — это костяная фишка, писало в виде шильца с костяной рукояткой и пружинные ножницы с клеймом³⁵. На **усадьбах «П» и «З»** найдено по одному западноевропейскому предмету соответственно: ложновитая кольцевидная фибула и пружинные ножницы с клеймом XIV в.

На **усадьбе «И»** найдено четыре предмета XIII–XIV вв.: фрагмент бондарной чаши, хвостовик с растительным орнаментом, лезвие ножа с клеймом и поле для игры в «мельницу», которое Е.А. Рыбина относит к предметам европейского происхождения³⁶.

Усадьба «Г» представлена тремя предметами западноевропейского происхождения — это две кольцевидные фибулы и накладка в виде геральдического щита XIII–XIV вв.

На **усадьбе «Е»**, находящейся на углу Черничиной и Пробойной улиц, найдено 11 западноевропейских предметов. Три датируются второй половиной XII в.: это две кольцевидные фибулы и ручка металлического сосуда. В слое XIII в. найдено два ножа с клеймами, две фибулы (рис. 1, 5.), застежка в виде геральдического щита (рис. 1, 7.) и костяная фишка, из слоя XIV в. происходит трехчастная цера.

Также из находок, иллюстрирующих возможные западноевропейские связи этой усадьбы и одновременно социальный статус ее владельцев, здесь обнаружена товарная пломба г. Ипра, который славился своими синими шерстяными тканями. Исследователи считают, что в XIII–XIV вв. здесь жили представители клира и церковной администрации.

Западноевропейские находки представлены и на некоторых других усадьбах. Так, на **усадьбе «А»**, расположенной на противоположной стороне Пробойной улицы, напротив усадьбы «Е», найдено семь западноевропейских индивидуальных изделий. Ко второй половине XII в. относится ручка водолея или кувшина с изображением головы дракона и собаки. К XIII в. относятся кольцевидная фибула, крышка зеркала, фрагмент кожаного предмета с изображением зайцев и хвостовик, XIV в. представлен овальной пряжкой и кожаной туфлей с прорезным орнаментом.

³⁴ Сержникова Д.С. Безделицы заморские. С. 147.

³⁵ Сингх В.К. Указ. соч. С. 94–95.

³⁶ Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. С. 211.

На усадьбе «Ж», примыкающей к Чернициной улице с юга и граничащей с усадьбой «Е» с восточной стороны, в слое XIII в. найдено два фрагмента бондарной чаши.

На усадьбе «У», которая северной границей примыкает к усадьбе «Ж», в слое второй половины XII в. найдена ложка с изображением рыб, к XIII в. относится поясная накладка в виде сдвоенных лилий, а к XIV в. — детали кожаного предмета, возможно, футляра с надписью map.

Также одна кольцевидная фибула XIII в. найдена за пределами территорий усадеб на мостовой, и еще одна в отвале (рис. 1, 3).

О социальной принадлежности усадеб Троицкого раскопа почти нет информации, можно лишь предположить, благодаря грамотам Якима³⁷, что владельцы усадьбы «Ж» были представителями боярства. Остальные усадьбы в XIII–XIV вв. нельзя отнести к «элитарным».

Л.В. Покровская также отмечает на усадьбах «М» и «К» увеличение числа ювелирных изделий со второй половины XIII в., предполагая здесь или на соседних усадьбах наличие ювелирной мастерской, тем не менее, исследовательница говорит, что такое большое количество изделий не может быть объяснено только наличием мастерской, и, возможно, в XIII в. происходит рост населения Людина конца за счет переселенцев с северо-запада Новгородской земли, на что указывает увеличение количества на этих усадьбах финно-угорских зооморфных привесок³⁸.

Также по два западноевропейских предмета найдено на Ильменском, Десятинном и Добрынинском раскопах, и по одному — на Торговом, Молотковском, Федоровском, Михаилоархангельском, Тихвинском, Буяном и Дмитровском раскопах (табл. 3). В числе последних овальная камея предположительно из халцедона с изображением Богоматери Одигитрии, обнаруженная в слое XIII в. на Буяном раскопе³⁹.

Обращает на себя внимание и вызывает вопросы распределение находок по усадьбам. Всего в Новгороде исследовано примерно 70 усадеб, из них 13 усадеб, которыми предположительно владели новгородские бояре. На территории каждой из этих усадеб найдены западноевропейские изделия в количестве от одного до 13 экземпляров. Из 13 усадеб территория девяти была раскопана полностью или

³⁷ Сингх В.К. Указ. соч. С. 5.

³⁸ Покровская Л.В. Ювелирные украшения Людина Конца: систематизация и топография (по материалам Троицкого раскопа) // Новгородские археологические чтения — 3. Великий Новгород, 2011. С. 268.

³⁹ Рындина Н.В. Итальянская камея с изображением Богоматери-Одигитрии из Новгорода // Советская археология. 1968. № 4. С. 209–216.

почти полностью. На них западноевропейские предметы встречаются в количестве от одного до 13, на четырех усадьбах, чья территория раскопана лишь частично, подобные предметы встречаются в количестве от одного до восьми.

Еще 25 усадеб, на которых найдены предметы западноевропейского производства в количестве от одного до десяти экземпляров, вероятнее всего, не принадлежали новгородской знати, из них на девяти полностью раскопанных количество найденных западноевропейских предметов варьируется от одного до 10, на остальных, чья территория раскрыта не полностью, от одного до восьми.

На территории 12 усадеб, как полностью, так и частично раскопанных, найдено по одному предмету западноевропейского производства.

Чтобы проверить, есть ли какая-либо закономерность в появлении западноевропейских предметов на тех или иных участках, был применен закон распределения Пуассона (Приложения 1, 2, 3). Это позволило разделить все усадьбы на две группы (табл. 1).

Таблица 1

Группы усадеб, где X — среднее количество находок на усадьбе	Группа 1 $X=0,27$	Группа 2 $X=5,26$
Количество усадеб	47	23

Группа 1. (Приложение 2). В первую группу вошли 47 усадеб, на которых не было найдено западноевропейских предметов или был найден один предмет, территории 10 из усадеб с одним предметом раскопаны частично, а три почти полностью или полностью. Это группа объединила усадьбы, где количество западноевропейских предметов обусловлено недостаточной площадью изученной территории, или, вероятно, попадание в слой одного предмета было случайностью.

Группа 2.1. (Приложение 3). Эта группа включает в себя 13 усадеб, которыми владели предположительно бояре, и 10, вероятнее всего, не принадлежащих новгородской знати, где попадание в слой западноевропейских предметов было систематическим.

Не смотря на то, что территория восьми усадеб была раскрыта не полностью, количество находок на них находится в пределах статистической нормы этой группы и вместе с находками с полностью раскопанных усадеб составляет генеральную совокупность, которая имеет распределение Пуассона.

Исходя из этого, можно предположить, что западноевропейские вещи были в равной степени доступны как новгородской аристокра-

тии, так и представителям других социальных слоев, обладающих денежным капиталом, таким как купечество и, вероятно, так называемым «житым людям», чье сословие расширяется и укрепляется как раз в XIII–XIV вв.⁴⁰, что является временным пиком распространения западноевропейских предметов в Новгороде.

Группа 2.2. Выделяется подгруппа усадеб, где найдено наибольшее количество западноевропейских предметов (9–12 экз.). Это усадьбы «Б» и «Е» Неревского раскопа, а также северо-западные усадьбы Троицкого раскопа. Опираясь на исследования Л.В. Покровской⁴¹, посвященные привескам-амулетам, в XIII — начале XIV в. на этих усадьбах можно выявить положительную корреляцию количества западноевропейских находок и шумящих финно-угорских зооморфных подвесок. Возможно, это говорит о том, что появление западноевропейских вещей на данных усадьбах связано с процессом возможного заселения этой части Людина конца выходцами с северо-запада новгородской земли, а в случае с усадьбами Неревского раскопа — с контактами жителей вышеуказанных усадеб с Карельским перешейком и Обонежьем⁴².

Анализ работ исследователей сельских памятников Карелии и Водской пятины новгородской земли позволяет убедиться в том, что финно-угорское население этих территорий, находившееся в зонах контакта с западноевропейским миром, заимствовало отдельные элементы костюма, такие, как например, фибулы⁴³.

Таким образом, можно предположить, что мигранты с Северо-Запада принесли в Новгород не только свой традиционный костюм, но и новые, усвоенные ими элементы западноевропейского убора.

Необходимо отметить, что финно-угорские народы, попавшие в орбиту влияния древнерусского государства и, в частности, Новгорода, со временем утратили особенности своего этнического костюма. В то же время, представители балтских и западно-финских племен, превратившиеся в XIII–XIV вв. в подданных немецкого ордена и датской короны, по-прежнему использовали в женском праздничном уборе кольцевидные фибулы, сохраняющиеся в составе национального костюма и по сей день.

Приведенное выше предположение является недостаточным, если принять во внимание присутствие на Троицком раскопе большого числа довольно специфических вещей, таких как бондарные

⁴⁰ Янин В.Л. Указ. соч. С. 248.

⁴¹ Покровская Л.В. Привески-амулеты средневекового Новгорода ... С. 270.

⁴² Янин В.Л. Указ. соч. С. 618.

⁴³ Бельский С. В. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (археологические исследования 2006–2009 годов). СПб., 2012. С. 144, 149, 159.

чаши и дорогостоящие рукояти ножей из резной кости. Эти предметы могут свидетельствовать о проживании здесь выходцев из Европы. Это вполне вероятно, так как из письменных источников известно о проживании в домах новгородцев молодых купцов, обучавшихся русскому языку⁴⁴.

Таблица 2

Категория находок	2-я пол. XII в.	1-я пол. XIII в.	2-я пол. XIII в.	1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV в.	1-я пол. XV в.	?
Фибулы круглые	2	8	9	3	1	–	2
Фибулы круглые с чеканным орнаментом	–	1		2	–	–	
Фибулы круглые со вставками	2	2	1	–	–	–	1
Фибулы фигурные	–	1	–	2	–	–	2
Фибулы фигурные со вставками	1		2				1
Всего фибул	5	12	12	7	1	-	6
Пряжки	-	-	1	4	4	1	2
Поясные накладки		2	2	9	2	5	8
хвостовики			2	2	5	2	1
Всего элементов поясного набора		2	5	15	11	8	11
Другие элементы костюма			2	6	1		2
Перстни	2	2		1	1		
Бытовые предметы	3	11	10	16	21	5	4

Самое большое количество западноевропейских фибул найдено в слое XIII в. (табл. 2). На боярских усадьбах всего найдено 12 фибул из 40, три из 12 на усадьбе, чьи жители имели тесную связь с Карелией.

Пик моды в Западной Европе на кольцевидные и фигурные фибулы приходится на XIII — начало XIV в., именно в это время наиболее часто встречаются скульптурные, равно как и художественные изображения этих деталей одежды. В этот же период такой

⁴⁴ Сквайрс Е. Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 59–63.

тип фибул фиксируется в культурном слое в Лондоне⁴⁵. С середины XIV в. такие фибулы начинают исчезать из обихода, так, например, в денежно-вещевом кладе из Эрфурта (предположительно 1349 г.), в состав которого входит несколько сотен изделий ювелирного ремесла XIII–XIV вв., находится всего четыре кольцевидных фибулы и несколько сложносоставных брошей-аграфов (застежка в виде броши для причесок и платьев). В синхронном и сходном по составу кладе из французского Кольмара содержится всего две фибулы, в кладе из Вайссенфеля — одна.

Несмотря на то что кольцевидные и фигурные фибулы утрачивают свое функциональное значение, они продолжают сохраняться в костюме и в период позднего Средневековья. Сильно уменьшившись в размерах, они играли роль чисто декоративных брошек, которые прикалывали на головной убор или верхнюю одежду. Такие брошки носили уже чисто смысловую нагрузку. В материалах Новгорода такие поздние фибулы пока неизвестны.

Элементы западноевропейского поясного набора наибольшее распространение получают в Новгороде в XIV в. Как видно из таблицы 2, семь предметов из новгородской коллекции датируются XIII в., 26 предметов — XIV в., восемь предметов — первой половиной XV в. При этом 32 элемента найдено на боярских усадьбах, учитывая два фрагмента кожаных поясов с металлическими накладками.

Культура поясного набора в европейском Средневековье складывается, судя по всему, лишь в XIII в. Но некоторые типы поясных накладок появляются уже во второй половине XII в., например, это накладки в виде вытянутых брусков с шариками на концах и утолщением с отверстием в центре⁴⁶, представленные в Новгороде на фрагменте пояса начала XV в., и некоторые другие.

Западноевропейские наборные пояса конца XII–XIII вв. — это почти исключительно атрибут рыцарской культуры, а в XIV в. наблюдается уже большее видовое и типологическое разнообразие элементов поясного набора: пряжек, ременных окончаний, накладок, причем наборный пояс распространяется гораздо шире. Археологический контекст убедительно свидетельствует о том, что наборный пояс становится престижным элементом костюма в довольно широких слоях населения. В то же время в рыцарской среде возникает особый тип пояса: широкий ремень, украшенный накладками большого диаметра, либо пояс, целиком составленный из металлических элементов, соединенных петлями. Судя по новгородскому материалу,

⁴⁵ Egan E., Pritchard F. *Medieval finds from excavation in London. Dress accessories, 1150–1450.* London, 2002. P. 256.

⁴⁶ Ibid. P. 26.

западноевропейский наборный пояс оставался по большей части маркером принадлежности к аристократии, хотя в синхронном западноевропейском контексте элементы, подобные новгородским, характерны скорее для «бюргерского» костюма. Подобное «отставание» вовсе не обязательно объяснять архаичностью новгородского костюма, скорее можно говорить об особенностях контактной зоны, т.к. торговые контрагенты новгородцев были по большей части с представителями именно купеческого сословия, поэтому их вкусы могли оказывать влияния на предпочтения новгородцев.

Таблица 3

Раскоп	2-я пол. XII в.	XIII в.	XIV в.	1-я пол. XV в.	?	Всего
Троицкий	5	30	17		1	53
Никитинский		19	14	2	6	41
Неревский	3	18	18	1		40
Нутный		2	4	2	1	9
Славенский		1	7			8
Дубошин		2	4	2		8
Михайловский		1	3	1		5
Ильинский		1	2			3
Десятинный		1	1			2
Добрынинский		2				2
Ильменский			2			2
Михайлоархангельский			1			1
Тихвинский			1			1
Буяный			1			1
Федоровский			1			1
Молотковский			1			1
Дмитровский			1			1
Торговый		1				1
Б/п					16	16
	8	78	78	8	24	212

Таким образом, в Новгороде найдено около 200 западноевропейских предметов. Западноевропейское происхождение отдельных находок не всегда может быть однозначно установлено, археологиче-

ские материалы свидетельствуют, что местные ремесленники нередко копировали вещи, привезенные из других стран, но малое количество выявленных предметов и, напротив, большое количество аналогий в западноевропейском материале, а также синхронность распространения каждого типа предметов в Новгороде и Европе говорят о западноевропейском характере исследуемых находок.

Появление западноевропейских предметов в Новгороде приходится на вторую половину XII в., когда община немецких купцов прочно закрепляет свои позиции, основывая в Новгороде двор Святого Петра. В слоях XIII и XIV вв. зафиксировано наибольшее количество предметов западноевропейского происхождения, что соответствует расцвету новгородско-ганзейских отношений, а также активности Ганзы в северо-западных землях. В 1430-х гг. позиции немецких купцов ослабляются из-за усиления конкуренции в балтийской торговле, а количество западноевропейских вещей существенно сокращается. В то же время, необходимо отметить, что слои XV в. в Новгороде изучены недостаточно, на многих участках они нарушены хозяйственной деятельностью XVIII–XIX вв., поэтому корректных выводов на основании сегодняшних данных о количестве и топографии западноевропейских находок этого времени сделать нельзя. Из письменных источников известно, что Новгород продолжал оставаться воротами в Западную Европу и в Новое время, совершенно очевидно, что импорт европейских вещей продолжался как в XV в., так и позднее.

Приложение 1.

Количество артефактов X в усадьбе	Количество усадеб с X артефактами	Вероятность P(X) для распределения Пуассона при среднем=5,26	Теоретическое количество артефактов X в боярских усадьбах	
0	0	0,024	0,871	0,87067974
1	13	0,090	3,241	29,39037987
2	5	0,168	6,031	0,176214169
3	4	0,208	7,482	1,620694406
4	3	0,193	6,962	2,254975485
5	2	0,144	5,183	1,954528613
6	2	0,089	3,215	0,459182385
7	1	0,047	1,709	0,294449221
8	2	0,022	0,795	1,824674243
9	1	0,009	0,329	1,369220123

10	1	0,003	0,122	6,290895419
11	1	0,001	0,041	22,18253241
12	1	0,000	0,013	75,84554863
	36		критерий со- гласия	144,5339747
Средние	3,72222222			
Число степеней свободы	12			
Уровень значимости	0,05			
Критическое значение	21,026			

Критерий согласия больше критического значения, следовательно, гипотеза о том, что генеральная совокупность имеет распределение Пуассона, неверна. Вероятность ошибочности суждения 0,05.

Приложение 2.

Количество артефактов X в усадьбе	Количество усадеб с X артефактами	Вероятность P(X) для распределения Пуассона при среднем=5,125	Теоретическое количество артефактов X в усадьбах	
0	34	0,756	35,522	0,0651989
1	13	0,212	9,946	0,9376747
	47		критерий согласия	1,0028736
Средние	0,276595745			
Число степеней свободы	1			
Уровень значимости	0,05			
Критическое значение	3,841			

Критерий согласия меньше критического значения, следовательно, гипотеза о том, что генеральная совокупность имеет распределение Пуассона, верна. Вероятность ошибочности суждения 0,05.

Приложение 3.

Количество артефактов X в усадьбе	Количество усадеб с X артефактами	Вероятность P(X) для распределения Пуассона при среднем=5,26	Теоретическое количество артефактов X в боярских усадьбах	
0	0	0,005	0,119	0,119492009
1	0	0,027	0,629	0,628527965
2	5	0,072	1,653	6,776784297
3	4	0,126	2,898	0,418768426
4	3	0,166	3,811	0,172690522
5	2	0,174	4,009	1,007103706
6	2	0,153	3,515	0,652955458
7	1	0,115	2,641	1,019853527
8	2	0,076	1,737	0,039945511
9	1	0,044	1,015	0,000220407
10	1	0,023	0,534	0,406992108
11	1	0,011	0,255	2,172466893
12	1	0,005	0,112	7,048435446
	23		критерий согласия	20,46423627
Средние	5,26086957			
Число степеней свободы	12			
Уровень значимости	0,05			
Критическое значение	21,026			

Критерий согласия меньше критического значения, следовательно, гипотеза о том, что генеральная совокупность имеет распределение Пуассона, верна. Вероятность ошибочности суждения 0,05.

References

Bel'skiy S.V. *Mogil'nik Kyulyalakhti Kalmistomyaki v Severo-Zapadnom Priladozh'ye (arkheologicheskiye issledovaniya 2006–2009 godov)* [Kylälähti Kalmistomäki Burial Ground in the North-West Ladoga Region (2006–2009 Archaeological Research)]. Saint Petersburg: Nauka, 2012. 240 p.

Dubrovin G.E. *Nikitinskiy raskop v Novgorode* [Nikitinsky Excavation Site in Novgorod]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2010. 335 p.

Dubrovin G.E., Kozlova A.V., Fedoruk N.S. *Raboty na Nikitinskom raskope v 2004 g.* [Excavations on Nikitinsky Site] // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod Land. History and Archaeology]. Is. 19. Velikiy Novgorod: NGOMZ, 2005, p. 22–29.

Egan E., Pritchard F. *Medieval Finds from Excavation in London. Dress Accessories, 1150–1450*. London: Boydell press, Museum of London, 2002. 410 p.

Kolchin B.A., Chernykh N.B. *Il'inskiy raskop (stratigrafiya i khronologiya)* [Ilyinsky Excavation Site (Its Stratigraphy and Chronology)] // *Arkheologicheskiye izucheniye Novgoroda* [Novgorod Archaeological Study]. Moscow: Nauka, 1978, p. 57–116.

Musin A.E. *Yevropeyskaya geraldika v materialakh raskopok srednevekovogo Novgoroda: k istorii svyazey Novgoroda i Ganzy* [European Heraldry in the Finds of Medieval Novgorod: On the History of Relations between Novgorod and the Hansa] // *Zapiski IIMK RAN*. Is. 7. 2012, p. 132–147.

Pokrovskaya L.V. *Priveski-amulety srednevekovogo Novgoroda (Nerevskiy i Troitskiy raskopy)* [Medieval Novgorod Pendant Amulets (Nerev and Troitskiy Excavation Sites)] // *Slavyano-russkoye yuvelirnoye delo i yego istoki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya G.F. Korzukhinoy* [Slavic and Russian Jewelry and Its Origins. The Acta of the International Academic Conference Dedicated to G. F. Korzukhina's Centennial]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006, p. 259–272.

Pokrovskaya L.V. *Yuvelirnyye ukrasheniya Lyudina kontsa: sistematizatsiya i topografiya (po materialam Troitskogo raskopa)* [Jewelry of the Lyudin Konets: Systematization and Topography Based on the Finds on the Troitskiy Excavation Site] // *Novgorodskiy arkheologicheskiye chteniya – 3*. Velikiy Novgorod: TPK “Pechatnyy dvor”, 2011, p. 255–269.

Rybina E.A. *Novgorod i Ganza* [Novgorod and the Hansa]. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 320 p.

Rybina E.A. *Toponimy Severa v berestyanykh gramotakh* [Toponyms of the North in Birch Bark Letters] // *Put' na Sever: istoki* [Road to the North: The Origins]. Moscow: Art Volkhonka, 2017, p. 62–75.

Rybina E.A. *Torgovlya srednevekovogo Novgoroda. Istoriko-arkheologicheskiye ocherki* [Medieval Novgorod Trade. Historical and Archaeological Essays]. Velikiy Novgorod: NovGU, 2001. 390 p.

Rybina E.A. *Zapadnoyevropeyskiye nakhodki XIII–XIV vv. iz raskopok v Novgorode* [The 13th and 14th-centuries Western European Finds from Novgorod Excavations] // *Novgorodskiy arkheologicheskiye chteniya*. Velikiy Novgorod: NGOMZ, 1994, p. 87–89.

Serezhnikova D.S. *Bezdelitsy zamorskiye* [Foreign Gewgaws] // *Rodina*. 2005. № 2, p. 147–148.

Serezhnikova D.S. *Zapadnoyevropeyskiye fibuly iz raskopok Velikogo Novgoroda* [Western European Fibulas from Veliky Novgorod Excavations] // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya* [Novgorod and the Novgorod Land]. Is. 27. Velikiy Novgorod: NGOMZ, 2013, p. 171–178.

Serezhnikova D.S. *Zapadnoyevropeyskiye perstni iz raskopok Velikogo Novgoroda* [Western European Finger Rings from the Excavations of Veliky Novgorod] // *Neskonchayemoye leto. Sbornik statey v chest' Ye.A. Rybinoy* [Endless Summer. Collection of Articles in Honor of E.A. Rybina]. Moscow; Velikiy Novgorod: NGOMZ, 2018, p. 216–219.

Serezhnikova D.S. *Zapadnoyevropeyskiye predmety poynasno go nabora iz raskopok Velikogo Novgoroda* [Western European Belt Set Items from Veliky Novgorod Excavations] // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya* [Novgorod and the Novgorod Land]. Is. 28. Velikiy Novgorod: NGOMZ, 2014, p. 272–280.

Singh V.K. *Zheleznyy instrumentariy srednevekovogo Novgoroda* [Iron Tools of Medieval Novgorod]. PhD Candidate in History Diss. Vol. 1. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 2009. 191 p.

Skvayrs E.R., Ferdinand S.N. *Ganza i Novgorod: yazykovyye aspekty istoricheskikh kontaktov* [The Hansa and Novgorod: Linguistic Aspects of Historical Contacts]. Moscow: Indrik, 2002. 368 p.

Yanin V.L. *Ya poslal tebe berestu...* [I sent you a birch bark...]. 3rd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 462 p.

Zasurtsev P.I. *Usad'by i postroyki drevnego Novgoroda* [Residences and Buildings of Old Novgorod] (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Studies on the Archaeology of the USSR]. № 123). Moscow: IA AN SSSR, 1963, 165 p.

Поступила в редакцию
6 ноября 2019 г.

С.В. Усачева*

**ФЕДОР АЛЕКСЕЕВ И УЧЕНИКИ:
В МАСТЕРСКОЙ И В КЛАССЕ**

S. V. Usacheva

**FYODOR ALEKSEYEV AND HIS DISCIPLES:
IN THE WORKSHOP AND CLASSROOM**

Аннотация. Ф.Я. Алексеев, ведущий представитель жанра городских проспектов в русской академической живописи рубежа XVIII–XIX вв., многие годы совмещал художественную и педагогическую практику, одновременно выступая в роли главы мастерской и руководителя класса перспективной живописи Императорской Академии художеств. На примере деятельности Алексеева автор рассматривает содержание понятий «мастерская» и «школа» в эпоху классицизма в России, когда прежние цеховые формы работы мастера и подмастерьев соседствовали с новой академической системой подготовки профессиональных художественных кадров. Основой для анализа выступает практическая работа Алексеева над императорским заказом — написанием видов Москвы, образ которой символизировал в конце XVIII — начале XIX в. национальные исторические традиции и выступал своего рода анти-тезой столичному Петербургу. Особенности взаимоотношений мастера и его помощников отражены в совместной работе Алексеева и выпускников Академии — А.М. Кунавина и И.В. Мошкова — над графическими видами Москвы в 1800–1801 гг. (после командировки в первопрестольную столицу по заданию Академии художеств). Изучение произведений с точки зрения типологических особенностей изображений, их стилистики и манеры исполнения позволяет определить роль мастера и его подопечных в процессе создания видов. В статье прослеживается композиционная и смысловая трансформация видов от натуральных акварелей к картинам, принесшим Алексею славу первого мастера отечественного городского пейзажа. Опыт руководителя мастерской, непосредственно передающего свой опыт подопечным и определяющего конечный результат работы, нашел продолжение в деятельности Алексеева-профессора, возглавлявшего класс перспективной живописи в Академии художеств с 1803 по 1824 г. и продолжавшего практику

* *Усачева Светлана Владимировна*, кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи; заведующий отделом НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств
Usacheva Svetlana Vladimirovna, PhD Candidate in Art History and Criticism, Chief Research Fellow, State Tretyakov Gallery; Head of the Department, Research Institute of Art Theory and History, Russian Academy of Arts
+7-916-217-49-12; usacheva-sv@yandex.ru

написания полотен на московскую тематику. Благодаря тесному совмещению творческой и педагогической практики Алексеев оказал значительное влияние на формирование типологической и образной «модели» городского пейзажа, получившей развитие в русской живописи начала XIX в.

Ключевые слова: Императорская Академия художеств, русское искусство, классицизм в живописи, класс перспективной живописи, пейзажная школа, Ф.Я. Алексеев, М.Н. Воробьев.

Abstract. Feodor Alekseyev, a leading representative of the genre of perspective cityscapes in the Russian academic art at the turn of the 18th century, combined artistic work and teaching practice for many years, simultaneously acting as the head of the workshop and the professor of the perspective painting class at the Imperial Academy of Arts. Based on Alekseyev's activities, the author examines the content of the concepts of "workshop" and "school" in the era of classicism in Russia, when the earlier forms of master and apprentices' working in a guild coexisted with the new academic system of training professional artists. The basis for the analysis was Alekseyev's practical work commissioned by the Emperor, i.e. his execution of the views of Moscow, whose image symbolized national historical traditions and acted as a certain antithesis to the metropolitan Petersburg in the late 18th and early 19th centuries. The features characterising the relationship between the master and his assistants are reflected in Alekseyev's collaboration with the graduates of the Academy, A.M. Kunavin and I.V. Moshkov, as they worked jointly on the graphic views of Moscow in 1800–1801 (after the business trip to the ancient capital on assignment for the Academy of Arts). The study of the paintings from the perspective of the typological features of images, their style and manner of execution let the author identify the respective roles of the master and his mentees in the process of creating the cityscapes. The article traces the compositional and semantic transformation of the views starting with watercolour drawings from nature and ending with the paintings that brought Alekseyev the glory of the first master of the Russian cityscape. Alekseyev's experience as the head of the workshop, when he directly shared his expertise with his apprentices and determined the final result of their work, was extended in the activities of Alekseyev as a professor, who headed the class of perspective painting at the Academy of Arts from 1803 to 1824, and continued the practice of creating the panoramic views of Moscow. Thanks to the close integration of artistic and pedagogical practice, Alekseyev had a significant impact on the formation of the typological and figurative "model" of the urban landscape which was developed in the Russian art at the beginning of the nineteenth century.

Keywords: Imperial Academy of Arts, Russian art, classicism in painting, class of perspective painting, Russian landscape school, F.Ya. Alekseyev, M.N. Vorobiev.

* * *

В академической карьере художника-пейзажиста Ф.Я. Алексеева (1753 (1754?) — 1824) можно выделить два узловых момента, связанные с его деятельностью на педагогическом поприще.

Первый — командировка в Москву в 1800 г. по заданию Академии художеств «для снятия видов» в сопровождении академических воспитанников А.М. Кунавина и И.В. Мошкова. Второй — назначение Алексева вскоре после возвращения в Петербург руководителем класса перспективной живописи, который художник возглавлял до своей кончины. Хотя в том и в другом случае Алексеев выступал в роли наставника, функции его были несколько различны. В первом случае его можно назвать мастером, исполнявшим ответственный заказ, большой объем и сложность которого предполагали наличие помощников, т.е. подмастерьев. Став профессором специального живописного класса, Алексеев приобрел полномочия и обязанности педагога, призванного руководствоваться не только собственным творческим опытом, но и принятыми в Академии методами обучения.

Таким образом, деятельность художника побуждает обратиться к вопросу о взаимодействии в отечественной академической среде мастерской и школы — понятий, изначально связанных с разными эпохами в европейской истории искусства. В эпоху сложения и господства классицистических нормативов смысловые оттенки данных терминов значительно варьируются, вызывая целый ряд вопросов. В частности, можно ли говорить о существовании мастерской, призванной воплощать творческую волю мастера в рамках академической системы образования? С другой стороны, может ли мастерская перерасти в школу в академическом смысле слова, глава которой не столько ограничивает, сколько стимулирует творческий потенциал воспитанников, формируя новые представления о задачах жанра, его образной и типологической структуре?

Стремительная европеизация отечественной культуры в XVIII в. обусловила взаимопроникновение двух форм обучения — прежней, цеховой, и новой, связанной с формированием академической среды. Еще одна примета времени — совмещение практической и педагогической деятельности мастеров, прежде всего иностранных. Известно, что первыми преподавателями перспективы как особого жанра в Академии художеств стали итальянские декораторы, а их русские подмастерья наряду с цеховыми, получали академические звания. Так, А.И. Бельский, работавший с Д. Валериани и А. Перезинотти, дважды исполнял программы, за которые был удостоен звания «назначенного» в академики (второй раз после введения нового академического устава), а уже после этого стал мастером, получив, таким образом, и цеховые привилегии¹.

Алексеев начал свою карьеру непосредственно в Академии художеств, но многие годы после возвращения из пенсионерской поездки

¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 526. Л. 1–13.

в Италию (1773–1777) числился в Дирекции императорских театров «по монтировочной части» под началом П. Градицци. Театральная специфика способствовала сохранению непосредственной зависимости исполнителей декораций от инвенторов — авторов эскизов, контролировавших процесс их создания, и Алексеев, несомненно, хорошо представлял характер взаимоотношений мастера и подмастерьев. Правда, имя художника в документах Дирекции встречается лишь единожды, и то среди сотрудников Театрального училища². Вероятнее всего, Алексеев занимался в Дирекции преимущественно преподаванием (он упоминает о воспитанном в период работы в Дирекции ученике в послужном списке), а значит, так или иначе следовал методам, по которым обучали в Академии его самого³. Одновременно рос его опыт копииста произведений западноевропейских авторов городской ведуты и архитектурных фантазий, а затем и автора оригинальных городских видов⁴.

Пройдя подобную практику, Алексеев-мастер проявил себя в полной мере во время путешествия в Москву вместе с Кунавиным и Мошковым. Впрочем, можно ли назвать Кунавина и Мошкова непосредственными учениками художника? Преподавать в Академии Алексеев начал уже после возвращения в Петербург (в декабре 1802 г. он был удостоен звания профессора и советника Академии художеств). Кунавин же и Мошков в 1800 г., накануне отъезда в древнюю столицу, уже значились воспитанниками старшего, 5-го возраста⁵. Выпускники были даны Алексееву в помощь и стали его пенсионерами. Алексееву были отпущены финансовые средства на содержание воспитанников, он отвечал за их поведение, т. е. мастер принял на себя роль опекуна, сродни той, которую играли резиденты Академии, ведавшие академическими выпускниками за рубежом⁶.

Итог московского вояжа — акварельный «Портфель московских видов» — позволяет представить характер творческого сотрудничества мастера и его помощников. В 1953 г., после первой монографической экспозиции произведений художника, известный исследователь его творчества А.А. Федоров-Давыдов сожалел о том, «что на выставку были собраны не все находящиеся в музеях СССР произведения

² Архив Дирекции императорских театров. Сборник документов. Вып. 1. СПб., 1892. С. 322.

³ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 720. Л. 73.

⁴ *Петров П.Н.* Сборник документов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Под ред. П.Н. Петрова. В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1865. С. 15.

⁵ *Федоров-Давыдов А.А.* Федор Яковлевич Алексеев. М., 1955. С. 91.

⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 20. Ед. хр. 51. Л. 1–4.

Алексеева и что не были показаны работы учеников, выполненные под его непосредственным руководством»⁷. Изучение работ «Портфеля», действительно, затруднено. На протяжении долгого времени хранившийся в Эрмитаже, в начале XX в. он был разрознен, рисунки оказались рассредоточены по нескольким московским и петербургским музейным собраниям. Как единый комплекс, куда вошли также реплики и графические воспроизведения ряда московских акварелей, они впервые экспонировались на юбилейной монографической выставке художника, прошедшей в 2004 г. в ГТГ.

На акварелях отсутствуют подписи, и для обозначения коллективного авторства «Портфеля» в музейной среде приняты два варианта: «Алексеев и ученики» или «мастерская Алексеева»⁸. Единоличное авторство, столь важное для нынешних историков искусства, вряд ли было существенно для создателей и заказчиков альбома. Подручные Алексеева не могли претендовать на особую оценку своей работы, а тем более, ее авторский статус. Однако иерархическое разделение функций, характерное для мастерской, в данном случае корректировалось общей для всех художников академической школой и заложенными в ней нормативами. Можно сказать, что в перспективной живописи нормативность нашла выражение в своего рода пространственных моделях, прочно связанных в сознании академических воспитанников с определенным типом пейзажа. В этой ситуации роль учеников была довольно значительной, они принимали участие в экспедиции, будучи во многом достаточно подготовленными для решения задач, которые ставил перед ними не столько наставник, сколько сама цель путешествия.

Стилистическая разница между листами московской серии очевидна, и исследователи неоднократно предпринимали попытки выявить руку каждого из авторов. Важную роль здесь играют знаточеский опыт и интуиция и привлечение корреспондирующего иконографического материала⁹. Не менее существенным, на наш взгляд, является анализ метода работы и последовательность ее этапов. Выяснить, что входило в обязанности подмастерьев Алексеева, помогает присутствие в альбоме нескольких вариантов одного и того же вида, а также использование акварелей при создании живописных полотен.

Цель, определенная в задании Академии как «снятие видов», подразумевала своего рода топографическое исследование, создание своеобразной живописной «карты» древней Москвы (и окрестно-

⁷ Федоров-Давыдов А.А. Указ. соч. С. 10.

⁸ Скорнякова Н.Н. Графическая серия московских видов Федора Алексеева // Федор Алексеев и его школа. Альбом. М., 2004. С. 18.

⁹ Скорнякова Н.Н. Указ. соч. С. 17–25; Федоров-Давыдов А.А. Указ. соч. С. 54, 95.

стей), ставшей в конце XVIII — начале XIX в. местом паломничества русских и иностранных путешественников. Она включала Кремль, Китай-город, Замоскворечье, Лефортово, живописные окрестности усадьбы Царицыно и Троице-Сергиевской Лавры. Внимание художников также привлекли недавно сооруженные классицистические здания Московского университета и госпиталя в Лефортово. Вид последнего Алексееву был заказан «начальником над гофшпиталями» Г.А. Хомутовым¹⁰.

Суля по всему, точки зрения на виды определял сам Алексеев, но уже начальный этап работы предполагал некоторую самостоятельность перспективного мышления его подопечных. Поручения мастера не исчерпывались указаниями запечатлеть отдельные постройки. Ученики «снимали» именно виды со всеми присущими им архитектурными и топографическими особенностями, создавая документальный обзор местности — поначалу безлюдной, поскольку большинство проспектов акварельной серии лишены стаффажа. Неизвестно, использовали ли Кунавин и Мошков во время натурной работы камеру-обскуру или другие оптические и математические приспособления. В любом случае пространственное решение перспектив кажется созданным «на глаз». По крайней мере, в композиционных решениях акварелей явно ощутимо влияние образцовых пространственных «моделей», известных воспитанникам из учебной практики. Пользуясь ими, ученики с документальной скрупулезностью передавали архитектурные подробности видов, которые при всей неуклюжести исполнения могут быть использованы для подробной, а, главное, вполне достоверной реконструкции архитектурного облика «допожарной» Москвы.

Чаще всего на акварелях представлены перспективы улиц, причем в ряде случаев изображения словно продолжают друг друга, позволяя увидеть местность с разных сторон. Реже в «Портфеле» встречаются панорамы, подразумевающие «сложносочиненное» композиционное решение. В этих случаях уже ощутима рука мастера, владеющего целым набором пространственных приемов, еще недоступным ученикам, и свободно их варьирующим. Аналогичные приемы можно обнаружить в более ранних живописных работах Алексеева и работах его современников, в том числе западноевропейских. Среди эталонов подобного рода, вошедших в альбом, можно назвать уже упомянутый вид на военный госпиталь в Лефортово.

В процессе художественного переосмысления собственно топографических задач, исполнение которых было поручено ученикам,

¹⁰ Федоров-Давыдов А.А. Указ. соч. С. 111.

существенным стал опыт Алексеева-декоратора. Благодаря мастеру, поправлявшему первоначальные виды, подлинный городской рельеф постепенно приобретает картинную выразительность и сценический характер. Усложняется перспективное решение и точки зрения на виды, пространство приобретает внутреннюю завершенность, появляются неизбежные для классицистического пейзажа «кулисы», меняются пропорции сооружений и расстояния между ними. Парадоксально, но именно благодаря подобной театрализации город начинает оживать, его архитектурная уникальность превращается в уникальность историческую. Выразительный пример подобной трансформации — варианты вида на Воскресенские ворота от Тверской улицы. Сопоставляя их, можно проследить «рождение» художественного произведения — от довольно неуклюжего безлюдного «проспекта» до картинного образа, оживленного многочисленным стаффажем.

Появление на улицах и площадях жителей города — последний образный штрих, нанесенный мастером. Разнообразные события с участием москвичей, их яркие костюмы явно вдохновляли Алексеева, несомненно, что стаффажные группы созданы на основе натуральных впечатлений. Стаффаж не только придает архитектурным проспектам жанровый характер, но и играет весьма существенную роль в символическом прочтении московских видов¹¹. Кроме того, сама манера написания стаффаж в акварелях отчетливо корреспондирует с аналогичными мотивами в картинах, где авторство пейзажиста считается безусловным и единоличным.

Тем не менее, при работе над живописными полотнами также не обошлось без участия мастерской. Работа над ними в основном проходила уже после возвращения Алексеева и его помощников в Петербург, наибольшая популярность московских видов пришлась на 1800-е — 1810-е гг. Помимо большого заказа, сделанного художнику императором Александром I, Алексей исполнял виды Москвы для графа Орлова, князя Тюфякина, А.С. Строганова и других любителей искусства¹². В 1808 г. ему было поручено написать изображения первопрестольной столицы в связи с отправкой очередного русского посольства в Китай. Год спустя один из видов Москвы был преподнесен прусскому королю, еще один продан в Англию. Художник, уже несколько лет руководивший к тому времени классом перспективной живописи, явно не справлялся с многочисленными повторениями. Об этом свидетельствует специальное распоряжение Академии,

¹¹ Карев А.А. Содержательные аспекты перспективы в работах Федора Алексева // Мир музея. 2005. № 10. (218).С. 33–34.

¹² РГИА. Ф. 789. Оп. 20. Ед. хр. 51. Л. 3.

сделанное в связи с очередным заказом: «чтобы сии картины были написаны им самим»¹³.

Таким образом, связь между Алексеевым-мастером и его мастерской органично переросла в связь между Алексеевым-педагогом и его учениками. После возвращения в Петербург Кунавин и Мошков покинули своего наставника, в качестве пенсионеров их сменили воспитанники перспективного класса Александр Комаров и Семен Максимов. В 1800-е — 1810-е гг. в классе под началом художника также числились Михаил Егоров, Александр Тон, Иван Боден (Бодин), Василий Богданов, Максим Воробьев и другие воспитанники, чье участие можно предположить в мастерских картинах.

Органическое соединение обязанностей мастера и академического профессора отмечал у Алексеева А.А. Федоров-Давыдов. В связи с этим исследователь обращал особое внимание на практику копирования учениками произведений пейзажиста, в том числе его графических работ¹⁴. Так, акварельные копии с картин Алексеева исполнял его ученик В.Д. Васильев, служивший в дальнейшем в Академии учителем и гувернером. Сохранились акварели С.Ф. Галлактионова (1820, ОР РНБ), повторяющие виды Боярской площадки с восточной и западной стороны. Одна из них представляет особую ценность, поскольку воспроизводит картину пейзажиста, настоящее местонахождение которой не известно.

Популярность московских видов, по-видимому, явилась причиной появления еще одного комплекса акварелей, так называемой второй московской серии. По наблюдению Н.Н. Скорняковой, данные листы исполнены позднее и представляют собой варианты-повторения оригинального «Портфеля»¹⁵. Более лапидарные по цвету и линейно-пластическому решению, они значительно отличаются от эталонных графических произведений Алексеева, привлекающих маэстрией перового рисунка и воздушной легкостью колорита. Участие учеников явно ощутимо и в ряде вариантов «Вида Кремля от Каменного моста», традиционно приписываемых Алексееву. Особенно уязвимы в этом отношении произведения, датируемые второй половиной 1810-х гг. — временем, когда художник тяжело болел. Возможно, именно вмешательство мастерской объясняет «мужицкую» брутальность живописного решения этих произведений.

Интересно, что постоянно подвизаясь в роли помощников и копиистов работ мастера, мало кто из учеников Алексеева продолжил работать в жанре городских проспектов в самостоятельной

¹³ Федоров-Давыдов А.А. Указ. соч. С. 95.

¹⁴ Там же. С. 74.

¹⁵ Скорнякова Н.Н. Указ. соч. С. 19.

художественной деятельности. Причина, вероятно, кроется в универсальности академических методов подготовки воспитанников. Следование традициям, воплощенным в конкретных произведениях, во многом подрывало творческую инициативу. Как правило, во время учебы ученики становились подражателями образцовой манеры наставников, что не мешало в дальнейшем изменить жанровую специализацию. Так, Кунавин, признанный одновременно с Мошковым «назначенным» в академики за московские акварели, вскоре отошел от этой темы и создавал в дальнейшем усадебные виды¹⁶. И.Ф. Боден, в 1811 г. удостоенный малой золотой медали за «Вид Невского проспекта», затем исполнял преимущественно природные ландшафты. Характер деятельности многих других воспитанников класса до сих пор остается неизвестным.

Здесь вновь возникает вопрос: можно ли говорить о создании Алексеевым собственной школы? Если под школой подразумевать непосредственных последователей в области жанра, то приходится признать, что подобным требованиям отвечает лишь М.Н. Воробьев, ставший преемником Алексеева на посту руководителя класса. Характеристика многогранной творческой и педагогической работы Воробьева остается за пределами данной статьи, но нельзя не отметить факт возникшей конкуренции между учителем и учеником в рамках московской тематики. В видах Москвы, к написанию которых Воробьев обратился в конце 1810-х гг., последователь Алексеева создал новый образ города не столько с точки зрения видового сюжета, сколько с точки зрения его пространственного решения.

Педагогическую методику Алексеева вряд ли можно признать авторской. Скорее, можно говорить о прямом и опосредованном влиянии его произведений. Родоначальник жанра городских проспектов в отечественной академической живописи, Алексеев-мастер во многом определил дальнейшее смысловое развитие пейзажных «моделей», объединивших архитектуру и окружающую ее городскую и природную среду и смог придать им историческую целостность. Именно с этой точки зрения следует признать справедливыми слова И.Э. Грабаря, считавшего, что Алексеев оказал «огромное влияние на русский пейзаж первой половины XIX века»¹⁷. Особенности художественного видения Алексеева через его графику и живопись оказали воздействие на представителей следующего поколения русских пейзажистов. Не связанные ремесленным диктатом мастерской, последователи мастера обладали более широким академическим кругозором и возможностью осмыслить творческую практику своих предшественников.

¹⁶ Там же. С. 22.

¹⁷ Грабарь И.Э. Ф.Я. Алексеев // Старые годы. 1907. Июль—сентябрь. С. 358.

References

Fedorov-Davydov A.A. *Fyodor Yakovlevich Alekseyev*. Moscow: Iskusstvo, 1955. 167 p.

Grabar I.E. *F.Ya. Alekseyev // Staryye gody*. July–September 1907, p. 357–390.

Karev A.A. *Soderzhatel'nyye aspekty perspektivy v rabotakh Fyodora Alekseyeva* [Content Aspects of Perspective in the Works by Fyodor Alekseyev] // *Mir muzeya*. 2005. № 10 (218), p. 24–34.

Skornyakova N.N. *Graficheskaya seriya moskovskikh vidov Fyodora Alekseyeva* [Graphic Series of Moscow Views by Fyodor Alekseyev] // *Fyodor Alekseyev i yego shkola. Al'bom* [Fyodor Alekseyev and His School. An Album]. Moscow: Skanrus, 2004, p. 17–25.

Usacheva S.V. *Master gorodskogo peyzazha* [Master of the Urban Landscape] // *Fyodor Alekseyev i yego shkola. Al'bom* [Fyodor Alekseyev and His School. An Album]. Moscow: Skanrus, 2004, p. 9–15.

Поступила в редакцию
21 октября 2019 г.

А.П. Салиенко

**«ЧУЖДОЕ И НЕПОНЯТНОЕ» ИСКУССТВО.
КНИГИ ОТЗЫВОВ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
МУЗЕЕВ И ВЫСТАВОК КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
«МАССОВОГО ЗРИТЕЛЯ» 1920-х гг.**

A.P. SALIENKO

**“ALIEN AND INCOMPREHENSIBLE” ART.
GUEST BOOKS OF ART MUSEUMS AND
EXHIBITIONS AS SOURCE OF STUDY
OF THE 1920s “MASS AUDIENCE”**

Аннотация. На материалах архивных источников, периодики и других печатных источников 1920–1930-х гг. в статье представлены сведения о том, как реализовывалась идея общедоступности искусства («искусство принадлежит народу») и проходило приобщение к культуре нового «пролетарского зрителя» — посетителя художественных музеев и выставок. Особое внимание уделяется ранее не исследованным материалам (таким, как книги отзывов посетителей художественных музеев и выставок, материалы социологических исследований, проводимых сотрудниками музеев, заметки экскурсоводов), позволяющим судить о реакции живого зрителя на «окультуривание» — на искусство вообще и на современное искусство в частности. Как правило, книги отзывов посетителей остаются за пределами внимания искусствоведов. По мнению автора данного исследования, обращение к этим материалам дает возможность увидеть новые повороты в изучении большой темы. Усилиями представителей художественной интеллигенции и музейных сотрудников предполагалось «приучить к искусству» рабочего и крестьянина, которые раньше не имели подобного опыта. Для большинства авторов отзывов посещение Третьяковской галереи и Музея изящных искусств имени А.С. Пушкина было первым опытом знакомства с картинной галереей и с картиной вообще («впечатление огромное», музей «великолепен», «произвел большое впечатление», «вне себя от восторга, на-

* Салиенко Александра Петровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Salienko Aleksandra Petrovna, PhD Candidate in Art History and Criticism, Associate Professor, Department of History of Russian Art, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-916-825-89-12; alsalienko@mail.ru

столько все неожиданно красиво»); зритель лучше понимал скульптуру («но только плохо, что фигуры изломаны»), ему нравилась станковая картина, но он нуждался в разъяснениях («без руководителя крайне затруднительно»), преимущество отдавалось классике и реалистическому искусству, не нравились авангард («мазня») и современная живопись («не хочется смотреть и тратить на это время»). Зрители не имели представления о формальных ценностях искусства и видели в картинах только сюжет. Материалы анкетирования художников и искусствоведов, опубликованные в 1929 г. в еженедельнике «Жизнь искусства», показали, что многие проблемы оставались нерешенными — искусство было по-прежнему «чуждым и непонятным широким рабоче-крестьянским массам».

Ключевые слова: советское искусство, массовый зритель, Государственная Третьяковская галерея, ГМИИ имени А.С. Пушкина, художественный музей, художественные выставки 1920-х гг., книги отзывов, социология искусства.

Abstract. The article analyzes archival, periodical and other printed material of the 1920s–1930s and demonstrates how the idea of accessibility of art (“art belongs to the people”) was realized and new “proletarian spectators”, visitors to art museums and exhibitions, were introduced to the culture. Particular attention is given to previously unexplored material (such as guest books of art museums and exhibitions, sociological studies conducted by museum employees, notes by tour guides). It gives the idea of audience reaction to “culturalization”, art in general and contemporary art in particular. As a rule, guest books escape the attention of art historians. The author thinks that these data allow developing a new approach to this significant topic. The artistic intelligentsia and museum staff were supposed to “accustom to art” workers and peasants who had been deprived of this experience before. For most visitors, their visits to the Tretyakov Gallery and the Pushkin Museum of Fine Arts were the first experience of getting acquainted with an art gallery and painting in general (“the impression is great”, the museum “is magnificent”, “made a great impression”, “I am overjoyed since everything is so unexpectedly beautiful”); the audience better understood the sculpture (“the only bad thing is that the figures are broken”), the visitors liked easel painting, but they needed explanation (“it’s extremely difficult without a guide”), classic and realistic art was preferred, the avant-garde (“a daub”) and contemporary painting were not liked (“I don’t want to look at and spend time on this”). The audience had no idea about the formal values of art and saw only the subject of the painting. The questionnaires of artists and art historians published in the weekly “Zhizn’ iskusstva” in 1929 revealed that many problems remained unresolved and art was still “alien and incomprehensible to the broad proletariat and peasant masses”.

Keywords: Soviet art, mass audience, State Tretyakov Gallery, Pushkin Museum of Fine Arts, art museum, art exhibitions of the 1920s, guest books, sociology of art.

* * *

«А мне больше всего “понравились”
идиотские записи в этой тетрадке».

*(Из тетради отзывов посетителей
о Третьяковской галерее, 1930)¹*

В программе коммунистической партии, принятой на VIII съезде ВКП(б) в 1919 г., давалось обещание: «... сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров»². Задачи, которые ставили перед собой представители различных художественных лагерей — от «передвижников» до лидеров авангарда — о художественно-просветительской работе, эстетическом воспитании зрителя, «диалогической» природе художественной жизни, оказались отчасти реализованными в 1920-е гг. усилиями представителей художественной интеллигенции и музейных сотрудников. Предполагалось «приучить» к искусству рабочего и крестьянина, которые раньше не имели подобного опыта.

Тем, кто занимался приобщением нового зрителя к искусству, прежде всего, необходимо было найти ответы на вопросы: «Какова психика этого зрителя — психика индивидуальная и коллективная, и чего хочет от искусства этот новый зритель?»³. Большую роль в деле окультуривания «человека массы» сыграл А. Бакушинский. Еще в 1917 г. он начал в Москве при Цветковской художественной галерее первые опыты массовой экскурсионной работы, в конце 1918 г. организовал при материальном содействии общества «Культура и Свобода» первый художественно-педагогический семинар по подготовке «экскурсионных руководителей». Летом 1919 г. началась большая экскурсионная работа, сопровождаемая методическими разработками, рассматривались также методологические подходы к изучению искусства и приемы его популяризации⁴. В 1925 г. была опубликована статья Н. Тарабукина «О некоторых предпосылках понимания искусства живописи». В 1928 г. вышли две книги: «Жи-

¹ ОР ГТГ. 8/II. №452. Л. 14

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 49.

³ Бакушинский А.В. Художественные экскурсии и их методы // Художник и зритель. 1924. № 2–3. С. 74.

⁴ Бакушинский А.В. Музейно-эстетические экскурсии. М., 1919; Он же: Художественное творчество и воспитание. Опыт исследования на материале пространственных искусств. М., 1925; Методы и практика экскурсионного дела: Сб. ст. М., 1925.

вопись и зритель. Опыт популярного изложения» Я. Тугендхольда и «Как смотреть картины» Н. Масленникова.

Из всех художественных музеев Москвы наибольший интерес у послереволюционного зрителя вызывала Третьяковская галерея, национализированная согласно декрету Совета народных комиссаров от 3 июня (21 мая) 1918 г. Помимо ставшего уже классическим наследия — от древнерусской иконописи до искусства XIX в., Третьяковская галерея располагала, особенно после ликвидации Музея живописной культуры (1919–1929) и передачи ей в 1930 г. произведений представителей «левых» течений, коллекцией работ художников, чья слава пришла на период рубежа веков, 1900-х и 1910-х гг. — от И. Левитана до К. Малевича. На протяжении нескольких лет формированием коллекции нового искусства и составлением соответствующего раздела экспозиции занимался А. Эфрос, стремившийся к тому, чтобы творчество каждого художника и художественного объединения было представлено наиболее полно и разнообразно.

Книги отзывов гостей художественных музеев свидетельствуют о том, что для большинства зрителей посещение Третьяковской галереи и Государственного музея изящных искусств⁵ было первым опытом знакомства с картинной галереей и с картиной вообще. Почти всегда посещение музея производит на публику очень сильное впечатление («впечатление огромное», «колоссальное», музей «великолепен», «прекрасен», «интересный и богатый», «вне себя от восторга, настолько все неожиданно красиво» и т.д.), порой граничащее с потрясением: «Я из далекой глухой деревушки, приехал сюды⁶ на посторонний заработок в Москву, смотрел музей искусств. Такое огромное впечатление он на меня произвел, словно я в восторг это видел»⁷. У некоторых визитеров музей рождает аналогии с древнегреческим или египетским храмом. Редко встречаются критические отзывы: «но все же для нас осталось многое непонятного, а в общем, музей не оставляет жизненных впечатлений, а как-то всё мертво»⁸.

Посетители приходили организованными группами, для которых устраивались экскурсии, но немало было самостоятельных зрителей, пришедших в галерею, потому что слышали о ней и мечтали

⁵ Далее в тексте — ГМИИ. В 1923 г. Музей изящных искусств получил статус государственного, в 1932 г. был переименован в Государственный музей изобразительных искусств. В 1937 г. ему присвоено имя А.С. Пушкина.

⁶ Здесь и далее соблюдается авторская орфография и в ряде случаев пунктуация.

⁷ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. х. 912. Л. 22.

⁸ Там же. Ед. хр. 909. Запись № 244.

увидеть своими глазами. Иные приходят в музей не в первый раз, жалуется, что убрали картины любимых художников. Посещение Третьяковской галереи после революции стало платным, и это не всегда устраивало приобщаемую к культуре публику, о чем говорят записи в книге отзывов: «Товарищ директор, надо немного спустить цены на билеты, а то с приезжающих лиц лупят 60 к.»⁹. Билет в Государственный музей изящных искусств стоил дешевле — 40 копеек. Часто зрители сталкиваются с бытовыми трудностями: «Все хорошо и прекрасно, но нет напитков в буфете, как то: сидро, квас и т.д. А если есть, то для отдельных личностей». (Подпись: Завод №7 Варшавское шоссе 15. Михайловск»)¹⁰. Гости Третьяковской галереи жалуется на холод («В галерее очень холодно, вот почему поспешность в осмотре и теряется интерес»¹¹), на отсутствие в залах стульев, что «затрудняет детальный осмотр картин». Нет стула даже у стола, на котором лежит книга отзывов, т. е. записи делали стоя. Встречаются и вовсе курьезные заечания: «Согласно вашей просьбе излагаю свое впечатление: здесь слишком мало плевательниц, я на трамваях постоянно простуживаюсь и у меня от этого сильный кашель, а плевать некуда, а платок дома забыл. Одно наказание (Подпись: Вагоновожатый)¹². «Галерея действительно заслуживает хорошего уважения и является наглядным художеством, но недостаток заключается в том, что нет трамваев, которые бы подвозили к каждой картине, иначе у посетителей отваливаются ноги»¹³. «Мне всех больше пондравился худ. Алек. Иванова На берегу Неаполетанского золива Три голых бабы»¹⁴ (напомним: на картине А. Иванова изображены три обнаженных мальчика). Некоторые гости ГМИИ с досадой отмечают, что много копий и мало подлинников («впечатление пропадает»). Трудно поверить в искусственность пролетарского зрителя в вопросах искусства, тем более, его способность отличить копию от подлинника. Видимо, узнавший о копиях посетитель музея, получивший от революции «все сокровища искусства», чувствовал себя обманутым — сокровища оказались «подделками».

Наиболее интересные сведения о посетителе Третьяковки дает изучение материалов исследований, проводимых в 1925–1927 гг. Эти материалы обсуждались на собраниях научных сотрудников гале-

⁹ ОР ГТГ. 8/II. № 447. Л. 15.

¹⁰ Там же. № 443. Л. 5.

¹¹ Там же. № 452. Л. 5.

¹² ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 908. Кн. № 9. Запись № 33.

¹³ ОР ГТГ. 8/II. № 441. Л. 4.

¹⁴ Там же. № 4 52. Л. 14.

реи, в методическо-просветительской комиссии музейного отдела Главнауки, на заседании Ученого совета художественного отдела Русского музея и в Академии художественных наук. Результатом явился сборник «Изучение музейного зрителя»¹⁵. В 1925 г. была введена небольшая опросная анкета для экскурсионных групп, в которой посетителям задавались вопросы: 1) какие картины (рисунки, скульптуры) вас более всего заинтересовали; 2) что вам дала экскурсия; 3) какие замечены недостатки; 4) какие имеются пожелания. Изучая социальный состав гостей Третьяковской галереи, исследователи выделили шесть групп: рабочие, служащие, учащиеся вузов, школьники, красноармейцы, крестьяне. Большинство рабочих и красноармейцев пришли в музей впервые. Одним из этапов исследования было изучение восприятия художественного произведения разными посетителями в различных залах.

Архивные материалы ГМИИ располагают сведениями об индивидуальной и групповой посещаемости музея за 1923–1928 гг. Социальный состав посетителей: большинство — школьники, затем — рабочие, красноармейцы, крестьяне. В 1928 г. началась работа по изучению зрителя при помощи анкет и письменных отчетов сотрудников музея о работе с экскурсантами.

Как показали книги отзывов и анкетирование, зритель лучше воспринимал скульптуру («но только плохо, что фигуры изломаны»). «Мне скульптура более понятна, чем картины. Когда смотришь на картину, то затрата энергии гораздо большая происходит, чем при рассмотрении фигур. Человеческие фигуры сразу же дают вам впечатление, и не задумываясь вы можете сказать, что они изображают. Картины для неподготовленного зрителя утомительны», — пишет посетитель ГМИИ¹⁶. Станковая картина зрителям тоже нравилась, однако они нуждались в разъяснениях («ходишь как бы вслепую», «без руководителя крайне затруднительно», «нет водителя в картинной галерее»). Самое большее количество отзывов — это жалобы на отсутствие путеводителей, разъяснений и надписей: как смотреть, с чего начинать, на что обратить особое внимание — «почему музей не делает кратких надписей под фигурами, что они собой представляют», «нет надписей у комнат, в какой же отдел эпохи, времени зашел», «картин много, статуй, сделано очень красиво. Но вместе с тем я ничего не понял из того, что я видел»¹⁷. В одной из «книг записей впечатлений» за 1930 г. администрация Музея изящных искусств оставляет запись, сообщающую, что путеводитель готовится к печати,

¹⁵ Изучение музейного зрителя / Под ред. Л.В. Розенталя. М., 1928.

¹⁶ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 910. Л. 7.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 908. Л. 8, 9, 23.

его планируется издать в начале 1931 г., над этикетажем музеев также работает в ударном порядке, Политпросветбюро музея с 1 октября организовало обслуживание посетителей¹⁸.

Гости Третьяковской галереи также просят написать «объяснения под каждой картиной, чтобы рабочий посетитель не рылся в справочниках», сетуют, что перестали продавать краткий путеводитель, который «прекрасно помогал отдельным посетителям ориентироваться». Л. Розенталь объясняет это тем, что «современный “цивилизованный” зритель привык к иллюстрации. <...> Всюду “картинки” — лишь пояснение к тексту; подпись под ней чуть ли не важнее ее самой. Без подписи ничто не понятно, ибо главное в картинке — рассказ». Примечательно, что этот «отрицательный эстетический опыт» одинаков у профессора, у банкира, у чиновника, у рабочего», привыкших видеть фотографии и иллюстрации¹⁹. Однако, усвоив эту потребность зрителя, Третьяковская галерея и ГМИИ приступили к созданию музейных путеводителей. В 1928 г. был издан «Краткий путеводитель по Третьяковской галерее» Л. Розенталя, выдержавший еще два переиздания²⁰.

Тетради отзывов Третьяковской галереи 1930 г.²¹ свидетельствуют о том, что зритель игнорировал залы иконописи, проходил мимо залов XVII–XVIII вв. («Слишком много Екатерин, Елисавет и проч. членов царствовавшей фамилии. Это абсолютно не нужно, тем более, что художественная ценность их не весьма велика»²²), оставался равнодушным к символизму «Голубой розы» и категорически не принимал искусство «Бубнового валета» («Пора прекратить издевательство над искусством, Кончаловские вызывают такое же отношение, как шарлатаны и аферисты на провинциальных базарах»²³), «футуризм» и беспредметное искусство («Трудно понимаем футуристический отдел»²⁴).

Симпатии зрителя отдавались классике и реалистическому искусству, не нравились авангард («мазня») и современная живопись («а современные картины не хочется смотреть и тратить на это время»). Особое раздражение у публики вызывало творчество Марка Шагала

¹⁸ Там же. Л. 36.

¹⁹ *Розенталь Л.В.* Первая экскурсия в Третьяковскую галерею // *Методы и практика экскурсионного дела. Сборник статей с предисловием Н.А. Гейнике М., 1925.*

²⁰ *Розенталь Л.В.* Краткий путеводитель по Третьяковской галерее. М., 1928 (переиздан в 1929, 1930). Этому же автору принадлежит книга, вышедшая в издательстве АХР: *Розенталь Л.В.* Как смотреть живопись, скульптуру, архитектуру. М., 1930.

²¹ ОР ГТГ. 8/II. № 440–452.

²² Там же. № 449. Л. 5 об.

²³ Там же. № 444. Л. 8 об.

²⁴ Там же. № 442. Л. 11.

(«Картина Шагала “Свадьба” гадость. Для чего она, не знаю, что ею хотят сказать?»)²⁵. Ни форма, ни содержание этих картин, знаковых для расцвета русского искусства начала XX в., не соответствовали представлениям нового зрителя о том, каким должно быть современное искусство. Главный аргумент — это непонятно (один из типичных отзывов: «Отдел новой живописи никуда не годится, впечатления не производит. <...> Ничего не поняли в новой живописи»²⁶).

Иногда гости Третьяковской галереи знают И. Левитана и М. Врубеля. Но больше всего им нравится реализм «передвижников» и, в первую очередь, И. Репин, В. Суриков, И. Шишкин, И. Айвазовский: «Кто бывал раньше — ну хотя бы 23–26 гг. — в галерее, того неизбежно поражает ее современное убожество. Где лучшие мастера Айвазовский, Шишкин, Репин, Серов и прочие? Где их картины? Почему посетители последних лет не видят их? Где прекрасные натурморты, которыми славилась галерея. Впечатление такое, что нетронутыми сохранились лишь Врубель, Левитан, да некоторые более мелкие художники. Произведения многих лучших мастеров представлены лишь двумя-тремя да и то не удачными образцами. В галерее наших дней нечего смотреть»²⁷. «Вообще все очень интересно, только плохо то, что мало картин Айвазовского, благодаря чему мы имеем о нем очень мало известий. (Подпись: Б. Рубинштейн. Харьков)²⁸». «1) Предлагаем полностью вывесить Айвазовского и Шишкина; 2) Желательно обязательно полностью Айвазовского и Васнецова. 2) Самые интересные картины Перова и Репина»²⁹. «Приходится изумляться устойчивости вкусов», — отмечает Л. Розенталь. Популярность этих художников — «явление в своем роде органическое, ведь она из интеллигентских и мещанских кругов просачивается в пролетарские. Айвазовский в галерее представлен малозначительными вещами, повешенными к тому же не на видном месте. И все же публика с упорством, достойным лучшего применения, отыщет их и будет восторгаться»³⁰.

Но безусловным лидером у публики стала картина И. Репина «Иван Грозный и сын его Иван» («Понравилось, как Иван Грозный убивает своего сына»³¹): «Около картины “Иван Грозный убивает своего сына” забываешь все... Хочется плакать, рыдать. После

²⁵ ОР ГТГ. 8/II. № 440. Л. 10.

²⁶ Там же. № 444. Л. 14 об.

²⁷ Там же. № 446. Л. 13.

²⁸ Там же. № 444. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 18

³⁰ *Розенталь Л.В.* Первая экскурсия в Третьяковскую галерею. С. 111.

³¹ ОР ГТГ. 8/II. № 444. Л. 8.

этой картины ничего больше не хочется смотреть. В общем галерея оставляет громадное <нрзб.> впечатление. После осмотра картин долго не можешь прийти в себя...»³². «Картина Репина “Убийство сына Иоанна Грозного” оставляет глубокий след впечатлений. При продолжительном присматривании на эту картину, в особенности в глаза тирана отца, зритель приходит в содрогание. Общее впечатление прекрасное»³³. «Много в моей непродолжительной жизни приходилось видеть картин, как живописи, так и картин живых — природы, но никогда, никогда картина не оставляла такого колоссального впечатления, как картина великого художника Репина “Убийство сына Иоанном Грозным”. Эта слеза на лице сына, эта кровь, так живо представлены, что кажется слеза сползает вниз и кровь сочится...»³⁴. Можно было бы строить догадки о том, почему популярность этой картины у зрителей «достигла размеров грандиозных, подчас анекдотических» (Л. Розенталь)³⁵, если бы на этот вопрос в свое время не ответил М. Волошин: «естественный и неизбежный эффект натурализма»³⁶. Как видим, «наркотик ужаса» продолжал действовать на публику, повидавшую немало крови за годы революции и гражданской войны.

Картины «современной советской тематики» не нравятся зрителю. Типичное мнение: «Советское искусство никуда не годится»³⁷, «Картины, изображающие советскую власть, не так хорошо исполнены, как картины старого времени»³⁸. «Не совсем хорошо изображен упадок капитализма. Остальное очень интересно. (Подпись: Рабинович Сарра. Харьков)»³⁹. «Жутко, товарищи! Или наши современные художники (за некоторыми исключениями) с ума сошли или мы — масса зрителей. Поражают своим невежеством картины на индустриальные темы — следует раньше изучить то или иное производство, а потом писать картину. (Подпись: инженер)»⁴⁰.

Как виделось в 1920-е гг., из «праздной забавы» для избранных искусству следовало превратиться в мощное средство воспитания народных масс. Постановлением Наркомпроса от 27 августа 1929 г. при музеях были созданы общественно-политические советы, ори-

³² Там же. № 441. Л. 10 об.

³³ Там же. № 444. Л. 19.

³⁴ Там же. № 450. Л. 13.

³⁵ *Розенталь Л.В.* Первая экскурсия в Третьяковскую галерею. С. 114.

³⁶ *Волошин М.* О Репине. М., 1913. С. 31.

³⁷ ОР ГТГ. 8/II №441. Л. 14.

³⁸ Там же. № 442. Л. 4.

³⁹ Там же. № 444. Л. 7.

⁴⁰ Там же. Л. 4.

ентирующие их на участие в политической жизни страны, пропаганду индустриализации, коллективизации, нового социалистического быта. В 1930 г. в залах Третьяковской галереи открылась «Выставка революционной и советской тематики», ставшая, по словам ее организатора А.А. Федорова-Давыдова, первым опытом «политической выставки в доселе беспартийной галерее». Устроители выставки преследовали задачу принципиально изменить характер экспозиции с целью приобщения масс к искусству и идеологического воспитания зрителя. Предполагалось, что эта выставка положит начало реконструкции экспозиции Третьяковской галереи, показав себя «как основной музейный метод освещения и подачи материала»⁴¹: использовались приемы смешанной экспозиции (фото, кадры из кинофильмов, макеты и проч.), «на стенах художественного музея впервые появились политические лозунги, цитаты из Ленина и из партийных постановлений»⁴². Развивая идеи массового искусства, устроители включили в экспозицию работы художников-самоучек и детские рисунки. В протоколе обсуждения выставки ее называют экспериментальной и дискуссионной, еще со времени подготовки ее сопровождают жаркие споры⁴³.

Зрителям, оставившим свои отзывы в «тетради для записи впечатлений»⁴⁴, выставка в основном не понравилась: «Революционный отдел — это издевательство над искусством! Картины одного тона, но есть и чувствуются достижения создать чего-то нового и почти достигнутого. Г. Казань»⁴⁵. Придя в картинную галерею, зрители рассчитывали увидеть картины, но столкнувшись с предложенным им концептуальным экспериментом, впали в уныние. «Следовало бы исключить отрывки из кинофильм», — писали одни; убрать фотографии и плакаты предлагали другие. Но и показанные на выставке картины тоже не внушали пролетарскому зрителю оптимизма: «Для чего на выставке советской тематики навешали какой-то дряни, грязи, детской мазни, которую следовало бы давно спрятать в запас Г.Т.Г. Куда вы запрятали все хорошие картины. Их выставить бы на место мазни. (Подпись: рабочие электростанции)»⁴⁶.

⁴¹ Федоров-Давыдов А.А. Советский художественный музей. М., 1933. С. 57.

⁴² Там же. С. 61.

⁴³ Подробно о выставке см.: Салиенко А.П. Выставка произведений революционной и советской тематики в Государственной Третьяковской галерее 1930 года. Забытый эксперимент // История искусства в России — XX век: интенции, контексты, школы. Материалы XXVIII-х Алпатовских чтений. Академия Художеств. М., 2018.

⁴⁴ ОР ГТГ. Ф. 8/II. № 445. Выставка социальной тематики. 18 июля — 13 августа 1930.

⁴⁵ Там же. С. 9.

⁴⁶ Там же. С. 13.

«В отделе революционной и советской тематики хороших картин, отражающих борьбу в революции и советское строительство, нет. Имеющиеся картины похожи больше на критику некоторых эпизодов революционной борьбы и соц. стройки. Мы желали бы видеть не такие картины — более лучшие в художественном отношении. <...> Впечатление создается такое, что у нас в СССР искусство регрессирует. Мы сомневаемся в искренности настоящего показа революционной борьбы и социалистической стройки составителя этого отдела показать в настоящем виде. Нужно в это дело вмешаться». Подпись: Тюмен. группа (24 чел.)»⁴⁷.

В 1928 г. молодые художники группы «Рост» устроили выставку в Клубе имени Кухмистерова в Москве, в рабочем районе. Готовя декларацию объединения, ученики Р. Фалька заявляют «программу действия»: «Общество проводит свою выставочную работу через клубы, передвигая выставку из одного района в другой, тем самым конкретно осуществляя лозунг “искусство в массы”»⁴⁸. Их опыт «хождения в народ» затем повторили другие художественные объединения. С 11 марта по 20 апреля 1928 г. на выставке в клубе имени Кухмистерова ежедневно бывало 1000–2000 человек, проводилось анкетирование зрителей. Из 4000 анкет в «ящике для отзывов» выяснилось, что 75% посетителей на выставках прежде не бывали. Большинство за изображение «здорового человеческого тела», «физкультуры и вообще здоровой молодежи». На первом месте — «Физкультурница» живописца М. Николадзе и «Физкультурница» скульптора М. Столпниковой. Громадной гипсовой группой «Строители» З. Ивановой один комсомолец пожелал украсить свою комнату, чем потешил вхутеиновцев («Что же он с ней будет делать?»). Проведенный опрос также показал, что неискушенному рабочему зрителю нравятся пейзажи и натюрморты⁴⁹. При выставке была организована литературно-методическая комиссия, в ней участвовали художники и экскурсоводы, которые, дежуря на выставке, вели беседы с людьми, собирали анкеты и записывали мнения. Простой зритель хочет, чтобы искусство было «ясным», «доступным», «понятным», отражало «действительно переживаемую эпоху», запечатлеvalo труд и быт современного рабочего человека. Большинство зрителей предпочитает натуралистическое изображение предметов: должно было «похоже»

⁴⁷ Там же. С. 11.

⁴⁸ *Ройтенберг О.О.* Неужели кто-то вспомнил, что мы были... М., 2004. С. 42. См. также: Советское искусство за 15 лет. Материалы и документация / Под ред. И. Маца. М.; Л., 1933. С. 567.

⁴⁹ См.: *Александров А.* Рабочий зритель о живописи // Вечерняя Москва. 6.07.1928. С. 3.

на то, что человек видит вокруг себя, но это «похожее» хотят видеть изображенным в ярких тонах. Нравится определенность и четкость рисунка. Большое недоумение вызывают импрессионистические картины с неясными контурами и недостаточно четко прорисованными деталями. Проблема художественного качества произведения остается закрытой для массового зрителя, реакция которого зачастую сводится к обескураживающей неискушенности восприятия: «Дуся, погляди, яблоки! Красные какие!»⁵⁰.

Чтобы доказать, «что такое хорошо, что такое плохо», ростовцы поместили в витрине «произведения», купленные на Сухаревском рынке. В споре «кто кого» победила Сухаревка. На этом социологический эксперимент прекратился⁵¹.

В своем обзоре художественной жизни Москвы 1929 г., упоминая выставку нового объединения Общества художников-общественников (ОХО), образовавшегося после раскола «Роста» и показавшего свою продукцию во Дворце имени Авиахима, Ф. Рогинская отмечает следующий факт: «Несмотря на большой разноряд в смысле уровня развития зрителя, подавляющее большинство отзывов отмечало как отрицательные те работы, в которых ощущается формальное искание как таковое, т.е. без смысловой целеустремленности (работа Рабиновича “Певцы” и ряд других). И по контрасту больше всего положительных отзывов собрало беспритязательное полотно Николадзе “Швеи” — две молодые девушки за столом. Зрители так и отмечают “простоту и правдивость изображения”»⁵². Превыше всего ценится «натуральность, чтобы как в зеркале отражалось». Недовольство вызывает «затемненность цвета» и отсутствие «сильных эпизодов массовой борьбы пролетариев как героев современности». Молодежь, второпях взглянув на живопись, протестует против «изображения стариков». По мнению безымянного профработника, «этот ряд измученных и утомленных лиц кроме сухого вида пережитого ничего не дает». Отзывчивым кое-что «дает», и они наивно просят рассказать о пережитом «Старухой» М. Николадзе, «Стариком» И. Лейзерова, «Верой» Л. Литвиненко, «Манькой из села Ильинское» Е. Рожковой, «Асфальтщицами» Н. Голубец⁵³.

Результаты анкетирования, проведенного на выставке художественного объединения «Рост», показывают, что «и рабочий-горожанин, и рабочий, не порвавший с деревней, одинаково хотят видеть

⁵⁰ Фибих Д.В. Рабочий у картины // Красная нива. 1929. № 2 (6 января). С. 10.

⁵¹ Ройтенберг О.О. Указ соч. С. 42.

⁵² Рогинская Ф.С. Художественная жизнь Москвы. Выставки // Новый мир. 1929. № 8–9. С. 305.

⁵³ Ройтенберг О.О. Указ. соч. С. 43.

на картине изображение природы, они тянутся к пейзажу, причем предпочитают не “чистый” пейзаж, а оживленный, связанный с современной темой. Пейзажи рабочие зрители любят двоякие: одни из них предпочитают экзотику (крымские виды и вообще изображение чужой природы и радуются, что на земле есть такие “красивые” места), а другие, напротив, хотят видеть на картинах знакомую им природу и быт родной деревни. “Мне, — пишет один чугунолитейщик, — понравились картины из крестьянской жизни, потому что я сам крестьянин и картины подходят к той местности, в которой я жил”⁵⁴.

1 июня 1930 г. на заседании подсекции художественной пропаганды и агитации Коммунистической академии был организован диспут, имевший целью «сделать хотя бы первые шаги по изучению зрителя» и посвященный теме «Пути советского плаката и массовой картины». Выступивший с докладом психолог Д. Рейтынбарг⁵⁵ приводит данные социологического исследования, проведенного на выставке плаката в Центральном доме Красной Армии: «Все зрители получили на руки анкету, в которой их просили писать свое впечатление об этой выставке и об отдельных экспонатах. В результате получилось 1900 анкет, обработано 1500. Социальное положение зрителей: Рабочих 40%, учащихся 22 %, служащие 14%, крестьяне 7 %. Другие группы представлены значительно меньше. Среди 1500 человек мужчин около 80%, женщин около 15%. По возрасту около 50% люди от 21 до 40 лет, причем от 21 до 30 лет около 40%. Очень мало художников посетило выставку, 27 человек», тогда как всего за 2 месяца выставку видели не меньше, чем 35 тыс. человек.

Анализ собранных на выставке анкет показывает «чрезвычайно низкий уровень художественной культуры зрителя, посетившего выставку. Какие же это признаки? Во-первых, социальность темы. Те плакаты привлекают внимание, где дана какая-то острая социальная тема. По оформлению почти все они натуралистичны. Во-вторых, зрителя привлекает яркая окраска. Все эти плакаты многокрасочные. В-третьих, все темы и картины обладают сравнительной доступностью. ... Наконец, большой популярностью пользуются те картины, где изображены любимые люди, любимые вожди. Кроме того, все эти картины обладают сценичностью, на них всегда происходит какое-то событие. Наконец, плакаты и картины с преобладанием положительных настроений и моментов, бодрости, смелости и т.д. вызывают одобрение, в то время, как картины, отличающиеся

⁵⁴ Александров А. Указ. соч. С. 3.

⁵⁵ Д.И. Рейтынбарг — психолог, специалист в области психологии труда, психологии воздействия. Особое внимание уделял воздействию через рекламу и плакаты.

мрачностью настроения, находят осуждение»⁵⁶. Типичным примером неподготовленного зрителя служит запись, сделанная в анкете посетителем выставки, подписавшимся «красноармеец»: «Для меня все хороши “плокады”. Плохих плокадов я не нашел. Но если бы я был спец по этому делу, то я бы отыскал здесь недостатки и о них писал бы, а то я мало в них понимаю. Ну, вот и все. Я больше ничего об этом не напишу»⁵⁷.

Конечно, отклики, оставленные посетителями художественных музеев и выставок в книгах записи впечатлений, не могут дать полной картины, поскольку отзывы обычно оставляет только небольшая часть публики. В этом смысле примечательна запись, сильно выбивающаяся из общей, казалось бы, удачно складывающейся картины и ставшая ответом на довольно типичное высказывание одного из зрителей: «Посетив Третьяковскую галерею, считаю своим долгом отметить особенно сильное полученное мной впечатление в картине Ярошенко “Всюду жизнь”. Это есть действительно глубокий психологический, реально отображающий действительную жизнь художник»⁵⁸. «Предыдущий отзыв товарища о картине “Всюду жизнь” ярко иллюстрирует психологическую глубину его индивидуальности. Простите, что критикую товарища, но не картину. Я невольно обратил внимание на зрителей и задумался над тем, как у нас все шаблонно оценивается, какие шаблонные отзывы, слова и выражения. Нет индивидуальности у зрителя, нет разнообразных точек зрения и вкусов к тому или иному художественному явлению, которое бесспорно представляет собой кусок жизни, многогранный комплекс, затрагивающий в каждом зрителе свои, чисто индивидуальные эмоциональные мотивы. А что мы видим у нашего зрителя? Увидев тетрадь отзывов, он не нашел ничего, кроме мотива “заключенных”. И этот мотив реален, жизненен, но оценка неправдива, неискренна, а по моде, по шаблону. Пустите отзывы о портретах Екатерины, и наш зритель будет говорить только о них и не больше. Печально. Мы невежественны»⁵⁹.

Отдел рукописей ГМИИ располагает материалами, датированными 1928-м г., освещающими проблемы налаживания работы экскурсоводов («руководителей») с «приезжими группами» экскурсантов. Сотрудники музея получили задание наблюдать за посетителями и составлять отчеты об их поведении во время экскурсий «для изучения запросов, интересов и замечаний о музее». Вслед за гостями,

⁵⁶ Архив РАН. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 12.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ОР ГТГ. 8/II. № 447. Л. 7.

⁵⁹ Там же. Л. 7–8.

экскурсоводы отмечают отсутствие путеводителя, каталога и полной серии открыток по восточному, скульптурному и живописному отделам, предлагают оставить книгу отзывов для посетителей или отдельные листки, куда они могли бы записывать свои впечатления. Это означает, что до 1928 г. книги отзывов в музее не практиковались, и, вероятно, появились только в 1930 г. (во всяком случае, более ранние экземпляры в архиве музея отсутствуют). Сотрудники ГМИИ отмечают, что в основном зрителям нравится скульптура: «На скульптуру спрос очень большой». В залах живописи народа меньше, но нравится французская живопись, особенно Буше и барбизонцы. Заинтересованность экскурсантов проявляется в желании «удержать впечатления путем приобретения открыток. Настойчиво все спрашивали скульптуру, подходили к большим таблицам, продающимся по рублю и, узнав цену, разочарованно уходили. Открытки с картинами покупались нарасхват, особенно Буше и Коро, многие покупали сразу весь комплект и негодовали на отсутствие фотографий со скульптурой и каталога всего музея»⁶⁰. «Неоднократно посетители спрашивали о цене выставленных Аполлона Бельведерского и Артемиды Версальской, но узнавши, что эти “художественные таблицы” по 1 рублю, обычно отказывались. За день продано 3 Аполлона и 1001 открыток. Из проданных открыток по французскому отделу живописи рекордным явилось “Купание в лесу” Коро и “Туалет Венеры” Буше. На 6 или 7 месте стояла “Деревенская любовь” Бастьена Лепаж. Очень многие, особенно дальние экскурсанты, спрашивали, нет ли альбомов открыток, сшитых в одно целое, что крайне удобно для туриста и коллекционера»⁶¹.

Наблюдение, сделанное сотрудником ГМИИ о предпочтениях зрителей, поставивших на первое место картины Буше и Коро и отодвинувших на шестое или седьмое места «Деревенскую любовь» Лепаж, заставляют нас обратить внимание на такой вполне предсказуемый на первый взгляд сюжет, как восприятие эротических мотивов пролетариями, учитывая, что Пушкинский музей изобилует изображениями обнаженной натуры. В частности, экскурсоводы отмечают интерес зрителей к Праксителю и Микеланджело. Но примечательно, что очень редкие посетители делятся своими впечатлениями на эту тему, ограничиваясь целомудренными рассуждениями: «Осмотр выставки физической культуры и Древней Греции поощряет развитие физкультуры и поэтому он очень полезен. Побольше скульптуры, понятной и полезной рядовому посетителю музея!»⁶²; «Музей

⁶⁰ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 776. Л. 17.

⁶¹ Там же. Л. 19.

⁶² Там же. Ед. хр. 910. Л. 7.

изящных искусств понравился вторым после Московского зоопарка. Древние скульпторы становятся близкими нам, т.к. изображали, в большинстве случаев, тела людей такими, к каким стремится наша советская физкультура. (Подпись: сибирячка Покровская)»⁶³. Только один посетитель оставил отзыв, выделяющий его из благочестивой пролетарской компании: «Впечатление в общем из всего хорошее, только почему же так много голых мужчин и женщин. Я пришедши с матерью прямо не знал что делать и пришлось ходить одному, так как смех не давал ходить вместе. А что было бы, если был бы зал специально для таких картин, а еще прибавить и происхождение и развитие человека. (Подпись: 2 друга. Модель и подружка)»⁶⁴. На запись ответили с негодованием другие посетители: «Замечательный образец глупости»; «Балбес и идиот»⁶⁵. Еще один посетитель оставил неумелый любительский рисунок эротического характера, который искусствоведы неизбежно сравнили бы с художественной провокацией Г. Курбе «Происхождение мира» (1866), конечно, не известной создателю наброска. Этими двумя нелепыми репликами, эротическая тема, пожалуй, исчерпывается.

Содержащиеся в книгах отзывов жалобы посетителей ГМИИ и Третьяковской галереи на отсутствие в киоске репродукций понравившихся картин («Почему нет репродукций “Портрета неизвестной” Крамского. У нее всегда собирается толпа народу — по-видимому, она пользуется большим успехом. Все хотят увековечить память о ней, а репродукций и нету!!!!»⁶⁶) открывают еще одну проблему в изучении массового зрителя и в какой-то мере объясняют очевидные неудачи современного искусства. Герои искусствоведческих баталий к концу десятилетия вынуждены признать: «Рабочий, служащий, даже крестьянин воспитывался за последние десятилетия на сентиментальном натурализме тысяч открыток, “искусстве” олеографий и портретах отечественных героев. На всем этом образовались его понятия о “красоте”. Совершенно естественно, что он восхищается картинами, говорящими на понятном ему языке»⁶⁷. В 1928–1929 гг. вышел ряд статей, посвященных лубку в разных изданиях, авторы которых констатируют: парадоксально или предсказуемо, но это и есть то самое искусство для масс, о котором грезил революционный эпоха. К такому же заключению приходят озабоченные проблемой

⁶³ Там же. Запись 12.06.30.

⁶⁴ Там же. Ед. хр. 905. Л. 60.

⁶⁵ Там же. Л. 60.

⁶⁶ ОР ГТГ. 8/II. № 452. Л. 2.

⁶⁷ Курелла А. Художественная реакция под маской «героического реализма» // Революция и культура. 1928. № 2. С. 46.

массового искусства участники упомянутого диспута в Комкадемии: «плакат и лубок, т.е. народная картина, являются в настоящее время мощным орудием агитации и массовой пропаганды, которое необходимо использовать»⁶⁸.

В то же время материалы анкетирования художников и искусствоведов в рамках дискуссии на тему «Как улучшить положение художника», опубликованные в 1929 г. (в эпоху подведения итогов «революционного десятилетия») на страницах ленинградского еженедельника «Жизнь искусства», показали, что многие проблемы так и остались не решенными: невнимание к творчеству художника широких масс, отсутствие организованных экскурсий на выставки современного искусства, жалобы на некомпетентную критику и низкий общий культурный уровень — в общем, искусство по-прежнему продолжало оставаться «чуждым и непонятым широким рабоче-крестьянским массам»⁶⁹. Тем не менее, надо признать, что просветительская деятельность музеев приносила свои плоды, хотя и не в массовых масштабах.

References

Fedorov-Davydov A.A. *Sovetskij hudozhestvennyj muzej* [Soviet Art Museum]. Moscow: Izogiz–Poligraf. tekhnikum, 1933, 90 p.

Roytenberg O.O. *Neuzheli kto-to vspomnil, chto my byli...* [Did Anyone Really Remember That We Had Been...]. Moscow: Galart, 2004. 543 p.

Salienko A.P. *Vystavka proizvedeniy revolyutsionnoy i sovetskoy tematiki v Gosudarstvennoy Tretyakovskoy galereye 1930 goda. Zabytyy eksperiment* [The Exhibition of Works on Revolutionary and Soviet Themes in the State Tretyakov Gallery in 1930. A Forgotten Experiment] // *Istoriya iskusstva v Rossii — XX vek: intentsii, konteksty, shkoly. Materialy XXVIII Alpatovskikh chteniy* [History of Art in the 20th-century Russia: Intentions, Contexts, Schools. The Acta of the 28th Alpatov Workshop]. Moscow: Akademiya khudozhestv, 2018, p. 171–179.

Поступила в редакцию
20 октября 2018 г.

⁶⁸ Архив РАН. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 38.

⁶⁹ Как улучшить положение художника. В. Воинов // *Жизнь искусства*. 1929. № 20. С. 10.

К ЮБИЛЕЮ ЛИДИИ ВАСИЛЬЕВНЫ КОШМАН

24 марта 2020 г. отмечается юбилей Лидии Васильевны Кошман, доктора исторических наук, главного научного сотрудника и руководителя лаборатории истории культуры исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Л.В. Кошман в 1948 г. поступила на исторический факультет МГУ, который окончила с отличием в 1953 г. и была оставлена в аспирантуре. Ее научными руководителями в годы обучения были профессор А.М. Панкратова и доцент С.С. Дмитриев. В 1958 г. Л.В. Кошман защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Хлопчатобумажная промышленность Московской и Владимирской губ. накануне отмены крепостного права. К истории промышленного переворота в России».

В 1961 г. Л.В. Кошман стала научным сотрудником созданного на факультете подразделения — Кабинета (с 1971 г — Лаборатории) истории культуры, который возглавил доцент А.М. Сахаров. Вся последующая исследовательская (авторская и редакторская), а также научно-организационная работа Лидии Васильевны связана с этой лабораторией, которую она возглавила в 1989 г.

Одним из основных направлений научной деятельности лаборатории стала подготовка и издание многотомного коллективного научного труда «Очерки русской культуры», 10 томов которого (посвященных XIII–XVIII вв.) были изданы до конца 1980-х гг. В ходе работы над этим капитальным трудом выявлялись новые подходы к анализу историко-культурных процессов, прежде всего — попытка отойти от чисто отраслевого принципа, вследствие которого культура представляла как совокупность достижений того или иного вида человеческой деятельности. Разрабатывалась новаторская концепция — осмысление историко-культурных проблем в более широком социокультурном контексте, что создало возможность перейти к системному изучению культуры. Кроме того, складывались основные методы научно-организационной работы при подготовке коллективной монографии: расширение авторского коллектива за счет приглашения специалистов из столичных и региональных научных, учебных, музейных учреждений; привлечение авторов и сотрудников лаборатории к обсуждению тезисов и текстов очерков, участие молодых сотрудников лаборатории в авторской работе. Эти принципы подготовки коллективного издания, заложенные А.М. Сахаровым, были продолжены и развиты Л.В. Кошман в новых

условиях развития науки. Лидия Васильевна справедливо считает, что в число учителей, которые оказали влияние на формирование ее научных интересов и приобретения опыта работы, входит и Анатолий Михайлович Сахаров.

Круг ее научных интересов включает проблемы русской культуры XIX — начала XX в., вопросы социально-экономического развития дореформенной России, генезис буржуазии и ее роль в общественно-культурной жизни страны, социо-культурные аспекты изучения русского города, диалог власти и городских дум XIX — начала XX в. Реализация этих интересов выразилась в авторской работе в «Очерках» XVII, XVIII, XIX вв., конца XIX — начала XX в. В 2001 г. Л.В. Кошман защитила докторскую диссертацию «Русский город в XIX в.: социокультурный аспект исследования». Собранный там материал переработан в монографию «Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты» (2008) и учебное пособие «Город в пореформенной России. Социокультурные и правовые аспекты» (2018).

В 1998–2005 гг. был подготовлен шеститомник «Очерков русской культуры» XIX в., а в 2011–2016 гг. — трехтомник «Очерков» рубежа XIX–XX вв. Условия работы над «Очерками» изменились: научная деятельность над проектами стала финансироваться государственными фондами — РГНФ, а затем РФФИ. Это позволяло с большей гибкостью формировать авторский коллектив, но и накладывало на руководителя проекта и исполнителей определенные обязательства в научном и организационном отношении.

Концепция этих изданий была разработана руководителем проекта Л.В. Кошман. В основу изучения историко-культурного процесса XIX столетия был положен системно-функциональный подход, являвшийся в то время сравнительно новым в исследовании культуры. Культура рассматривается как целостная система в структуре общественной жизни с присущими ей в то же время противоречивостью и динамичностью. Такой подход позволяет учесть не только производство культурных ценностей, но и их распространение, восприятие и усвоение, он отражает культуротворческий аспект жизни общества. Культура выступает, таким образом, одним из показателей общественного прогресса. Применение системно-функционального метода дало возможность ввести в «Очерках русской культуры» понятие общественно-культурной среды, или культурного пространства, поставить проблему взаимоотношения власти и культуры, власти и общества, рассмотреть механизм распространения культуры, прежде всего — систему образования и культурно-просветительных учреждений, поставить вопрос о демократизации культуры.

Культура конца XIX — начала XX в., воплотив всё предшествующее развитие, отразила общественно-культурные новации эпохи. Новизной концепции трехтомного издания, посвященного этому периоду, стал отказ от абсолютизации приоритетности экономического фактора в развитии общества. По-новому освещалась художественная культура этого времени — через состояние художественной жизни России, сосредоточенной в различных объединениях, кружках, обществах, клубах. Важной чертой концепции трехтомника стал отказ от представления о 1917 г. как жесткой границе в развитии культуры.

«Очерки русской культуры» XIX в. и конца XIX — начала XX в. получили признание научной общественности: на каждый том серии в исторической периодике опубликованы рецензии, монографии востребованы в учебном процессе и научной работе историков культуры.

С 2018 г. Лидия Васильевна является руководителем проекта, посвященного проблеме общественно-культурной жизни в России в годы Первой мировой войны. В связи с историографическим расширением изучения такой огромной темы как история Первой мировой войны, научно востребованной становится тема «Война и культура». В «Очерках» будет предпринята попытка представить социокультурный срез жизни российского общества в военные годы.

Другим важным направлением работы Лаборатории было изучение истории Московского университета. Л.В. Кошман внесла большой вклад в исследование этой проблемы — как автор и как руководитель лаборатории, которая участвовала в работе над юбилейными изданиями по истории главного вуза страны. Ее первое «прикосновение» к этой теме связано с подготовкой юбилейного издания «Московский университет за 50 лет Советской власти» (1967). По инициативе А.М. Сахарова, при активном участии Л.В. Кошман и других сотрудников лаборатории было подготовлено первое издание «Летописи Московского университета» (1979). Данный тип исследования истории МГУ получил продолжение: опубликованы «Летописи исторического факультета», подготовленные к 60-летию, 70-летию, 80-летию факультета. К 250-летию МГУ опубликован «Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. 1934–2004». В трех изданиях монографии «Московский университет в Великой Отечественной войне», подготовленных лабораторией, освещается вклад Московского университета в Победу. Л.В. Кошман являлась автором разделов первого издания книги, опубликованной к 30-летию Победы.

Лидия Васильевна всегда вела педагогическую работу: просеминары, спецсеминары, чтение лекций, спецкурсов, подготовка дипломников (около 30 человек) и аспирантов (защищено 3 кандидатские диссертации). Она участвовала в написании учебника по истории

России XIX — начала XX в., включенного в серию «Классический университетский учебник» и изданного к 250-летию университета. Совместно с лекторами кафедр отечественной истории она более десяти лет читала курс «История русской культуры», результатом стало первое в стране учебное пособие «История русской культуры. IX–XX вв.» (1990). Пособие было переведено и издано на китайском и корейском языках. В 2018 г. это учебное пособие переиздано в шестой раз. Уже третье его издание было подготовлено в значительно расширенном варианте. Л.В. Кошман как автор нескольких крупных разделов и как главный редактор пособия способствовала обновлению авторских текстов за счет введения новых разделов, переосмысления некоторых сюжетов, расширения хронологических границ исследуемого культурного процесса вплоть до современности, привлекая наработки последних лет в области изучения культуры. Данное издание до сих пор является единственным обобщающим пособием для студентов и всех интересующихся вопросами русской культуры.

Л.В. Кошман — авторитетный ученый, активно участвующий в общественно-научной жизни. Она член Ученого совета и диссертационного совета по отечественной истории при историческом факультете; неоднократно являлась официальным оппонентом по докторским и кандидатским диссертациям. Ее доклады и сообщения на конференциях неизменно пользуются вниманием, публикуются в научной прессе и получают благоприятные отклики. Можно выделить следующие: 1991–1995 гг. — Республиканские научные конференции по изучению провинциальной культуры XVIII–XX вв., развитию провинциального города (Москва, Елец, Пенза); 2005–2007 гг. — научно-практические конференции по изучению русского города и городских сословий; 2009, 2011, 2017 гг. — Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова; 2014, 2018 гг. — научно-практические конференции, посвященные работе Московской городской думы, конференции в связи со 150-летием образования в России земств и др.

Разносторонняя научная деятельность Л.В. Кошман способствует плодотворному изучению истории культуры. Требовательное, высокопрофессиональное и вместе с тем интеллигентное руководство коллективом лаборатории истории культуры способствовало тому, что в ней сложился квалифицированный в профессиональном отношении научный коллектив, члены которого в атмосфере взаимного уважения ведут самостоятельную научную работу, являющуюся частью научной тематики лаборатории.

Коллектив лаборатории сердечно поздравляет Лидию Васильевну с юбилеем, желает ей крепкого здоровья, бодрости и дальнейших творческих успехов.

Избранная библиография

К истории промышленного переворота в России. Формирование кадров постоянных рабочих на хлопчатобумажных фабриках села Иванова в 30–50-е гг. XIX в. // История СССР. 1957. № 5.

Из истории промышленного переворота в России. По материалам хлопчатобумажного производства Московской и Владимирской губерний в первой половине XIX в. // Вестник Моск. университета. Сер. 8. История. 1968. № 4.

Из истории промышленного переворота в России. По материалам хлопчатобумажного производства Московской и Владимирской губерний в первой половине XIX в. // Вестник Моск. университета. Сер. 8. История. 1969. № 2, 5.

Русская дореформенная буржуазия. Постановка вопроса и историография проблемы // История СССР. 1974. № 6.

Фабричные школы в России в первой половине XIX в. // Вестник Моск. университета. Сер. 8. История. 1976. № 2.

Культура России XIX — начала XX вв. Учебник для исторических факультетов / Под ред. В.А. Федорова. М., 1998 (изд. 2-е — в серии «Классический учебник» к 250-летию Московского университета).

Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998.

Профессиональное образование // Очерки русской культуры XIX в. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001.

История русской культуры IX–XX вв. Учебное пособие. 3-е доп. перераб. изд. М., 2002 (в соавт.). Отв. ред. и авт. ряда разделов. Изд. 6-е. М., 2018.

Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. Монография. М., 2008.

Город на рубеже столетий: лаборатория и хранитель культуры // Очерки русской культуры. Конец XIX — начало XX в. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 2011.

Власть и город. Судьбы местного самоуправления // Очерки русской культуры. Конец XIX — начало XX в. Т. 2. Власть. Общество. Культура. М., 2011.

Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестник Моск. университета. Сер. 8: История. 2011. № 5.

Власть и город: к вопросу о самоорганизации общественности в российских городах. Конец XIX — начало XX в. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 4.

Градское общество российских городов: социально-правовой статус. Конец XVIII–XIX вв. // Русь. Россия. Средневековье и новое время. Материалы V Чтений памяти акад. Л.В. Милова. М., 2017.

Город в пореформенной России. Социокультурные и правовые аспекты. Учебное пособие. М., 2018.

Всероссийский союз городов: к вопросу о самоорганизации общественности в российских городах в конце XIX — начале XX вв. // Московская городская Дума. 1862–1917 гг. Материалы научно-практической конференции. Серия: Московская городская Дума. 25 лет. М., 2019.

*(Сысоева Е.К., кандидат ист. наук,
ст. науч. сотрудник лаборатории истории культуры)*

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2019 Г.**

	№	С.
Абрамова И.Л. Манифест 5 апреля 1797 г. в исторической литературе: а был ли указ о трехдневной барщине?	№1	21–38
Аксаньян К.Э. Разрядные книги как источник для реконструкции служилых биографий представителей русской аристократии: на примере князя В.И. Шуйского	№5	16–25
Алмазов М.Г. «С сегодняшнего дня ежедневные советы у меня»: к вопросу о роли военно-полицейских совещаний в период Декабрьского вооруженного восстания 1905 г.	№1	75–84
Андреев Д.А. Тверской губернатор П.Д. Ахлѣстышев и министр внутренних дел И.Л. Горемыкин: противостояние по вопросу о земстве в 1896–1897 гг.	№6	60–75
Астахов М.А. История поздней Реконкисты сквозь призму византийского опыта (читая книгу Р.М. Шукурова «Тюрки в византийском мире»)	№1	3–20
Астахова Н.С. К проблеме изучения «древнейшего слоя» Пантикапея.	№2	151–164
Белявская О.С. «Никольские находки» III–VII вв. в лесостепном Предуралье.	№4	144–159
Вергазов Р.Р. Садово-парковое искусство Ахеменидского Ирана. К проблеме реконструкции и типологии древнеперсидских парадизов.	№5	89–107
Винюкова Н.В. И.И. Фудель о проблеме воцерковления интеллигенции	№1	39–53
Волгин Е.И. Проблема принятия Российского закона «О политических партиях» в середине 1990-х гг.	№6	96–119
Гильмитдинова А.Х. К вопросу о критериях элитных погребальных памятников ранних кочевников Южного Урала VI–IV вв. до н.э.	№1	123–137
Грызунова А.А. Портреты Томаса Лоуренса из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве	№5	159–174
Гусакова А.В. Влияние «внешнего фактора» на распространение культов святых в средневековом Уэльсе (на примере культов св. мучениц Гвенфреви и Тегиук)	№4	3–17
Дементьева В.В. Архаический Рим в исследованиях И.Л. Маяк: теоретические проблемы и понятийный аппарат	№3	3–30
Долгих Е.В. К истории повседневности: развитие общественного питания в России в XVI–XX вв.	№2	17–63
Дородных С.А. Образ лошади в тагарском искусстве	№4	124–143
Дроздов А.А., Долженко В.Д., Андреев М.Н., Лунин В.В. Технология производства смальтовых стекол на Усть-Рудицкой фабрике М.В. Ломоносова	№5	140–158
Жарова Я.Э. Цвет в Баухаузе в контексте цветовой культуры Германии начала XX в.	№2	165–184

Жиборкина А.В. Внутриволостная миграция в Устюжском уезде в XVII в. по материалам писцовых и переписных книг: первые наблюдения.	№2	3–16
Зинченко И.А. Институционализация внешней культурной политики V Французской Республики	№6	76–95
И.Д. Ковальченко: Человек. Ученый. Профессор. Научные чтения к 95-летию со дня рождения (Н.Г. Абрамова)	№4	188–199
Карев А.А. К вопросу об истоках исторической картины в России	№1	146–159
Князев П.Ю. Проблема англо-шотландской унии в сочинениях Чарльза Дэвенанта (1656–1714).	№5	26–36
Корганова М.Э. Теория выживания в нацистских лагерях Бруно Беттельхейма и метод логотерапии Виктора Франкла применительно к изучению стратегий выживания заключенных советских исправительно-трудовых лагерей в 1929–1939 гг.	№2	75–97
Крючкова А.А. Трилистники для Д. Трампа: визит ирландского премьер-министра Э. Кенни в Вашингтон в День святого Патрика в 2017 г. в контексте нелегальной иммиграции в США.	№2	117–130
Кулаков В.И. Священное древо пруссов.	№3	147–160
К юбилею Лидии Васильевны Кошман (Сысоева Е.К.)	№6	193–196
Лакстыгал И.М. Атлантизм США и европеизм Франции в греко-турецком конфликте (1967–1975).	№3	98–114
Латышева О.Ю. Средневековая литературная традиция в жизни современной Исландии	№4	98–123
Леонтьева Н.И. Советские специальные лагеря в Германии в 1945–1948 гг.	№1	105–122
Ли Ву Соп. История изучения звериного стиля хунну в России, Южной Кореи, Китае и Монголии (основные вехи)	№3	132–146
Логвенков И.С. Политика правительства РСФСР по сдерживанию кризиса союзной экономики в августе–сентябре 1991 г.	№3	115–131
Лукоянов И.В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и изменения в механизмах внешней политики России.	№4	65–82
Мальцева М.В. Профессиональные знания и умения «совершенного купца» и их реализация в деловой активности великоустюжской купеческой семьи Буддаковых в конце XVIII — начале XIX в. ..	№3	69–81
Малявин В.В. Заметки о современной критике концепции России-Евразии	№5	70–88
Марней Л.П., Чернов С.Л. Торжественные и праздничные дни российской империи и Царства Польского середины — второй половины XIX в.	№4	55–64
Медяков А.С. «Открытки достаточно». Место и функции открытки в германской полевой почте периода Первой мировой войны.	№3	82–97
Научная конференция «Экономическая история античности в мировой историографии» (МГУ, 31 января 2018 г.) (М.В. Дурново)...	№1	160–168
Недомолкин А.Г. Технология расщепления каменного сырья в раннем верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа (по материалам Мезмайской пещеры)	№2	131–150
Озерова А.С. Детские годы провинциального польского шляхтича в XIX в.	№4	36–54
Окрошидзе Л.Г. Портреты Генриха VII и принца Уэльского Артура: легитимизация и глорификация власти в живописи	№1	138–145

Омельянчук И.В. Социальный состав монархических организаций Владимирской губернии в 1905–1907 гг.	№1	85–104
Панькина М.А. Дегаевщина: к вопросу о масштабах провокации. ...	№2	64–74
Родин Д.В. Веймарская республика и «Северное Локарно» Рафаэля Эриха.	№5	54–69
Савинова А.Г. Проект Средиземноморского пакта в политике министра иностранных дел Франции Луи Барту (февраль–октябрь 1934 г.	№4	83–97
Салиенко А.П. «Чуждое и непонятное» искусство. Книги отзывов посетителей художественных музеев и выставок как источник изучения «массового зрителя» 1920-х гг.	№6	176–192
Седов В.В. Церковь Покрова на Нерли и собор в Модене	№3	161–181
Сережникова Д.С. Топография и хронология западноевропейских находок из раскопок Великого Новгорода (конец XII — первая половина XV в.)	№6	141–165
Смирнова А.А. Формирование политического «Движения 5 звезд» в Италии (2005–2013)	№2	98–116
Стрекалов И.Н. Г.С. Хрусталёв-Носарь в 1905 г.: к предыстории создания Петербургского Совета рабочих депутатов.	№1	54–74
Суслина А.Г., Богомолов М.Л. Методика реконструкции родственных связей между крестьянами (по материалам ревизий второй половины XVIII в.)	№6	43–59
Телин К.О. Эффект замедляющейся модернизации: «колея» и стабильность в Османской империи	№3	31–50
Ткаченко В.В. Памятники и святыни древнего Киева в восприятии путешественников XVIII в.	№3	51–68
Усачева С.В. Федор Алексеев и ученики: в мастерской и в классе	№6	166–175
Фролов Д.И. Молокане Тамбовщины в 1990–2010-е гг. (по материалам полевых исследований)	№6	120–140
Хлебников Д.В. К уяснению значения эпитета «в Силах» в названиях некоторых русских иконографий	№5	108–139
Хохлов Д.А. Рецензия: Придворная культура эпохи Возрождения. Актуальные проблемы русскоязычной историографии (Под ред. Л.М. Брагиной, В.М. Володарского. М.: РОССПЭН, 2014)	№2	185–198
Хрулева И.Ю., Мохова О.А. Религиозная полемика эпохи первого «Великого Пробуждения» в Британской Америке и создание колледжа Нью-Джерси (1746)	№4	18–35
Черненко В.Г. Семантика изображений животных-защитников на геммах и перстнях Нижнего Дона.	№5	3–15
Чуркина Д.А. Декорация Зала Месяцев палатцо Скифаноя: к истории изучения и восприятия	№4	160–187
Шиккуло М.И. Французские послы при иностранных дворах во второй половине XVII — начале XVIII в.: репрезентация королевской власти	№6	25–42
Шимбирёва О.А. «Письма черносотенцев и других лиц»: проблемы интерпретации текстов.	№5	37–53
Ясеновская А.А., Немировский А.А., Шелестин В.Ю. Змеборческий сюжет на оттиске староассирийской печати из коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина: мифологический контекст.	№6	3–24